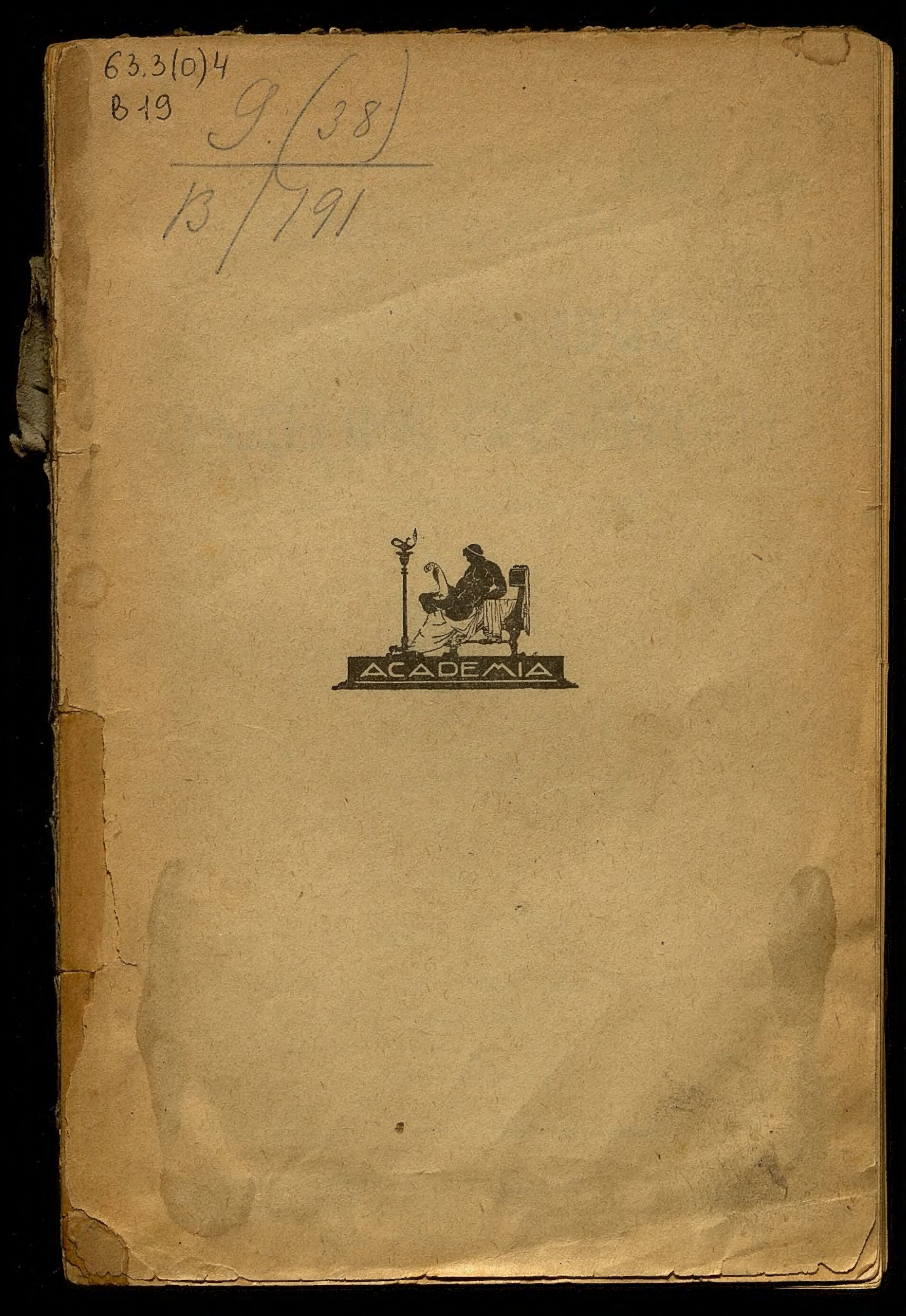

ACADEMIA

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

Обл. тип., г. Кострома

А. А. ВАСИЛЬЕВ

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИИ

ЭПОХА ПАЛЕОЛОГОВ (1261—1453)

„ACADEMIA"
ЛЕНИНГРАД 1925

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. ВНЕШНЯЯ ИСТОРИЯ ВРЕМЕНИ ПАЛЕОЛОГОВ.

II. ОЧЕРК ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ ИМПЕРИИ В ЭПОХУ ПАЛЕОЛОГОВ.

Стр.

Настоящая монография по истории Византии излагает последние судьбы политически и экономически умиравшей империи греческих василевсов, т. е. одну из самых захватывающих драм всемирной истории. Ни уния с Римом, ни помощь, правда очень незначительная, Запада, ни тонкая, подчас вынужденно заискивающая и унизительная политика Палеологов перед султанами, не могли спасти одряхлевший организм империи.

Константинополь, как прежде, привлекал к себе внимание и возбуждал честолюбивые замыслы у сильных соседей; причем, того, чего не смогли добиться Карл Анжуйский в XIII и Стефан Душан в XIV веке, достиг молодой и энергичный Мухаммед II в XV веке.

Византия пала. Но ее культурное дело в отношении средневекового Запада, юго-славянских стран и России, Румынии и ближнего, особенно кавказского, и мусульманского Востока не умерло.

Я намеренно пока оставляю в стороне общее суждение о значении Византии в мировой истории, так как подобная задача заслуживает отдельной монографии, которая должна иметь в виду не только ту или иную эпоху истории Византии, а весь ход ее истории, как внешней, так и внутренней, со всеми сложными процессами ее политической, социальной, экономической и общекультурной жизни.

А. А. Васильев.

4 февраля 1924 г.

I. ВНЕШНЯЯ ИСТОРИЯ ВРЕМЕНИ ПАЛЕОЛОГОВ.

1. Общее положение империи в эпоху Палеологов. Малая исследованность эпохи. Характеристика государей.

„Константинополь, этот акрополь вселенной, царственная столица ромеев, бывшая, с соизволения божия, под властью латинян, снова очутилась под властью ромеев — это дал им бог через нас“. Такие слова мы читаем в автобиографии Михаила Палеолога, первого государя восстановленной Византийской империи [1]).

Территориальные размеры государства Михаила были гораздо меньше, чем пределы Византии в эпоху Комнинов и Ангелов, особенно после первого крестового похода, не говоря уже о более ранней эпохе. В 1261 г. империя обнимала северо-западный угол Малой Азии, большую часть Фракии и Македонии, Солунь (Фессалонику), некоторые острова в северной части Эгейского моря (Архипелага); отсюда видно, что Босфор и Геллеспонт, эти в высшей степени важные с политической и торговой стороны водные артерии, входили в состав восстановленной империи. Эпирский деспотат находился от нее в зависимости. В самом начале своего правления Михаил получил в виде выкупа за освобождение из плена Ахайского князя Вильгельма Виллькардуэна, захваченного греками, как было рассказано в предыдущей книжке, в битве у Кастории, три сильных франкских крепости в Пелопоннесе: лежащую на восточном берегу Монемвасию, известный укрепленный замок Мистру и построенную франками в горах Тайгета для борьбы с обитавшими там славянскими племенами Маину. Эти три полученные греками крепости сделались опорными пунктами, откуда войска визанoивских императоров с успехом выходили против франкских герц. ıоgrЭтому остатку былой великой империи угрожали со всех сторон сильные политически и экономически на-

[1]) Imp. Michaelis Palaeologi De vita sua opusculum, VIII Христ. Чтение, 1885 г., II, 535 (греч. текст); 556 (русск. перевод).

родности: с востока, со стороны Малой Азии, турки, с севера— сербы и болгары; венецианцы занимали часть островов Архипелага, генуезцы некоторые пункты на Черном море, латинские рыцари Пелопоннес и часть Средней Греции. Ввиду столь великих опасностей, империя Михаила Палеолога не собрала воедино даже всех греческих центров: Трапезунтская империя продолжала жить своею обособленною, самостоятельною жизнью; византийские владения в Крыму, а именно Херсонская фема с прилегавшею к ней областью, так называемыми готскими климатами, подпала власти трапезунтских императоров и платила им дань. Эпирский же деспотат находился лишь в некоторой зависимости от восстановленной империи Михаила. Во всяком случае, при Михаиле Палеологе империя достигла наиболее широких пределов, какие она имела в последний период своего существования; но эти пределы сохранялись лишь в его царствование, так что „Михаил Палеолог, по словам проф. Т. Флоринского, в этом отношении был первый и вместе с тем последний могущественный император возобновленной Византии“ [1]). И тем не менее, империя первого Палеолога представляется современному французскому византинисту (Дилю) „худосочным, расслабленным, жалким телом, на котором покоилась громадная голова — Константинополь“ [2]).

Столица, не оправившаяся от разгрома 1204 г., перешла в руки Михаила в состоянии упадка и разрушения; лучшие, наиболее богатые здания стояли разграбленными; церкви лишены были своей драгоценной утвари; влахернский дворец, ставший со времени Комнинов императорской резиденцией и восхищавший своим богатым убранством и мозаиками приезжих иностранцев, находился в состоянии глубокого запустения, будучи внутри закопчен, по выражению греческого источника, „итальянским дымом и чадом“ [3]) во время пиров латинских государей, и сделался поэтому необитаемым.

Если Византийская империя времени Палеологов не перестает быть первостепенным центром цивилизованного мира, то Константинополь перестает быть одним из центров европейской политики. „После реставрации Палеологов империя имеет почти исключительно местное значение национального греческого средневекового царства, которое в сущности является продолжением Никейского, хотя вновь основалось во Влахернах (т. е. во влахернском дворце) и облеклось в обветшавшие формы древней

---

[1]) Т. Флоринский. Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в. Вып. I, Спб., 1882, 23.

[2]) Diehl. L'Empire Byzantin sous les Paléologues. Etudes byzantines, Paris, 1905, 220.

[3]) Georgii Pachymeris libri tredecim, ed. Bonn., I, 161.

Византийской державы" [1]). Вокруг этого стареющего организма растут и усиливаются более молодые народы, особенно сербы XIV века при Стефане Душане и османские турки; предприимчивые торговые итальянские республики, Генуя и Венеция, особенно первая, овладевают всею торговлею империи и ставят последнюю в полную финансовую и экономическую от себя зависимость. Вопрос сводился к тому, кто из этих народов и когда покончит с империей восточных христиан, овладеет Константинополем и будет господствовать на Балканском полуострове. История XIV века, как мы увидим ниже, решит этот вопрос в пользу турок.

Но если в сфере политической международной жизни Византия Палеологов занимает второстепенное место, то в сфере внутренней она имеет крупное значение. В эпоху Палеологов можно отметить любопытный факт возрождения в населении греческого патриотизма, с обращением взоров к античной эллинской древности. Так, официально императоры продолжают носить обычный титул „василевса и автократора ромеев"; но некоторые выдающиеся люди того времени убеждают василевса принять новый титул „государя эллинов". Чувствуется, что прежняя обширная разноплеменная держава превратилась в скромное по территориальным размерам и в греческое по своему составу государство. В проявленном чувстве эллинского патриотизма XIV—XV веков, в тяготении того времени к славному эллинскому прошлому можно не без основания видеть одно из начал, откуда выйдет в XIX веке возрождение современной нам Греции. Но, кроме того, эпоха Палеологов, когда в империи причудливо смешались элементы Запада и Востока, отмечена высоким подъемом умственной и художественной культуры, что при полной временами безотрадности внешнего положения и почти непрекращавшейся внутренней смуты может на первый взгляд казаться несколько неожиданным. Византия за это время дала не мало ученых и образованных людей, писателей, иногда оригинальных по таланту, в самых разнообразных отраслях знания. Такие же памятники искусства, как мозаики в константинопольской мечети Кахриэ-джами (византийском монастыре Хоры), в пелопоннесской Мистре и на Афоне позволяют вернее оценить важность художественного творчества при Палеологах. Этот художественный подъем эпохи Палеологов часто сопоставлялся с эпохой начального возрождения искусства в Западной Европе; т. е. ранней эпохой итальянского гуманизма и возрождения, на основании чего ставились в науке те или другие вопросы,

[1]) Б. А. Панченко. Латинский Константинополь и папа Иннокентий III. Летопись Ист.-Филол. Общ. при Новороссийском университете. XXI (1914), 1. (отд. оттиска).

давались те или иные ответы. О всех этих явлениях в области литературы и искусства и о главнейших возникавших в науке в связи с ними вопросах будет подробнее сказано ниже, в отделе о византийской культуре в эпоху Палеологов.

Время Палеологов принадлежит к наименее исследованным вопросам византийской истории, причинами чего являются; с одной стороны, чрезвычайная сложность их истории, как внешней, так и особенно внутренней, а, с другой стороны, обилие и разнообразие источников, из которых многие к тому же еще не изданы и продолжают находиться среди рукописных сокровищ западных и восточных библиотек. До сих пор в науке еще не существует ни одной настоящей полной монографии ни об одном из императоров Палеологов, которая бы охватывала все стороны правления того или другого представителя этой династии; вышедшие же до сих пор монографические исследования о том или другом государе данной эпохи, обычно, разрабатывают и освещают какую-либо одну сторону их деятельности.

Династия Палеологов принадлежит к известной греческой фамилии, давшей Византии, начиная с первых Комнинов, не мало энергичных и даровитых людей, особенно на военном поприще, и породнившейся с течением времени с императорскими фамилиями Комнинов, Дуков и Ангелов; вследствие чего первые Палеологи, Михаил VIII всегда, Андроник II большею частью, а, может быть, иногда и Андроник III, подписывались четырьмя фамильными именами, например: Михаил Дука Ангел Комнин Палеолог. Позднее императоры стали подписываться только „Палеолог".

Династия Палеологов занимала византийский престол в течение 192 лет (1261—1453), т. е. представляла собою пример самой продолжительной династии на протяжении всей византийской истории [1]). Первый из Палеологов, воссевших на трон расшатанной и сильно урезанной Восточной империи, коварный, жестокий, но талантливый и искусный дипломат Михаил VIII (1261 — 1282), сумевший спасти государство от грозившей ему страшной опасности с Запада, а именно со стороны королевства Обеих Сицилий, передал престол своему сыну Андронику II Старшему (1282 — 1328), которого, по словам одного английского историка (В. Миллера), „природа предназначила в профессора богословия, а случай сделал византийским императором" [2]). Андроник II был женат дважды: первая его жена Анна была дочерью угорского (венгерского) короля Стефана V; вторая жена Виоланта — Ирина была сестрою северо-италь-

---

[1]) Наиболее близкая к Палеологам по продолжительности Македонская династия сидела на престоле в течение 189 лет.

[2]) W. Miller. The Catalans at Athens. Roma, 1907, 4.

янского маркграфа Монферратского, которая после смерти брата сделалась наследницей маркграфства; не будучи в состоянии, как византийская императрица, принять маркграфство, она отправила туда одного из своих сыновей, который и основал в Монферрате династию Палеологов, прекратившуюся лишь в первой половине XVI века. Необладавший государственными способностями Андроник в 1295 г. короновал императорским венцом своего старшего сына от первой жены, Михаила, который, хотя и умер в 1320 г., т. е. раньше своего отца, однако, в качестве соимператора, в исторических трудах нередко называется Михаилом IX. Женат он был на армянской принцессе Ксении-Марии.

Сын Михаила IX и внук Андроника II юный Андроник был при жизни отца в течение долгого времени любимцем деда. Но легкомысленный характер молодого Андроника, склонный к любовным приключениям, привел к тому, что одно из подобных приключений, закончившееся случайным убийством его брата и повлекшее за собою вследствие этого преждевременную смерть его отца, Михаила IX, окончательно изменило отношение деда к внуку. Между ними возгорелась междоусобная борьба. Против Андроника Старшего образовалась сильная оппозиционная партия, первенствующую роль в которой играл знаменитый впоследствии Иоанн Кантакузин, ставший на сторону Андроника Младшего. Гражданская война закончилась в пользу внука, который в 1328 г. захватил неожиданно Константинополь и заставил престарелого Андроника Старшего отречься от престола. Низложенный император, долгое правление которого было временем нового упадка Византии, закончил свою жизнь (в 1332 г.) монахом в одном из монастырей.

Во главе правительства Андроника Младшего (1328—1341) стал главный руководитель восстания против его деда—Иоанн Кантакузин, в руки которого перешли внутреннее управление государством и иностранные дела. Сам новый император, предаваясь отчасти попрежнему веселью и охотничьим прогулкам и не чувствуя склонности к занятию государственными делами, принимал, тем не менее, личное участие в многочисленных внешних войнах, которые были в его царствование. Между тем, исключительное по влиянию положение в государстве, занятое Кантакузином, не удовлетворяло последнего, так как целью его было подготовить для себя путь к императорскому трону или, по крайней мере, к полновластному регентству. Эта мысль занимала его в течение всех 13 лет правления Андроника и являлась руководящей нитью всей его деятельности. Мать Андроника, вдова Ксения-Мария, и вторая супруга его западная принцесса Анна Савойская [1]) относились

[1]) Первый брак Андроника III на германской принцессе Ирине был бездетным.

весьма недоброжелательно к всепоглощающему влиянию Кантакузина. Однако, последний при помощи ряда интриг сумел удержать свое положение до самой смерти Андроника.

После смерти Андроника III в 1341 г. его старшему сыну новому императору Иоанну V, минуло едва одиннадцать лет. Вокруг трона несовершеннолетнего государя за обладание влиянием и властью возгорелась долгая гибельная для и без того ослабевшей империи междоусобная война, главную роль в которой играл Иоанн Кантакузин. Против него создалась сильная партия из вдовы покойного императора Анны Савойской, объявленной правительницей, ее сторонника, бывшего ставленника Кантакузина, алчного и властолюбивого Апокавка, получившего главную власть, патриарха и некоторых других лиц. Характерной чертою междоусобной распри XIV века является участие в ней, то на одной, то на другой стороне, иноземных народов, преследовавших свои политические цели, а именно сербов, болгар и особенно турок, сельджуков и османов. Уже несколько месяцев спустя после смерти Андроника III Кантакузин в одном из городов Фракии провозгласил себя императором (Иоанн VI). Вскоре после этого в Константинополе было устроено торжественное коронование Иоанна V Палеолога. В империи появилось два императора. Кантакузин, нашедший сильную опору в турках (за одного османского султана Кантакузин выдал замуж даже свою дочь), он одержал верх. Главный его соперник Апокавк был в это время убит в Константинополе. Как бы дополнением к упомянутой церемонии провозглашения послужила коронация Кантакузина, совершенная в Адрианополе иерусалимским патриархом, который возложил на голову нового императора золотую корону. После этого столица открыла ему ворота. Правительница Анна Савойская должна была уступить, и Кантакузин был признан императором наравне с Иоанном Палеологом. Вскоре последовала новая коронация Кантакузина, дочь которого Елена была выдана замуж за юного Палеолога. Честолюбивые замыслы Кантакузина исполнились.

В том же году (1347), когда столица открыла ворота Кантакузину, в Риме на короткое время во главе правления встал знаменитый мечтатель, увлеченный воспоминаниями о былой славе Римской республики, трибун Кола ди Риенцо, к которому Кантакузин отправил посольство с поздравительным письмом по случаю достижения им власти над Римом [1]).

Бурное правление Катакузина, во время которого Иоанн Палеолог был отодвинут на задний план, протекало в тесной связи с международными отношениями эпохи, о чем речь будет

[1]) Epistolario di Cola di Rienzo. Ep. XXXI; ed. Gabrielli, Roma, 1890, 106 (Fonti per la storia d'Italia. Epistolari. sec. XIV, № 6).

ниже. В своей же личной политике Кантакузин стремился к полному устранению Палеолога; он провозгласил своего сына императором, объявил его соправителем и наследником и запретил поминать имя Иоанна Палеолога в церквах и на общественных торжествах. Однако, влияние Кантакузина в населении все более и более ослабевало; последний удар его популярности был нанесен фактом утверждения турок в Европе. Иоанн Палеолог, при содействии генуезцев, в конце 1354 г. вступил в Константинополь. Кантакузин вынужден был отречься от престола, после чего он постригся в монахи под именем Иоасафа и провел последнюю часть своей жизни за составлением своих интересных мемуаров, о которых мы будем говорить ниже [1]). В одной из греческих рукописей Парижской Национальной Библиотеки сохранились две интересных миниатюры с изображением Кантакузина; на второй из них Кантакузин, одетый в свой императорский наряд, представлен рядом со своим же изображением в монашеском одеянии. Сын его также отрекся от престола.

Сделавшийся, наконец, единодержавным императором, Иоанн V Палеолог получил, особенно после опустошений междоусобной войны и внешних неудач, весьма жалкое наследство. „Несколько островов, по словам проф. Флоринского, и одна провинция (Фракия), вконец разоренная и обезлюженная, в одном конце которой, у самой столицы, гнездились хищные генуезцы, а с другого поднимался могущественный турецкий колосс: вот та империя, которою ему приходилось править" [2]).

Но этим семейные злоключения Иоанна V не кончились. Он разошелся со своим старшим сыном Андроником, который в 1376 г., при помощи генуезцев, низложил отца, короновался, как Андроник IV (1376—1379) и сделал соимператором своего сына Иоанна. Престарелый Иоанн V и его любимый сын и будущий император Мануил были посажены в темницу. Однако, в 1379 г. Иоанну V удалось бежать из заключения и, при помощи турок, снова вернуть себе трон. Между отцом и Андроником состоялось соглашение, продолжавшееся до смерти последнего (в 1385 г.). После этого Иоанн V, минуя своего внука упомянутого Иоанна, короновал соимператором своего сына Мануила. Наконец, в самом конце правления Иоанна V против него поднял восстание известный нам его внук и сын Андроника IV Иоанн, захвативший Константинополь в 1390 г. и правивший лишь в течение нескольких месяцев (Иоанн VII), когда на престоле, благодаря деятельному Мануилу, был восстановлен Иоанн V. В начале 1391 г. Иоанн V умер после

[1]) Кантакузин умер в 1383 г.
[2]) Флоринский, I, 135.

продолжительного бурного и несчастного царствования. Императором после него сделался сын его Мануил II (1391—1425).

Новый император незадолго до своего вступления на престол женился на Елене, дочери владетеля северной Македонии Константина Драгоша (Драгаса), т. е. славянке. Последняя дала Мануилу шесть сыновей, из которых двое сделались последними византийскими императорами, Иоанн VIII и Константин XI, часто носящий славянскую фамилию своего деда по матери Драгоша (Драгаса). Отсюда видно, что два последних Палеолога на императорском престоле были полуславянами. До нас дошло изображение славянской супруги Мануила— Елены с прозванием Палеологины на миниатюре одной интересной греческой рукописи, хранящейся в Париже, и на одной свинцовой печати (по-гречески такие печати называются моливдовулами).

Красивый, благородный, прекрасно образованный и одаренный литературным талантом Мануил еще с юных лет, при жизни отца, остро почувствовал весь ужас положения империи и всю унизительную тяжесть грядущего для него государственного наследства. Получив от отца в управление Фессалонику, он вошел в сношения с населением одного македонского города, захваченного войсками султана Мурада, в целях избиения турецкого гарнизона и освобождения города от турецкого ига. Султан узнал об этом и собрался жестоко наказать правителя Фессалоники. Не будучи в состоянии оказать сопротивление надвигавшейся грозе, Мануил, после бесполезной попытки найти убежище у испуганного отца, направился прямо в резиденцию Мурада и принес ему расскаяние в своем поступке. „Безбожный, но разумный“, по словам источника, султан благосклонно принял пришельца, провел с ним несколько дней и, на прощанье снабдив дорожными припасами и богатыми подарками, отправил его обратно к отцу с письмом, в котором просил отца „простить сыну то, что он по неведению соделал“. В своей же напутственной речи Мануилу, по сообщению того же источника, Мурад будто бы между прочим сказал: „Управляй с миром тем, что тебе принадлежит, и не ищи чужого. Если же у тебя будет какая-либо нужда в деньгах или в другом содействии, я всегда с радостью буду готов исполнить твою просьбу“ [1]).

В другой раз, преемник Мурада Баязид потребовал от Иоанна V, вместе с присылкой условленной дани, отправки к нему Мануила с вспомогательным отрядом греческих солдат. Мануил должен был подчиниться и принять участие в грабительской экспедиции турок по различным областям Малой Азии. Испытанное унижение, полное бессилие избавиться от него и лише-

[1]) Georgii Phrantzae I, 11; ed. Bonn., 48—49.

ния похода ясно чувствуются в письмах Мануила за это время. Описав в одном письме голод, холод, утомление и переход через горы, „где даже дикие звери не могли бы питаться", Мануил делает полное трагизма замечание: „все это переносится сообща со всем войском; но вот что нестерпимо для нас: ведь мы сражаемся с ними и за них; а это значит увеличивать их силу и уменьшать силу нашу" [1]). В другом письме, по поводу встречавшихся во время похода разрушенных городов, Мануил писал: „На мой вопрос, как эти города назывались, те, кого я спрашивал, отвечали: как мы их уничтожили, так время уничтожило их название; и тотчас же меня охватывает печаль; но я печалюсь молча, будучи еще в силах сдерживать свои чувства" [2]). В таких условиях унижения и раболепства перед турецкими варварами пришлось жить Мануилу до вступления на престол.

Благородная сторона его натуры особенно проявилась в выкупе отца его Иоанна V из рук венецианцев, которые, при возвращении императора из Италии, о чем речь будет ниже, задержали его в Венеции за неуплату в срок взятой в долг суммы денег. В то время как старший сын Иоанна Андроник, управлявший в отсутствие отца государством, оставался глух к мольбам отца собрать нужную сумму, Мануил быстро сделал это и, отправившись лично в Венецию, выкупил отца из позорного плена.

После долгого и тяжелого царствования Мануил в последние годы жизни удалился от государственных дел, вручив ведение последних сыну Иоанну и посвятив все свое время изучению священного писания. Вскоре после этого императора постиг удар; за два дня до смерти он постригся в монахи под именем Матфия.

Сын и преемник его Иоанн VIII царствовал с 1425 по 1448 г. Новый император был женат трижды, и все три его супруги принадлежали к различным национальностям. Первою супругою Иоанна была юная русская княжна Анна, дочь великого князя Московского Василия I, прожившая в замужестве всего три года, успевшая за этот короткий срок сделаться любимицей столичного населения и ставшая жертвою морового поветрия. Вторая супруга Иоанна была итальянка, София Монферратская, обладавшая, при высоких духовных качествах, настолько непривлекательною внешностью, что вызывала в Иоанне отвращение к себе; описав ее наружность, византийский историк (Дука) приводит народную поговорку его времени: „спереди пост, а сзади пасха" [3]). Не вынесши своего унизительного

[1]) Lettres de l'empereur Manuel Paléologue, publ. par E. Légrand. Paris, 1893, 28—29 (№ 19).
[2]) Там же 23 (№ 16).
[3]) Ducae Historia byzantina, XX; ed. Bonn., 100.

положения при дворе, София, при помощи галатских генуэзцев, бежала, к удовольствию супруга, в Италию, где и закончила дни в монастырском уединении. Третью супругу Иоанн нашел себе в лице трапезунтской принцессы из дома Комнинов Марии, „отличавшейся красотою и обычаем" [1]). Эта обаятельная женщина, привлекательность которой отмечена как у византийского историка, так и у проезжавшего через Константинополь в то время французского паломника ко святым местам, восхищенного василиссой при ее выходе из храма св. Софии, пользовалась до самой своей смерти большим влиянием на императора. Умерла она раньше Иоанна. До сих пор еще существует на одном из Принцевых островов (около Константинополя) небольшая часовня св. Девы, построенная красавицей императрицей из Трапезунта.

У Иоанна VIII ни от одной из трех супруг не было детей. Когда осенью 1448 г. он умер, поднялся вопрос о преемнике. Тогда находившаяся еще в живых императрица-мать, жена Мануила II, братья покойного императора и высшие сановники Константинополя остановили свой выбор на Константине, одном из братьев Иоанна VIII, бывшим в то время морейским деспотом. Об избрании нового императора было доведено до сведения султана, который одобрил кандидата. После этого в Морею была отправлена депутация, которая и объявила Константину о его избрании на гибнувший трон когда-то великой Византии. В начале 1449 г. в средневековой Спарте, т. е. в Мистре, где находилась резиденция деспота, была совершена коронация последнего византийского императора, который вскоре после этого на каталонских судах прибыл в Константинополь и с торжеством был встречен населением. Обе супруги Константина из латинских фамилий, обосновавшихся на христианском Востоке,— первая из фамилии Токко (Тоссо), вторая из известной генуэзской династии на острове Лесбосе Гаттилусио (Gattilusio),— умерли еще до избрания Константина на престол. Переговоры же о третьей супруге новому императору на западе и востоке, напр., в Венеции, Португалии, Трапезунте и Иверии (Грузии), закончились ничем. Падение Константинополя и смерть Константина помешали осуществлению этих брачных планов. Его доверенный друг и дипломат, историк эпохи Палеологов, Георгий Франдзи оставил нам в своей истории интересное описание его миссии найти для императора невесту в Трапезунте и Иверии [2]). Современный нам историк (Диль) замечает, что, несмотря на давнее существование брачных связей между византийскими императорами и западными принцессами, в последний критический момент империи взоры последнего императора об-

[1]) Ducas, XX, 102.
[2]) Georgii Phrantzae III, 1 (206 сл.).

ратились в поисках супруги к более им близкому, понятному и родственному востоку [1]).

Константин XI пал при взятии Константинополя турками в мае 1453 г. На месте христианской восточной монархии основалась сильная военная держава османских турок.

Из братьев, переживших Константина, Димитрий Палеолог попал в плен к Мухаммеду II, который женился на его дочери; умер Димитрий в Адрианополе монахом, под именем Давида. Другой брат Фома окончил жизнь в Италии, лелея мечту о крестовом походе против турок и найдя у папы материальную поддержку для собственного существования. Сын его Андрей, ставший уже католиком, являлся единственным законным представителем династии Палеологов, имевшим права на утраченный византийский престол. До нас дошел любопытный документ, на основании которого Андрей Палеолог будто бы передавал свои права на империю константинопольскую и трапезунтскую и на сербский деспотат французскому королю Карлу VIII. Последний, предпринимая в конце XV века свой поход на Неаполь, думал, что его итальянская экспедиция явится лишь началом для его дальнейших завоеваний, а именно Константинополя и Иерусалима, что указывает на существование мечтаний о крестовом походе в конце XV века. Вероятно, акт передачи упомянутых прав Карлу VIII остался лишь проектом, так как позднее Андрей Палеолог уже передавал свои права на византийский престол Фердинанду и Изабелле Испанским [2]). Конечно, подобные передачи прав на Византию никаких реальных результатов не имели.

Дочь Фомы Палеолога и сестра только-что упомянутого Андрея Зоя была выдана замуж за далекого великого князя Московского Иоанна III и известна в русских источниках под именем Софии Палеолог. „Царевна, по словам проф. Ключевского, как наследница павшего византийского дома, перенесла его державные права в Москву, как в новый Царьград, где и разделяет их со своим супругом“ [3]). Москва стала уподобляться „седьмихолмому Риму“ и называться „третьим Римом“. Папа указывал преемнику Иоанна III на его право стоять за свою „отчину Константинопольскую“.

Таким образом, падение Византийской империи и брак Иоанна III с Софией Палеолог выдвинули вопрос о правах

[1]) Diehl. Figures byzantines. II, 289—290 (р. пер., II, 326).

[2]) См. А. Васильев. Передача Андреем Палеологом прав на Византию французскому королю Карлу VIII. Сборник в честь Н. И. Кареева. Спб. 1914, 273—274. Текст документа у Foncemagne в Mémoires de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. XVII, Paris, 1751, 572—577. Русск. перевод у А. Васильева, 275—278.

[3]) В. Ключевский. Курс русской истории, II, 150.

московских государей, этих представителей и защитников восточного православия, на захваченный османскими турками престол византийских василевсов.

2. Западная политика Михаила VIII. Королевство Обеих Сицилий. Отношения к Генуе и Венеции. Карл Анжуйский и его замыслы против Византии. Сицилийская Вечерня и ее значение для Византии.

Центральное место во всей внешней политике Михаила VIII занимают его отношения к королевству Обеих Сицилий; в связи с последними развиваются и принимают известные формы его отношения к итальянским республикам—Генуе и Венеции и к папской курии. Отношения к туркам на востоке также находятся в зависимости от западной политики.

Как уже было рассказано выше, в конце XII века германский государь Генрих VI Гогенштауфен, сын Фридриха Барбароссы, благодаря своему браку с норманской принцессой Констанцией, наследницей норманского государства в южной Италии и Сицилии, объединил королевство Обеих Сицилий под своею властью и вместе с тем унаследовал всю упорную вражду норманнов к Византии и их завоевательные планы. Соединение королевства Обеих Сицилий с Германией продолжалось до 1250 г., когда умер Фридрих II Гогенштауфен, после смерти которого его побочный сын Манфред сделался королем сицилийским; в Германии же воцарился на короткое время законный сын Фридриха Конрад IV. Под управлением Манфреда, заботившегося не только о материальных, но и о духовных интересах своего государства, Сицилия наслаждалась глубоким миром; двор его был самым блестящим двором того времени; иностранные государи с уважением относились к Манфреду, и бежавший из Константинополя последний латинский император Балдуин II обращался к нему за помощью о возвращении утерянного трона. В отношении Византии Манфред усвоил политику своих предшественников, которая должна была серьезно беспокоить Михаила VIII, особенно со стороны возможной латинской реставрации в Константинополе. Только-что было отмечено, что лишившийся престола Балдуин II уже появился при дворе Манфреда с определенными планами и мольбами. Кроме того, подеста́ (главный представитель) живших в Константинополе генуэзцев, которые в то время пользовались совершенно исключительно благоприятными условиями торговли в Византии, вступил в сношения с Манфредом и предлагал план внезапного овладения Константинополем и восстановления в нем латинского господства. Узнав об этом, разгневанный

Михаил VIII выслал генуезцев из столицы и завязал сношения с Венецией, результатом которых был новый договор с республикой св. Марка, восстановлявший и подтверждавший прежние привилегии венецианцев и обязывавший последних совместно с греками выступить против генуезцев, если последние откроют военные действия против империи.

Но каких-либо реальных действий против Византии Манфред проявить не успел, так как погиб жертвою папской интриги. Папы, видя, что сила Гогенштауфенов после смерти Фридриха II, непримиримого врага папства, ослабла, решили в лице Манфреда нанести ненавистной династии окончательный удар. Исполнителем папских планов явился Карл Анжуйский, брат французского короля Людовика IX Святого. Но папа, призывая Карла занять Сицилийское королевство, имел в виду не только уничтожение Гогенштауфенов, но и ту помощь, которую Карл даст для восстановления Латинской империи на Востоке; по крайней мере, папа выражал надежду, что при помощи Карла „положение империи Романии будет исправлено“ (imperii Romaniae status reformabitur) [1]).

Принимая предложение папы вмешаться в южно-итальянские дела, Карл Анжуйский открывал этим эру французских походов в Италию,—эру, столь гибельную для насущных интересов Франции, которая в течение нескольких веков должна была тратить свою энергию и средства на Италию, вместо того, чтобы направлять свои силы и внимание на ближайшие соседние страны, напр., на Нидерланды и на Рейн.

Существует немного крупных исторических фигур, которые бы изображались историками в столь мрачных красках и, может быть, не совсем правильно, как Карл Анжуйский. После ряда работ о нем можно теперь навсегда покончить с легендой, которая делала из него настоящего тирана, „жадного, хитрого и злого, готового всегда потопить в крови малейшее сопротивление“ [2]). Обращаясь к Карлу, папы, повидимому, не учли отличительных черт в его характере, которые отнюдь не позволяли думать, чтобы он согласился быть лишь простым орудием в руках другого. Это был выдержанный, энергичный, временами суровый до жестокости правитель, не лишенный вместе с тем некоторой веселости, любви к турнирам и влечения к поэзии, искусству и науке и не желавший сделаться игрушкою в руках пригласившего его в Италию папства.

Явившись с войском в Италию, Карл разбил Манфреда при Беневенте (1266). Манфред погиб, после чего Сицилия и Неаполь перешли во французское владение. Новым королем

---

[1]) См. Norden. Das Papsttum und Byzanz, 444, прим. 1.

[2]) Jordan. Les origines de la domination angevine en Italie. Paris, 1909, 410; 414—415.

Обеих Сицилий стал Карл Анжуйский. Французы тысячами стали покидать свою родину и переселяться в новые владения Карла.

Вскоре после этого ясно проявилось отношение Карла к Византии. Он с согласия и в присутствии папы заключил в Витербо, небольшом итальянском городке на север от Рима, с изгнанным латинским императором Балдуином II договор, по которому последний передал Карлу право на верховную власть над всеми франкскими владениями в прежней Латинской империи, выговорив себе лишь Константинополь и несколько островов в Архипелаге, для отвоевания которых от ромеев ему должен был помочь Карл. Норманские притязания на Византию снова таким образом ожили в полной мере при французском владычестве в королевстве Обеих Сицилий.

Михаил VIII, понимая всю грозу надвигавшейся против него опасности, прибегнул к целому ряду искусных дипломатических шагов. С одной стороны, путем переговоров с папой об унии между восточной и западной церквами, Михаил как бы отвлекал его от тесного сотрудничества с Карлом и заставлял желать примирительного направления в отношении к Византии. С другой стороны, Михаил решил примириться с генуезцами, которые, как было упомянуто выше, имели намерение, вступив в сношения с Манфредом Сицилийским, передать Константинополь латинянам, за что и были изгнаны из столицы. Генуезцы получили разрешение вернуться в Константинополь, где им был отведен определенный квартал не в самом городе, а в его предместье Галате, по ту сторону Золотого Рога. Последнее обстоятельство не помешало генуезцам возвратить себе все прежние торговые привилегии, расширить сферу своей торговой деятельности и оттеснить на второй план своих соперников венецианцев. Один генуезец, напр., из фамилии Цаккариа, получив от императора право на разработку богатейших квасцовых залежей в горах около малоазиатского города Фокеи (по-итальянски Ф о д ж а, Ф о л ь я), лежащего при входе в Смирнский залив, создал себе колоссальное состояние. В результате на всем византийском Востоке при Палеологах Генуя заняла место Венеции.

Между тем, Карл Анжуйский занял остров Корфу, сделав этим первый шаг в выполнении своего плана нападения на Византию. Тогда Михаил VIII, в видах большей успешности своей согласительной политики с папой и в надежде хоть несколько повлиять на наступательную в отношении Византии политику Карла Анжуйского, обратился к брату последнего, французскому королю Людовику IX Святому, наиболее благочестивому, справедливому и уважаемому государю того времени, которого, незадолго до обращения к нему Михаила, уже просила Англия в качестве третейского судьи решить слож-

ные вопросы английской внутренней жизни. Обстоятельства складывались так, что Людовик IX снова приглашался в роли посредника сыграть важную роль на этот раз в истории Византии. В конце шестидесятых годов византийские послы прибыли во Францию.

Известно, что вначале Людовик IX не одобрял решения его брата Карла завоевать южную Италию и только позднее он как бы примирился со свершившимся фактом, по всей вероятности, потому, что его успели убедить в полезности этого для будущего крестового похода. Кроме того, и планы Карла завоевать Византию встретили в Людовике также отрицательное отношение, так как, если бы главнейшие силы Карла были направлены на Константинополь, то этим самым они не были бы в состоянии принять должного участия в крестовом походе ко святым местам, идеей о котором был так увлечен сам Людовик. Сообщенное же Людовику через посольство решение Михаила просить выступить в качестве третейского судьи в вопросе о соединении церквей и обещание императора всецело подчиниться его решению также склоняли французского короля, ревностного католика, на сторону византийского императора.

Трудно было ожидать, что давление со стороны Людовика могло оказать действительное воздействие на воинственно настроенного брата в смысле отказа последнего от завоевательных планов на империю. Но что несколько задержало Карла в его военных действиях против Византии, это второй крестовый поход Людовика в Тунис, задевавший интересы Карла на западе. Здесь излишне разбирать вопрос об отношении Карла к возникновению этого похода, о чем в науке высказываются различные мнения [1]). Неожиданная смерть Людовика в Тунисе (1270) разрушила надежды Михаила на его содействие. Византийские послы, незадолго до смерти Людовика прибывшие в Тунис для переговоров, должны были уехать обратно „с пустыми, по словам греческого источника, от обещаний руками“ [2]). Явившийся в Тунис Карл двумя блестящими победами принудил тунисского эмира заключить с ним мир на условии возмещения военных издержек и уплаты Карлу ежегодной дани, после чего он снова решил приняться за осуществление своего плана нападения на Византию. Но на обратном пути из Туниса страшная буря уничтожила большую часть флота Карла, так что он, по крайней мере, на некоторое время, казалось, был лишен возможности предпринять против Византии наступление в столь широких размерах, как он предполагал раньше.

---

1) Напр., Lavisse. Histoire de France, III (2), 101—102. Norden, 468.
2) Pachymeris De Mich. Paleol., V, 9 (I, 364).

Однако, в начале семидесятых годов Карл смог уже отправить значительное наемное войско в Пелопоннес, именно в Ахайю, где оно с успехом боролось с находившимися там императорскими войсками. Кроме того, в то же время Карл сумел утвердиться на Балканском полуострове, взяв несколько укрепленных пунктов, во главе с Диррахиумом (Дураццо, Драчем), по восточному побережью Ионийского моря; нагорные албанские племена покорились Карлу, и деспот эпирский присягнул ему на верность. После этого неаполитанский король стал величать себя государем Албании (regni Albaniae) [1].

В одном документе он называет себя „божьей милостью король Сицилии и Албании" (Dei gratia rex Sicilie et Albanie) [2]. В одном письме Карл пишет, что албанцы „избрали нас и наших наследников в короли и вечные владыки названного государства" (nos et heredes nostros elegerunt in reges et dominos perpetuos dicti Regni) [3]. Но Карл этим не удовлетворился. Он обратился к сербам и болгарам, в которых нашел усердных союзников. Множество южных славян стали к нему вступать на службу и переселяться на итальянскую почву. Один русский ученый, хороший знаток итальянских архивов, извлекший из них много сведений о славянах (В. Макушев), писал, что, несмотря на отрывочность сведений, „по ним можно судить о ходе славянских поселений в южной Италии и о многочисленности славян, стекавшихся со всех сторон юго-славянского мира на службу Анжуйцев... Славянские поселения в южной Италии с XIII по XV век постоянно увеличиваются: основываются новые, разростаются старые" [4]. В одном памятнике 1323 г. в Неаполе упоминается „квартал, который называется болгарским" (vicus qui vocatur Bulgarus) [5]. Сербские и болгарские послы прибыли для переговоров в Неаполь. Отсюда видно, какая серьезная опасность угрожала Византии со стороны славяно-французских союзников.

Ко всему этому, низложенный и ослепленный Михаилом VIII последний Никейский император Иоанн IV Ласкарь, бежав из византийской темницы, явился по приглашению Карла к его двору.

[1]) Јиречек. Положај и прошлост града Драча. Гласник Српског Географског Друштва, I, св. 2, 1912., 6 (отдельн. оттиск).

[2]) P. Durrieu. Les archives angevines de Naples. Etude sur les registres du roi Charles 1-er. I, Paris, 1886, 191, п. 5 (Bibl. des Ecoles françaises d'Athènes et de Rome, 46).

[3]) Buchon. Nouvelles recherches historiques sur la Principauté Française de Morée. II, Paris, 1845, 317.

[4]) В. Макушевъ. Итальянскiе архивы и хранящiеся въ нихъ матерiалы для славянской исторiи. II. Спб., 1871, 67—68 (Прилож. к XIX т. Зап. Ак. Наук, № 3).

[5]) В. Макушевъ, II, 69. Иречекъ. Ист. болгаръ, 363.

Таким образом, постепенно около Карла Анжуйского собирались все недовольные и обиженные византийским государем, а именно: сербы, болгары, Балдуин II, Иоанн IV Ласкарь, чтобы сделаться простыми орудиями в руках честолюбивого и искусного короля. Заключенный брак между сыном Балдуина и дочерью Карла давал первому надежду, при помощи нового родственника, вернуть себе Латинскую империю. Таково было общее международное положение в Италии и на Балканском полуострове, которое должно было вызывать в Михаиле VIII живейшие опасения за Константинополь и свой престол.

Но искусный в политике Карл встретил не менее искусного политика в лице Михаила, направившего главное внимание на папскую курию, которой он обещал соединение церквей. Папа Григорий X охотно пошел навстречу желанию императора, может быть, не столько под влиянием все усиливавшегося могущества Карла, которое также, конечно, могло его устрашать, сколько в силу своего искреннего желания установить церковный мир и единство и получить надежду на освобождение Иерусалима. Конечно, в подобной мирной политике сближения с восточною церковью Григорий X встречал целый ряд препятствий со стороны Карла, мечтавшего о насильственном подчинении императора. Однако, папе удалось убедить Карла отложить на год уже решенный поход на Византию и в это время достигнуть соединения с восточною церковью. В 1274 г. во французском городе Лионе между папою и представителями Михаила VIII была заключена уния, о которой подробнее будет сказано ниже в главе о церковной истории. Уния, в глазах императора, давала ему право надеяться на поддержку папы в его планах на отвоевание прежде входивших в состав империи областей Балканского полуострова. Действительно, Михаил открыл наступательные действия против войск Карла и его союзников и одержал над ними крупный успех, так как Карл был отвлечен в это время затруднениями с Генуей.

Однако, после некоторых трений между ним и папами, вызванных Лионской унией, Карл сумел посадить на папский трон в лице француза Мартина IV одного из своих лучших друзей, который, став всецело на сторону политики сицилийского короля, порвал заключенную с Мануилом унию. Затем, между Карлом, титулярным латинским императором и Венецией был в 1281 г. заключен договор „для обратного отвоевания империи Романии, которая находится во владении Палеолога" („ad recuperationem ejusdem Imperii Romaniae, quod detinetur per Paleologum") [1]). Против Византии создалась громадная коалиция: войска из латинских владений на бывшей территории империи, из Италии, из родной Карлу Франции, венецианский флот,

[1]) Tafel et Thomas. Urkunden, III, 289.

папа, сербы и болгары. Казалось, Византийское государство стояло на краю гибели, а Карл Анжуйский, этот, по словам одного историка (Нордена), „предтеча Наполеона в XIII веке“ [1]), стоял на пороге всемирного могущества. Греческий источник XIV века (Григора) писал, что Карл „мечтал, если только овладеет Константинополем, так сказать, о всей монархии Юлия Цезаря и Августа“ [2]). Западный хронист того же времени (Санудо) отметил, что Карл „стремился к мировой монархии“ (asperava alla monarchia del mondo) [3]). Это был самый критический момент во внешней политике Михаила.

Спасение для Византии неожиданно пришло с запада, а именно из Сицилии, где 31 марта 1282 г. в Палермо против французского владычества вспыхнуло восстание, охватившее быстро весь остров и ставшее в истории известным под названием Сицилийской Вечерни [4]). В последнем событии играл некоторую роль и Михаил VIII.

Когда речь заходит о Сицилийской Вечерне, одном из важнейших событий в первоначальной истории политического объединения Италии, то всегда приходит на ум написанное еще в начале сороковых годов XIX века и выдержавшее впоследствии много изданий сочинение знаменитого итальянского историка и патриота Амари (Michele Amari) „Война Сицилийской Вечерни“ (La guerra del Vespro Siciliano), положившее основание научному изучению этого вопроса. Но, конечно, во времена Амари далеко не все материалы были доступны, и он сам, знакомясь последовательно с новыми открытиями в данной области, вносил в позднейшие издания своей книги некоторые дополнения и изменения. Не малое оживление в изучении этого вопроса было вызвано празднованием в Сицилии в 1882 г. шестисотлетия со времени Сицилийской Вечерни, когда появился ряд новых изданий. Громадное количество свежего и важного материала дали и еще продолжают давать документы анжуйского архива в Неаполе и Ватиканского в Риме, и особенно документы испанских архивов.

Сицилийская Вечерня, представляющаяся на первый взгляд событием исключительно западно-европейской истории, имеет отношение и к истории Византии и должна быть нами оценена именно с этой точки зрения.

До появления труда Амари обычно полагали, что главным создателем и руководителем сицилийской революции 1282 г.

[1]) Norden, 604.

[2]) Niceph Greg., V, I, B (I, 123).

[3]) Mar. Sanudo. Historia del regno di Romania. Hopf. Chroniques gréco-romanes inédites, 138

[4]) Самое название события „Сицилийская Вечерня“, по всей вероятности, появилось в литературе не ранее конца XV века, со времени первого крупного похода французов на Италию.

был сицилийский изгнанник Джованни Прочида (Прокида), который, побуждаемый чувством личной мести, вступил в переговоры с королем Петром Арагонским, с византийским императором Михаилом VIII, с представителями сицилийской знати и некоторыми другими лицами, всех их привлек на свою сторону и произвел таким образом восстание. Главным виновником революции считал Прочиду, между прочим, и великий гуманист XIV века Петрарка [1]). Амари, на основании исследования источников, показал, что в целом этот рассказ представляет собою легендарное развитие определенного исторического и для вопроса о причинах сицилийского восстания второстепенного факта.

Население Сицилии чувствовало сильное раздражение против сурового французского владычества. Высокомерное отношение к покоренным и страшные налоги, возросшие особенно в виду дорогой и трудной экспедиции Карла против Византии, в связи с общими интересами международной жизни той эпохи, были главными причинами восстания 31 марта. Недовольством сицилийского населения искусно воспользовались два лучших, если не считать Карла, политика той эпохи, Михаил VIII и Петр Арагонский. Последний, будучи родственником бывшего сицилийского короля, уже известного нам Манфреда, побочного сына Фридриха II Гогенштауфена, признавал за собою права на обладание Сицилией и не мог примириться с чрезмерным могуществом Карла. Это обстоятельство учел Михаил VIII, который обещал испанскому королю денежную субсидию, если только он откроет военные действия против страшного для Византии Карла. В Италии на сторону Петра стала императорская партия гибеллинов и часть сицилийской знати. Посредником во всех этих переговорах и был вышеупомянутый Джованни Прочида, в чем и заключается его роль в сицилийском восстании 1282 г.

Восстание удалось. По приглашению сицилийцев, Петр Арагонский в августе того же года высадился на острове и в Палермо был коронован короною Манфреда. Попытки Карла, возвратившегося с востока, где шли военные действия против Византии, подчинить восставшую Сицилию и изгнать оттуда Петра Арагонского, оказались безуспешными и заставили Карла отказаться от широких планов против империи Михаила VIII. После этого Карл остался государем только южной Италии. Из этого видно, какое важное значение для Византии имела Сицилийская Вечерня, лишившая Карла Сицилии и спасшая Восточную империю от смертельной опасности со

---

[1]) Fr. Petrarcae Itinerarium Syriacum. Fr. Petrarcae Opera. Basileae, 1581, 559. У меня не было в руках нового издания Itinerarium Lumbroso. Memorie italiane del buon tempo antico. Torino, 1889.

стороны сицилийского владыки. Вместе с тем события, связанные с восстанием 1282 г., положили начало дружественным сношениям византийских императоров с испанскими (арагонскими) королями. Как было отмечено выше, Михаил VIII помогал денежными средствами Петру Арагонскому в его экспедиции против Сицилии и этим самым принял участие в решении сицилийского вопроса. В своей автобиографии Михаил VIII, упомянув о походе войск Карла против его державы, замечает: „Сицилийцы, отнесшись с презрением к остальной его (т. е. Карла) силе, как ничтожной, дерзнули поднять оружие и освободиться от рабства; поэтому, если я сказал бы, что свободу, которую уготовал им бог, уготовал через нас, то я сказал бы согласное с истиной!“ [1]).

Сицилийская Вечерня оказала сильное влияние на положение папы Мартина IV. Дело касалось не только того неслыханного новшества, что, как писал историк Ранке, „народ вопреки повелениям Рима осмелился поставить себе короля“ [2]). События 1282 г. подрывали в корне византийскую политику этого папы, который, как мы видели выше, порвав с Лионской унией и всецело перейдя на сторону восточных планов Карла Анжуйского, надеялся на латинскую оккупацию Константинополя. Сицилийская Вечерня сделала это невозможным, так как она раздробила и ослабила южно-итальянское государство Карла, бывшее до тех пор главным основанием для западной наступательной политики против Византии.

Революция 1282 г. отразилась и на политике Венеции, которая за год перед тем связала себя союзом с Карлом против Византии. Узнав о восстании Сицилии и учтя последовавшее за этим падение могущества Карла и крушение его восточной политики, республика св. Марка быстро изменила свою политику; поняв, что Карл уже не может быть ей более полезен, она порвала с ним союзные обязательства, снова сблизилась с Византией и через три года, уже при преемнике Михаила VIII Андронике Старшем, заключила с последним дружественный договор. С Петром Арагонским Венеция также вступила в сношения.

Международные отношения и недовольство Сицилии, которыми воспользовался Михаил VIII, спасли Византию от гибельной опасности, уготовляемой ей всемогущим Карлом Анжуйским.

3. Восточная политика Михаила VIII.

Главные силы и внимание государей Никейской империи и, после возвращения Константинополя, Михаила VIII были на-

[1]) Imp. Michaelis Palaeologi De vita sua opusculum, IX. Христ. Чтение, 1885, II, 537—538 (греч. текст); 558 (русск. перев.).
[2]) L. Ranke. Weltgeschichte, VIII, Leipzig, 1887, 538.

правлены, как известно, на запад для обратного завоевания Балканского полуострова, и затем на изнурительную и решавшую судьбу восстановленной империи борьбу с Карлом Анжуйским. Восточная граница находилась в некотором пренебрежении, и византийское правительство иногда как бы забывало о грозной турецкой опасности с востока. Византийский историк XV века Георгий Франдзи пишет: „В царствование Михаила Палеолога, вследствие войн, веденных в Европе против итальянцев, начались опасности для ромейской державы в Азии со стороны турок“ [1]). Конечно, опасность со стороны турок началась для Византии гораздо раньше; но в этом замечании историка верно отмечена черта восточной политики при Михаиле VIII. Счастьем для империи в его время являлось то, что сами турки в XIII веке переживали смутную эпоху своего существования.

Мы уже знаем, что в тридцатых и сороковых годах XIII века с востока появилась грозная опасность монгольского нашествия. Малоазийский или Румский султанат сельджуков, соприкасавшийся с восточною границею Никейской империи, был разгромлен монголами. Во второй половине XIII века, т. е. во время Михаила VIII, последние сельджукиды были простыми наместниками персидских монголов, владения которых простирались от Индии до Средиземного моря. Если монгольская держава не представляла пока непосредственной опасности для Византии, и Румский султанат в целом потерял свою прежнюю силу, то отдельные турецкие отряды, грабительские шайки, не считаясь ни с какими договорами, заключенными раньше между императорами и султанами, непрерывно делали набеги на византийскую территорию, заходили в глубь страны, разоряли города, поселки и монастыри, избивали и уводили в плен население.

Византия еще со времен арабского могущества создала на восточной малоазиатской границе ряд укрепленных пунктов, особенно среди горных проходов (клисур), и выработала помимо регулярного войска своеобразный вид защитников государственных границ, так называемых акритов, о которых речь уже была выше, или граничаров, этого византийского казачества. Постепенно, по мере продвижения турок к западу, отходила к западу и пограничная линия с ее защитниками—акритами, которые в XIII веке сосредоточились уже по преимуществу в горах Вифинского Олимпа, т. е. в северо-западном углу Малой Азии. В никейскую эпоху эти пограничные поселенцы, наделенные землею, освобожденные от налогов и повинностей и достигшие большого благосостояния, должны были нести исключительно военную службу, защищая границу от врагов,

[1]) Georgii Phrantzae I, 3 (ed. Bonn., 23).

и, насколько можно судить по источникам, защищали ее храбро и энергично. Но со времени перенесения столицы из Никеи в Константинополь акриты перестали пользоваться прежнею поддержкою правительства, которое в новом центре чувствовало себя в меньшей зависимости от восточной границы. Кроме того, Михаил Палеолог в силу предпринятой финансовой реформы произвел среди акритов учет их достатка и отчислил в пользу казны большую часть доходов с их земель. Последняя мера, окончательно подорвав экономическое благосостояние вифинских акритов, на котором основывалась их служебная готовность и которое, по словам источника, является „нервами войны“ [1]), оставила восточную границу империи почти беззащитною. После подавления поднятого акритами восстания правительство удержалось от полного их уничтожения только из опасения открыть дорогу туркам. Еще со времени ранних работ В. И. Ламанского, нашего знаменитого слависта, некоторые ученые видят в вифинских акритах славян [2]). Однако, гораздо вероятнее в акритах видеть представителей разнообразных народностей, среди которых могли быть и потомки давно уже поселенных в Вифинии славян. Таким образом односторонняя внешняя политика Михаила VIII с исключительным уклоном к западу печально отразилась на восточной границе, которая потеряла последнее средство к защите против турок, хотя бы и в виде их грабительских нападений, которые имели место при Михаиле.

Результаты восточной политики Михаила дадут себя почувствовать, как только турки, после некоторого периода смут и распада, снова объединятся и усилятся в лице турок-османов, которые нанесут Византии, в конце концов, окончательный удар и уничтожат Восточную христианскую империю.

4. Восточная политика Византии при Андронике II и Андронике III. Усиление турок-османов. Испанские (каталонские) дружины на Востоке. Успехи турок в Малой Азии.

Внешнее положение империи при двух Андрониках, деде и внуке, было иным, чем при их предшественнике Михаиле VIII. Последнему грозила страшная опасность с запада от Карла Анжуйского; но эта опасность со стороны королевства Обеих Сицилий благодаря Сицилийской Вечерне была в год смерти

[1]) Pachym., I, 5 (ed. Bonn. I, 18).
[2]) В. Ламанский. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании, Спб., 1859, 11—14. Ф. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. Ж. М. Н. Пр. 225 (1883), 342—345.

Михаила от Византии устранена навсегда; переживавшие же период смуты турки не могли в достаточной мере использовать выгодное для них положение на восточной границе империи. Главный интерес внешней политики времени Андроника II и Андроника III заключается в их отношении к двум новым сильным врагам: Сербии на Балканском полуострове и туркам-османам в Малой Азии, при чем оба эти народа в лице их наиболее выдающихся государей ставили определенною целью своей борьбы с Византией, подобно Карлу Анжуйскому, полное ее сокрушение и образование на ее месте или греко-славянского, или греко-турецкого государства. План Карла—образовать греко-латинское государство, как мы знаем, не удался. В XIV веке, казалось, был близок к намеченной цели великий сербский государь Стефан Душан, о котором речь будет ниже. Но осуществить вполне этот план удалось, в силу целого ряда исторических условий, лишь османским туркам, создавшим в половине XV века громадное не только греко-турецкое, но греко-славяно-турецкое государство, в состав которого вошли и сербы, и болгары.

Главным явлением на Востоке в эпоху двух Андроников надо считать усиление турок-османов. Двигаясь по направлению к Малой Азии, монголы оттеснили на запад из персидской области Хорасана одну турецкую орду из племени огузов, которая, попав на территорию иконийского государства сельджуков, получила разрешение от их султана остаться в Малой Азии и пасти там свои стада. После понесенного от монголов поражения царство сельджуков распалось на несколько самостоятельных владений (эмирств) с особыми династиями, которые, тем не менее, довольно сильно тревожили империю. Сделалась самостоятельной и пришедшая из Хорасана турецкая орда из племени огузов. В самом конце XIII века во главе ее стал Осман, начавший династию османов, или оттоманов, и давший свое имя находившимся под его властью туркам, которые с тех пор и стали называться османскими или оттоманскими турками. Династия, основанная Османом, продолжала править в Турции до 1923 года.

Турки-османы с конца XIII века начали сильно теснить небольшие остававшиеся еще в руках Византии малоазиатские владения. С трудом императорские войска удерживали три наиболее важных пункта в Малой Азии: Бруссу, Никею и Никомидию. Посланный против турок соимператор Михаил (IX) потерпел неудачу. Казалось, что сам Константинополь находился уже в опасности, в то время как император, по выражению источника, „как бы спал или не был в живых“ [1].

[1] Pachym. De Andron. Palaeologo, V, 21 (II, 412).

В подобных обстоятельствах Андроник II без посторонней помощи обойтись не мог. Такая помощь ему явилась в виде испанских наемных дружин, так называемых „каталонских кампаний", или „альмугаваров" [1]. Отряды наемников из различных национальностей под названием „кампаний", жившие только войною и поступавшие за известную плату к кому угодно для борьбы с кем угодно, были хорошо известны во вторую половину средних веков; так, в том же XIV и XV веках английские и французские кампании принимали деятельное участие на западе в столетней войне. „Каталонские кампании", в состав которых входили не только каталонцы, но и жители Арагонии, Наварры, острова Майорки и некоторых других, боролись в качестве наемников на стороне Петра Арагонского во время войны, вспыхнувшей после Сицилийской Вечерни. Когда в самом начале XIV века между Сицилией и Неаполем был заключен мир, каталонцы остались без дела; привыкши жить войною, грабежом и насилием, подобные союзники в мирное время становились опасными для пригласивших их лиц, которые старались от них отделаться. Но и сами „кампании", не могшие удовлетвориться мирными условиями жизни, искали нового случая продолжать свою бурную деятельность. Каталонцы избрали своим вождем Рожера де Флор, по происхождению немца, так как фамилия отца его была „Блюм" (т. е. цветок), что в переводе равняется итальянскому и испанскому „Флор".

Рожер, бегло говоривший по-гречески, с согласия своих подчиненных, предложил услуги Андронику II в его борьбе с турками сельджуками и османами и поставил стесненному императору неслыханные условия: дерзкий авантюрист требовал от Андроника согласия на его брак с племянницей императора, дарование титула мегадуки (генерал-адмирала) и крупной суммы денег на оплату услуг его „кампании". Андроник вынужден был согласиться, после чего испанские дружины, сев на суда, двинулись в Константинополь спасать Восточную империю.

Этот любопытный эпизод участия испанцев в решении судеб Византии подробно изложен как в испанских (каталонских) источниках, так и в греческих, при чем под пером, например, современника и участника этого похода, каталонского хрониста Мунтанера [2], Рожер и его спутники являются лишь отважными, благородными, делающими честь своему народу бойцами за правое дело; греческие же историки видят в каталонцах лишь грабителей, насильников и гордецов, и один из них восклицает:

[1]) „Альмугавары"—арабское слово, заимствованное от испанских арабов и буквально обозначающее „делающие экспедицию", затем „легкая кавалерия, разведчики".

[2]) Muntaner. Chronica o descripcio dels fets e hazanyes del inclyt rey Don Jaume... Buchon. Chroniques étrangères. Paris, 1840; также изд. K. Lanz, Stuttgart, 1844.

„О если бы Константинополь не видал латинянина Рожера!“ [1]) Историческая литература XIX века также уделяет много внимания каталонской экспедиции. Испанский исследователь этого вопроса сравнивает ее деяния с подвигами знаменитых испанских завоевателей Мексики и Перу в XVI веке, Кортеса и Пизарро, не знает, „какой другой народ может гордиться столь знаменательным историческим событием, как наша славная экспедиция на Восток“, и оценивает последнюю, как вечное свидетельство славы испанской расы [2]). Немецкий историк (Карл Гопф) полагает, что „поход каталонцев является во всяком случае наиболее привлекательным эпизодом в истории государства Палеологов“, особенно благодаря своему драматическому интересу [3]). Английский историк (Финлей) писал, что каталонцы, „если бы ими предводительствовал государь, подобный Льву III или Василию II, могли бы покорить сельджукских турок, задавить османскую силу в ее начале и довести двуглавый орел победоносной Византии до подножия гор Тавра и до берегов Дуная“ [4]). В другом месте тот же историк замечает: „Экспедиция каталонцев на восток является удивительным примером успеха, который иногда сопровождает карьеру грабительства и преступления, наперекор всем обычным правилам человеческого здравого смысла“ [5]). До самого последнего времени испанские архивы сообщают по данному вопросу новые материалы.

В самом начале XIV века Рожер де-Флор прибыл со своей „кампанией“ в Константинополь; число участников экспедиции не достигало 10.000 человек; но зато приехавшие на восток каталонцы и арагонцы привезли с собой своих жен, любовниц и детей. В Константинополе была с великою пышностью отпразднована свадьба Рожера с племянницею императора. После серьезных столкновений, происшедших в столице между каталонцами и генуэзцами, почувствовавшими в пришельцах своих соперников с точки зрения исключительных привилегий, которыми генуэзцы пользовались в империи, „кампания“ была, наконец, переправлена в Малую Азию, где в это время турки осаждали большой город Филадельфию (на восток от Смирны). В соединении с отрядом императорских войск небольшая испано-византийская армия, под начальством Рожера де-Флор, освободила Филадельфию от турецкой осады. Эта победа западных наемников была с восторгом встречена в столице; некоторые

1) Pachym. De Andronico Pal. V, 12 (II, 393).
2) Rubió y Lluch. La expedicion y dominacion de los Catalanes en Oriente. Barcelona, 1883, 6; 7; 10 (Memorias de la real academia de buenas letras de Barcelona, IV, 1).
3) Hopf. Geschichte Griechenlands, I, 380.
4) Finlay A history of Greece, III, 388.
5) Finlay, IV, 147.

думали, что турецкая опасность для империи исчезла навсегда. За первым успехом последовал и ряд других удачных действий Рожера против турок в Малой Азии. Но непомерные вымогательства и произвольные жестокости каталонцев по отношению к местному населению, с одной стороны, и ясно выраженное намерение Рожера образовать в Малой Азии свое княжество, хотя бы и на условиях вассальной зависимости от императора, с другой, в высшей степени обострили отношения между наемниками, туземным населением Малой Азии и константинопольским правительством. Император отозвал Рожера в Европу, и последний со своей „кампанией“, переправившись через Геллеспонт, занял важный пункт на проливе Галлиполи и весь Галлипольский полуостров. Новые переговоры Рожера с императором закончились тем, что Андроник пожаловал ему второй после императора титул кесаря (цезаря),—звание, которое до тех пор в империи не носил ни один иностранец. Новый кесарь, прежде чем снова двинуться в Малую Азию, отправился с небольшим отрядом в Адрианополь, где в то время находился старший сын Андроника, соимператор Михаил IX. По наущению последнего во время пира Рожер и его спутники были перебиты. Когда весть об этом распространилась среди населения империи, то находившиеся в столице и других городах испанцы также подверглись избиению.

После этого раздраженные и пылающие жаждою мести каталонцы, сосредоточенные у Галлиполи, порвали союзные отношения к империи и двинулись на запад, предавая мечу и огню проходимые области. Фракия и Македония подверглись страшному разорению. Не избежали горькой участи и афонские монастыри. Очевидец этого события, ученик игумена сербского Хиландарского монастыря на Афоне Даниила, писал по поводу нападения каталонцев: „Ужасъ бѣ видѣти тогда, запустѣніе Св. горы отъ руки сопротивныхъ“ [1]. В это время каталонцами был сожжен и русский афонский монастырь св. Пантелеимона. Нападение каталонцев на Солунь (Фессалонику) не удалось. Прожив некоторое время в Фессалии, каталонцы двинулись на юг через знаменитое в древней истории Фермопильское ущелье в Среднюю Грецию, в пределы Афино-Фиванского герцогства, основанного там, как известно, после четвертого крестового похода и находившегося под управлением французов. Весною 1311 г. произошла знаменитая битва в Беотии, на реке Кефиссе у Копаидского озера, превратившегося к XIV веку в болото (около современной деревни Скрипу). Каталонцы одержали решительную победу над французами и, положив конец их цветущему Афино-Фиванскому герцогству,

[1]) Порф. Успенский. Восток Христианский. Афон, III (2), Спб., 1892, 118.

утвердили там испанское владычество, продолжавшееся в Фивах и Афинах восемьдесят лет. Известный уже нам храм св. Девы Марии, древний Парфенон, на Акрополе перешел в ведение каталонского духовенства, которое было поражено его величием и богатством. Во второй половине XIV века испанский герцог Афин называл Акрополь „драгоценнейшим сокровищем, существующим в мире, которому все христианские государи вместе напрасно пытались бы подражать“ [1].

Каталонское Афинское герцогство XIV века, случайно образовавшееся на почве древней Эллады, устроенное по испанскому или сицилийскому образцу и являющее собою пример грубого, насильственного и разрушительного управления, оставило в Афинах и вообще в Греции мало монументальных памятников своего господства. На Акрополе, например, где каталонцы произвели некоторые изменения, особенно в расположении укреплений, не открыто никакого их следа. Зато, в народной памяти греков и их языке до сих пор живут воспоминания о жестокости и несправедливости испанских пришельцев. Еще теперь в некоторых областях Греции, например, на острове Евбее, чтобы упрекнуть кого-либо в незаконном и несправедливом поступке, говорят: „этого не сделали бы и каталонцы“. В Акарнании до настоящего времени название „Каталонец“ является синонимом „дикаря, разбойника, преступника“. В Афинах „каталонец“ рассматривается как бранное слово. В некоторых городах Пелопоннеса, когда хотят сказать о женщине, что она обладает плохим характером, груба, толста и т. д., еще до сих пор говорят: „она похожа на каталонку“ [2].

Как было сказано выше, в самом начале XIV века каталонская „кампания“ удачно боролась с османскими турками. Но эти удачи греко-испанского оружия продолжались недолго. Наступившая вслед за убийством Рожера де-Флора кровавая эпопея движения каталонских дружин на Балканском полуострове и вспыхнувшая затем известная уже нам внутренняя междоусобная война между двумя Андрониками, дедом и внуком, отвлекли силы и внимание империи от восточной границы. Этим воспользовались османы и в последние годы Андроника старшего и в правление Андроника младшего одержали ряд серьезных успехов в Малой Азии. Султан Осман и после него сын его Урхан завоевали там главные византийские города: Бруссу, которая сделалась столицею турецкого государства османов, Никею и Никомидию, после чего они подошли вплот-

[1] См. W. Miller. The Catalans at Athens. Roma, 1907, 14.

[2] Rubió y Lluch. La expedicion de lòs Catalanes, 14—15. Schlumberger. Expédition des „Almugavares“ ou routiers catalans en Orient. Paris, 1902, 391—392.

ную к берегу Мраморного моря. Некоторые города западного побережья Малой Азии стали платить туркам дань. В 1341 г., когда умер Андроник III, турки-османы, можно сказать, являлись уже полными распорядителями Малой Азии с явно выраженным намерением перенести военные действия на европейскую территорию империи и угрожать даже самому Константинополю; по крайней мере, Фракия подвергалась непрестанным набегам с их стороны. Между тем, сельджукские эмирства, чувствуя для себя угрозу от османов, вступали с империей в дружественные и союзные отношения для борьбы как против латинян, так и против османов.

5. Западная политика Византии при Андронике II и Андронике III. Положение Византии на Балканском полуострове в конце XIII века. Возвышение Сербии и начало правления Стефана Душана. Движение албанцев на юг. Венеция и Генуя.

Владения Византии на Балканском полуостраве в конце XIII века обнимали всю Фракию и южную Македонию с Солунью; страны же, лежавшие далее на запад: Фессалия, Эпир и Албания признавали власть империи лишь отчасти и не везде одинаково. Зато в Пелопоннесе империя в правление Михаила Палеолога отвоевала у франков Лаконию на юго-востоке полуострова, а потом и центральную провинцию Аркадию. В остальных частях Пелопоннеса и в средней Греции продолжали владычествовать латиняне. В Архипелаге Византии принадлежали лишь немногие острова в северной и северо-восточной части моря.

Параллельно с османской опасностью на востоке для Византии росла в первой половине XIV века грозная опасность на Балканском полуострове со стороны Сербии, предыдущая история которой представляется в кратких словах в таком виде.

Сербы и близко родственные им, а, может быть, даже тождественные с ними, хорваты появились на Балканском полуострове в VII веке при императоре Ираклии и заняли западную часть полуострова. В то время как жившие в Далмации и в местности между реками Савой и Дравой хорваты начали сближаться с Западом, приняли католичество и в XI веке утратили свою независимость, войдя в состав угорского (мадьярского, венгерского) королевства, сербы оставались верными Византии и восточной церкви. В течение долгого времени, а именно до второй половины XII века, сербы в противоположность болгарам не составляли единого целого и не образовали из себя одного государства; жили они независимыми областями—жупами, во главе которых стояли жупаны. Стремление к объединению

появилось у сербов лишь с XII века и по времени совпадало с болгарским движением в пользу основания второго болгарского царства. Подобно тому как в Болгарии во главе движения встала фамилия Асеней, так в Сербии ту же роль сыграла фамилия Неманей.

Основателем сербского государства сделался во второй половине XII века Стефан Неманя, первый собиратель земли сербской, „обновитель отчинной дедины", провозглашенный „великим жупаном", который соединил сербские земли под властью своей фамилии. Затем он, благодаря удачным войнам с Византией и болгарами, значительно расширил сербскую территорию и, выполнив свою государственную задачу, сложил с себя власть и окончил жизнь монахом в одном из монастырей на Афоне. Как было уже отмечено выше, во время третьего крестового похода Стефан Неманя вел переговоры с проходившим по Балканскому полуострову германским государем Фридрихом Барбароссой, предлагая ему союз против византийского императора на условии, чтобы Фридрих позволил Сербии присоединить Далмацию и сохранить отвоеванные от Византии земли. Переговоры эти кончились ничем.

После междоусобной распри между сыновьями Стефана Немани, один из них, по имени также Стефан, стал во главе государства и в первой четверти XIII века папским легатом был коронован королевскою короною, почему и известен в истории как Стефан Первовенчанный. С этих пор Сербское государство превратилось в королевство, и сам Стефан Первовенчанный был „кралем" всех сербских земель. При нем же, также из рук папского представителя, сербская церковь получила самостоятельного главу в лице сербского архиепископа. Но эта зависимость Сербии от римской церкви быстро прекратилась, и новое королевство осталось верным заветам восточной церкви.

Латинская империя встретила для распространения своего влияния на Балканском полуострове большое препятствие в двух славянских государствах—Болгарии и Сербии. После же падения Латинской империи (1261 г.) обстоятельства изменились: вместо нее появилась слабая, восстановленная Византийская империя, и к этому же времени Болгария, ослабевшая благодаря своим внутренним смутам, и уменьшившаяся в своих границах, уже не представляла прежней силы. Самым крупным государством на Балканском полуострове после 1261 г. являлась Сербия. Но ошибка сербских государей заключалась в том, что они, не заботясь о присоединении к Сербии западных сербских (хорватских) областей, т. е. не закончив еще дела сербского национального объединения, устремили свое главное внимание на юго-восток, а именно на Константинополь.

Во время внутренней войны между Андрониками, дедом и внуком, сербский „краль" поддерживал деда. Большое влия-

ние на дальнейшую судьбу Сербии оказала победа сербов в 1330 г. над болгарами, бывшими в союзе с Андроником III, близ Вельбужда (теперь Кюстендиль) в Верхней Македонии. В этой битве принимал участие еще юный князь, будущий знаменитый сербский государь Стефан Душан, бывший, несмотря на некоторое несогласие источников [1]), главным решителем сражения. Во время бегства свалившийся с лошади болгарский царь был убит. Результаты вельбуждской битвы имели важное значение для молодого Сербского королевства. Греко-болгарский союз был разорван, и всякая возможность для Болгарии задержать дальнейшее усиление Сербии была навсегда уничтожена. С этих пор главная роль на Балканском полуострове оказалась в руках Сербского королевства.

Однако, наивысшего расцвета и наибольшей силы достигла Сербия при Стефане Душане (1331—1355). Еще за десять лет до своего вступления на престол он одновременно с отцом, с благословения архиепископа, был венчан на царство в качестве соправителя. Источники называли его по этому поводу „Стефань, младый краль“, „rex juvenis“ в противоположность „старому кралю“, „rex veteranus“. По словам проф. Флоринского, „это одновременное венчание отца и сына составляло новое и знаменательное явление в сербской истории. В нем ясно сказывалось влияние Византии, где издавна господствовал обычай у императоров иметь при себе коронованных соправителей с тем же императорским титулом“ [2]).

За первые десять лет правления, падавшие на время Андроника III, Стефан Душан, пользуясь тем, что император и Иоанн Кантакузин были сильно отвлечены на восток османскою опасностью, начал свою завоевательную политику, с одной стороны, приобретением северной Македонии, и, с другой стороны, занятием большей части Албании, где только-что перед тем удачно действовали войска Андроника. Во всяком случае, до смерти императора (в 1341 г.) Стефан Душан, хотя еще и не развил в полной мере своих планов относительно Византии, но уже успел показать, какого сильного в его лице врага империя приобрела на Балканском полуострове.

В первой половине XIV века в исторической жизни Балканского полуострова впервые начинают играть значительную роль албанцы, с которыми, как только-что было отмечено выше, воевали Андроник III и Стефан Душан.

Албания со времен античной древности никогда не представляла собою единого национального государства, и история

[1]) См. Флоринский. Южные славяне и Византия во второй четверти XIV века. II, Спб., 1882, 55. Jireček. Geschichte der Serben. I, Gotha. 1911, 362.

[2]) Флоринский, II, 45—46. См. Jireček, I, 355—356.

албанцев входила всегда в историю тех или других иностранных народов; внутри же самих себя интересы их ограничивались пределами небольших туземных княжеств и автономных горных племен.

Предками албанцев были древние иллирийцы, жившие по восточному побережью Адриатического моря от Эпира к северу до Паннонии. Греческий географ II-го века по Р. Х. Птолемей упоминает об одном племени албанцев с городом Албанополем. Имя этих албанцев с XI века было перенесено на все другие остатки древних иллирийцев [1]). Албанский язык теперь наполнен романскими элементами, начиная с древнелатинского языка и кончая венецианским наречием, так что некоторые специалисты в данном вопросе называют албанский язык „полуроманским смешанным языком“ („halbromanische Mischsprache“) [2]). Издавна албанцы были христианским народом. В раннее византийское время, албанцем, может быть, был император Анастасий I, происходивший из главного иллирийского прибрежного города Дирахиума (Дураццо). Возможно албанское происхождение семьи Юстиниана Великого.

Большие этнографические изменения произошли в местах албанского поселения в эпоху так называемого великого переселения народов, задевшего и Балканский полуостров, особенно в связи со славянским заселением последнего. Позднее албанцы, еще не называемые этим именем в источниках, подчинялись то Византии, то Болгарии во время Великой Болгарии Симеона. Впервые, что было уже отмечено выше, албанцы, как общее название для народа, появляются в византийских источниках с XI века, со времени норманно-византийских столкновений на полуострове [3]). В эпоху Латинской империи и первых Палеологов албанцы последовательно входили в состав владений то Эпирского деспотата, то второго Болгарского царства при Иоанне Асене II, то никейского императора Иоанна Дуки Ватаца, то, наконец, Карла Анжуйского, величавшего себя уже „божией милостью королем Сицилии и Албании“. В тридцатых годах XIV века Сербский государь Стефан Душан, незадолго до смерти Андроника, завоевал большую часть Албании.

С этого времени начинается сильное движение албанцев к югу, сначала в Фессалию, —движение, распространившееся

---

[1]) Народ этот называли, постоянно меняя буквы λ и ρ, по-гречески Albanoi, Arbanoi или Albanitai, Arbanitai; по-латыни Albanenses или Arbanenses; из латинской или романской формы произошло славянское Арбанаси; по-новогречески — Arvanitis, откуда турецкое Арнаут. Сами себя албанцы также называют Arber или Arben. Позднее появилось для албанцев название шкипетарос (этимология последнего слова твердо не установлена).

[2]) Jireček. Albanen in der Vergangenheit. Wien, 1914, 2 (отд. отт. из Oesterr. Monatschrift für den Orient, № 1—2).

[3]) Mich. Attal., 9; 18.

позднее, во вторую половину XIV века и в XV веке, на Среднюю Грецию, Пелопоннес и целый ряд островов Эгейского моря. Этот могучий поток албанской колонизации чувствуется и по настоящее время. Увлеченный ею, известный уже нам немецкий ученый первой половины XIX века Фалльмерайер, выступивший со столь нагремевшей теорией о полном истреблении греческой национальности славянами и албанцами и произнесший знаменитые слова о том, что „ни единой капли настоящей, чистой эллинской крови не течет в жилах христианского населения современной Греции“, писал во втором томе своей „Истории полуострова Мореи в Средние Века“, что со второй четверти XIV века населявшие Грецию греко-славяне были оттеснены и подавлены албанскими поселенцами, так что, по его мнению, восстание Греции XIX века, освободившее ее из-под ига турок, было делом рук албанцев. Во время путешествия этого ученого по Греции Аттика, Беотия, большая часть Пелопоннеса представляли собою целые ряды албанских поселенцев, иногда даже не понимавших по-гречески. Если кто-нибудь назовет всю эту страну, пишет тот же автор, новой Албанией, тот назовет вещь ее настоящим именем. Эти провинции греческого королевства имеют с эллинством такое же близкое родство, как горная Шотландия с афганскими областями Кандагара и Кабула [1]).

Не соглашаясь с теорией Фалльмерайера в ее целом, приходится констатировать факт, что и в настоящее время многие острова Архипелага и почти вся Аттика до самых Афин остались еще албанскими. По приблизительному подсчету, сделанному учеными, албанцы и в Пелопоннесе представляют еще теперь более 12 процентов всего населения (около 92.500 душ) [2]). Итак, время Андроника III ознаменовано началом албанской колонизации на юг в Грецию, до Пелопоннеса включительно, и важного нового этнографического изменения среди населения Греческого полуострова.

Что касается до отношения Византии к двум западным соперничавшим торговым республикам, Венеции и Генуи, то правительство Михаила VIII, как было уже изложено выше, отдавая вообще бесспорное преимущество Генуе и вместе с тем порывая и восстанавливая, в зависимости от политических условий, дружественные сношения с Венецией, умело пользовалось существовавшим между ними антагонизмом. Андроник II придерживался политики отца в отношении привилегированного положения Генуи, так что материал для столкновения

---

[1]) Fallmerayer. Geschichte der Halbinsel Morea. II, Stuttgart, 1836. Vorrede, XXIV—XXVII.

[2]) См. Philippson. Zur Ethnographie des Peloponnes. Petermann's Mitteilungen, 36 (1890), 35.

между последней и Венецией из-за экономического преобладания в империи существовать продолжал.

К концу XIII века все христианские владения в Сирии были потеряны. Как известно, в 1291 г. мусульмане отняли у христиан их последний важный приморский город Акру (Акку, древнюю Птолемаиду), после чего все прочие приморские города сдались почти без боя мусульманам. Вся Сирия и Палестина перешли в руки мусульман.

Для Венеции последнее событие явилось страшным несчастием, так как она в силу этого теряла весь юг Средиземного моря, где ее политика и торговля в течение долгого времени имели господствующее значение. С другой стороны, генуэзцы, стоявшие твердою ногою на Босфоре, распространяли свое исключительное влияние на Черное море, где они, очевидно, желали монополизировать торговлю; это особенно касалось Крыма, где были уже как венецианские, так и генуэзские колонии. Учитывая грозную опасность для своей торговой мощи, Венеция объявила войну Генуе. Военные действия имели место часто на территории или в водах византийского государства. Венецианский флот, прорвавшись через Геллеспонт и Мраморное море, разорил и сжег берега Босфора и предместье Галату, где жили генуэзцы. Генуэзская колония спаслась за стенами Константинополя, где император оказал генуэзцам деятельную поддержку. Жившие в столице венецианцы подверглись избиению. После этого генуэзцы добились у Андроника II разрешения обнести Галату стеной и рвом. Вскоре их квартал разукрасился целым рядом общественных и частных сооружений. Во главе колонии стоял назначаемый из Генуи подеста́, управлявший на основании определенных законоположений и ведавший интересы всех живших на территории империи генуэзцев. Таким образом, по словам проф. Флоринского, „заметно рядом с православным Царьградом возник небольшой, но хорошо укрепленный латинский городок с генуэзским подестою, со своим республиканским устройством, с латинскими церквами и монастырями. Теперь Генуя помимо торгового приобретает большое политическое значение в империи“ [1]). Ко времени вступления на престол Андроника III Галата сделалась как бы государством в государстве, что стало особенно сильно ощущаться в конце его правления. При таких условиях прочного мира между Генуей и Венецией быть не могло.

Кроме этих двух наиболее крупных торговых республик в конце XIII и XIV веков в Константинополе развивают некоторую торговую деятельность другие западные города, имевшие там колонии, напр., из Италии: Пиза, Флоренция, Анкона,

---

[1]) Флоринский. Южные славяне и Византия, I, 32—33.

с Адриатического моря славянский Дубровник (Рагуза), некоторые южно-французские города, как Марсель и др.

Подводя итоги правления двух Андроников, деда и внука, придется притти к печальным результатам. На востоке турки-османы сделались господами положения в Малой Азии; на Балканском полуострове Стефан Душан достиг уже вполне реальных успехов, свидетельствовавших о его еще более широких замыслах в грядущем. Каталонские „кампании" подвергли страшному опустошению целый ряд областей империи во время их движения на запад. Наконец, рядом с Константинополем обосновалась и укрепилась экономически сильная и политически почти независимая генуэзская Галата.

6. Иоанн V (1341—1391) и Иоанн VI Кантакузин (1341—1354). Расцвет сербского государства при Стефане Душане и значение последнего в истории Византии.

Еще при предшественнике Иоанна V, Андронике III, Стефан Душан уже овладел северной Македонией и большей частью Албании. Со вступлением на престол несовершеннолетнего Палеолога, когда империю стала раздирать опустошительная междоусобная война, завоевательные планы Душана расширились и вылились в определенную форму стремления к самому Константинополю. Византийский историк XIV века (Никифор Григора) влагает в уста Иоанна Кантакузина такие слова: „Великий серб [1]) (Стефан Душан), подобно разлившейся и далеко перешедшей свои границы реке, одну часть империи Романии уже затопил многочисленными волнами, другую часть грозит затопить" [2]). Вступая в соглашения то с Кантакузиным, то с Иоанном V, в зависимости от большей или меньшей выгоды, и пользуясь безвыходным положением империи, силы которой для борьбы с внешними врагами были парализованы внутренними распрями, Стефан Душан без труда покорил всю Македонию, кроме Солуни, и после осады взял важный, укрепленный пункт в восточной Македонии, лежавший на дороге из Солуни в Константинополь, Серес. Сдача Сереса имела важное значение: в руки Душана перешел укрепленный, уже чисто греческий город, немногим уступавший Солуни и служивший ключем на пути от нее к Константинополю. Именно с этого момента у Сербского государя ясно проявляется его дальнейший план более широких предприятий в сторону империи. Современные

[1]) У Никифора Григоры „Великий трибалл". Под этим именем древнего фракийского племени Григора разумеет сербов.

[2]) Niceph. Greg. XVI, 4 (II, 817).

ему византийские источники связывают непосредственно с взятием Сереса принятие Душаном царского титула и формальное проявление с его стороны притязаний на обладание Восточной империей. Иоанн Кантакузин, напр., писал: „Краль подступил к Сересу и овладел им... После этого он, высоко возомня о себе и видя себя обладателем большей части империи, провозгласил себя царем ромеев и сербов [1]), а сыну своему предоставил титул краля“ [2]). В письме из того же Сереса к венецианскому дожу Душан, среди других титулов, величает себя „господином почти всей Византийской империи“ (et fere totius imperii Romaniae dominus) [3]). На греческих указах своих Душан подписывался красными чернилами: „Стефан во христе боге верный краль и самодержец (автократор) Сербии и Романии“, или просто: „Стефан во христе боге верный царь и самодержец Сербии и Романии“ [4]).

Широкие планы Душана на Константинополь отличались от уже известных нам планов болгарских царей IX и XIII века, Симеона и Асеней. Главною целью Симеона было освобождение из-под власти Византии славянских земель и образование из них единого славянского государства; „самая попытка его, пишет проф. Флоринский, овладеть Царьградом вытекала все из того же стремления уничтожить господство греков и заменить его господством славян“ [5]). Этому взгляду, по мнению того же ученого, не может противоречить ни принятие Симеоном титула „Цѣсаря Блъгаромъ и Гръкомъ“, который продолжали носить его преемники, ни известие источника о том, что „Симеон хотел занять византийский престол и условием мира с греками ставил признание его греческим императором. Все это только доказывает, что болгарский царь в своих удачных войнах с греками, повод к которым давали, большею частью, последние, пришел к мысли об окончательном уничтожении Византии. Он хотел владеть Царьградом и повелевать греками, но не как император ромейский, а как царь болгарский“ [6]). Еще более народные задачи преследовали Асени, которые стремились к освобождению и полной независимости болгарского народа, хотели основать болгарское царство, хотя бы и с включением в него Константинополя. Иными целями руководствовался Стефан Душан, принимая титул царя (василевса)

[1]) Кантакузин, подобно Никифору Григоре, называет в своих мемуарах сербов именем древнего фракийского племени трибаллов.

[2]) Ioannis Cantacuzeni Historiae, III, 89 (ed. Bonn. II, 551—552).

[3]) Флоринский. II, 108; 111. Jireček. Gesch. der Serben. I, 386.

[4]) См. Sathas, Bibliotheca graeca medii aevi, I, 239. Флоринский. Афонские акты и фотограф. снимки с них в собраниях Севастьянова. Спб. 1880, 96.

[5]) Флоринский. Южные славяне и Византия. II, 109.

[6]) Флоринский, II, 110.

и самодержца (автократора). Тут вопрос шел не только об освобождении сербского народа из-под влияния восточного императора. Целый ряд данных не оставляют сомнения в том, что Душан задался целью создать вместо Византии новое царство, но не сербское, а сербско-греческое, что „сербский народ, сербское королевство, все присоединенные к нему славянские земли должны были сделаться только составною частью империи Ромеев, главою которой он провозглашал себя“ [1]). Выставляя себя претендентом на трон Константина Великого, Юстиниана и других византийских государей, Душан прежде всего хотел стать императором ромеев, а потом сербов, т. е. утвердить в своем лице сербскую династию на византийском престоле.

Для Душана важно было привлечь на свою сторону греческое духовенство завоеванных областей, так как он понимал, что провозглашение его царем сербов и греков может быть только тогда законным в глазах народа, когда оно будет освящено высшим авторитетом церкви. Сербский архиепископ, зависимый от Константинопольского патриарха, сделать этого не мог; если бы даже была провозглашена полная независимость сербской церкви, то и тогда сербский архиепископ или патриарх мог бы венчать краля лишь сербским царем. Для освящения титула „царя сербов и ромеев“, который влек бы за собой право на византийский престол, требовалось нечто большее. Константинопольский патриарх на такое венчание согласиться, конечно, не мог. В таких обстоятельствах Душан стал стремиться к тому, чтобы его новый титул был освящен одобрением высшего греческого духовенства завоеванных областей и греческими монастырями знаменитой Афонской горы.

В этих целях он подтвердил и расширил привилегии и умножил пожалования греческих монастырей в завоеванной Македонии, где под его власть перешли и находившиеся там, принадлежавшие Афону, поместья и подворья (метохи). Вслед за этим и самый Халкидский полуостров с афонскими монастырями перешел к Душану, и святогорские старцы греческих монастырей не могли не понять, что с этого времени верховное покровительство над монастырями должно было перейти от византийского императора к новому владыке, от которого и будет зависеть дальнейшее благосостояние монастырей. Дошедшие до нас жалованные грамоты (хрисовулы) Душана греческим монастырям Афона, написанные по-гречески, свидетельствуют не только о подтверждении им прежних монастырских льгот, привилегий и владений, но и о пожаловании им новых. Помимо хрисовулов отдельным монастырям есть указание на общий хрисовул, которым Душан благодетельствовал все афонские

[1]. Там же.

монастыри; в последнем хрисовуле мы читаем: „Царственность моя, принявши все находящиеся на св. горе Афоне обители. от всей души прибегшие и подчинившиеся ей, общим хрисовулом всем им доставила и оказала богатое благодеяние, дабы подвизающиеся в них монахи безмятежно и тихо совершали дело божие“ [1]).

На пасхе 1346 г. наступил знаменательный день в сербской истории. В Скопии (Скопле, в северной Македонии), стольном городе Душанов, собрались именитые властели со всего Сербского королевства, все высшее сербское духовенство во главе с сербским архиепископом, болгарское и греческое духовенство завоеванных областей и, наконец, прот, т. е. глава совета игуменов, управлявшего Афоном, игумены и старцы святой Афонской горы. Этому многолюдному, торжественному собору „предстояло узаконить и освятить совершенный Душаном политический переворот—основание нового царства“ [2]).

Прежде всего собор учредил сербское патриаршество, совершенно независимое от цареградского патриарха. Такой сербский независимый патриарх был необходим Душану для самого акта его венчания на царство. Так как избрание этого патриарха происходило без участия вселенских патриархов, то место цареградского патриарха должны были занять на соборе 1346 г. греческие епископы и святогорские старцы. Сербский патриарх был избран, а константинопольский патриарх, отказавшийся признать действия собора законными, произнес на сербскую церковь отлучение.

После избрания патриарха было совершено торжественное венчание Душана царским венцом.

Вероятно, этому событию предшествовала церемония провозглашения его царем в Сересе вскоре после занятия этого города. В связи с вышесказанным при дворе Душана был введен пышный придворный штат и были усвоены византийские нравы и обычаи. Новый „василевс“ приблизил к себе представителей греческой знати; греческий язык, повидимому, стал официально равноправным с языком сербским, так что многие грамоты Душана были написаны по-гречески. „Привилегированные сословия в Сербии, властели и духовенство, пользовавшиеся в стране огромным влиянием и силою и стеснявшие свободу действий сербских кралей, должны были склониться перед высшим авторитетом царя, как носителя абсолютной монархической идеи“ [3]).

[1]) Флоринский, Афонские акты, 95. Порф. Успенский. Восток Христианский. Афон. III, 2, Спб. 1892, 156.

[2]) Флоринский. Южные славяне и Византия, II, 126.

[3]) Флоринский. Памятники законодательной деятельности Душана. Киев, 1888, 13.

Согласно византийскому обычаю, Душан вместе с собою венчал на царство свою супругу, а их десятилетний сын был венчан „кралем всех сербских земель“.

После коронации Душан целым рядом жалованных грамот (хрисовулов) выразил греческим монастырям и церквам свою благодарность и благорасположение и посетил со своею супругою Афон, где пробыл около четырех месяцев, богомольствуя во всех монастырях, щедро одаряя их и принимая всюду „благословеніе отъ светыхь и чьстныихь и аггеломъ подобныихь житіемь отьць“ [1]).

После своего венчания на царство единственною мечтою Стефана сделалось достижение Константинополя; ему казалось, что для этого, после его побед и коронации, препятствий уже не встречается. Хотя походы его против Византии в последний период его правления не были столь часты и почти непрерывны, как раньше, и внимание его было отвлекаемо то военными действиями на западе и севере, то внутренним устроением своей монархии, но тем не менее, по словам проф. Флоринского, „для всего этого внимание Душана только отрывается, не более: взоры и мысли его попрежнему сосредоточены на том же заманчивом крайнем юго-востоке полуострова. Желание овладеть этим юго-востоком или собственно находящимся на нем мировым городом теперь еще более охватывает все помыслы царя, становится руководящим мотивом его деятельности, характеризует все время его царствования“ [2]).

Но увлеченный мечтою о легком завоевании Константинополя, Душан не сразу понял существовавшие уже в то время серьезные препятствия к достижению намеченного им плана, а именно: усилившееся могущество турок, которые также стремились к византийской столице и с которыми плохо организованное сербское войско справиться было не в силах; кроме того, для овладения Константинополем нужно было иметь флот, которого у Душана не было. Последний задумал для увеличения морской силы вступить в союз с Венецией; но этот шаг был заранее обречен на неудачу, так как республика св. Марка, не желавшая мириться с возвращением Константинополя Палеологам, никогда не согласилось бы помочь Душану в завоевании этого города для него и для его государства; если бы Венеция завоевала Константинополь, то она завоевала бы его для себя. Попытка Душана войти в союзные отношения с турками, благодаря политике Иоанна Кантакузина, также не удалась; к тому же, интересы Душана и турок непременно должны были бы столкнуться. Вмешательство же во внутреннюю распрю империи никаких ощутительных результатов для планов

1) Флоринский. Южные славяне и Византия. II, 134.
2) Флоринский. Южные славяне и Византия. II, 141.

Душана дать не могло. В последние годы его правления сербский отряд, сражавшийся на стороне Иоанна V Палеолога, был перебит турками. Для Душана настало время разочарования в его широких и смелых замыслах; для него стало ясно, что пути к Царьграду были для него закрыты.

Известие позднейших дубровницких (рагузских) хроник о предпринятом Душаном в год его смерти громадном походе на Константинополь, не осуществившемся только вследствие внезапной кончины царя, не подтверждается никакими современными свидетельствами и лучшими знатоками данной эпохи не признается за действительно бывшее событие [1]). В 1355 г. великого сербского государя не стало.

Таким образом, Душану не удалось создать Греко-Сербского царства, которое должно было заменить Византийскую империю; он „успел образовать только Сербское царство, включавшее в себе многие греческие земли" [2]) и распавшееся после его смерти, по выражению Иоанна Кантакузина, „на тысячи кусков" [3]).

Существование монархии Душана было настолько непродолжительно, что „в ней", собственно говоря, по словам проф. Флоринского, наблюдать можно только два момента: момент образования, продолжающийся во все время царствования Душана, и момент распадения, начавшийся тотчас после смерти ее основателя" [4]).

„Через десять лет после этого, пишет другой русский ученый (проф. А. Погодин), можно было вспоминать о величии сербского царства, как об отдаленном прошлом" [5]). Итак, третья, наиболее грандиозная и последняя попытка славян образовать на Балканском полуострове великую державу, со включением в нее Константинополя, закончилась неудачей. Для завоевательных планов воинственных османских турок Балканский полуостров был открыт и почти беззащитен.

7. Византия и турки во второй половине XIV века. Турецкие завоевания на Балканском полуострове. Падение Сербии и Болгарии. Положение Византии в конце XIV века.

К концу правления Андроника Младшего турки являлись почти полными хозяевами Малой Азии. Восточная часть Средиземного моря и Архипелаг находились под непрерывной угрозой судов турецких пиратов, которые были как из османов,

[1]) См. Флоринский, II, 200—201; 206—207.
[2]) Флоринский, II, 208.
[3]) I. Cantacuz. IV, 43 (III, 315).
[4]) Флоринский, II, 1.
[5]) А. Погодин. История Сербии. СПБ., 1909, 79.

так и из сельджуков. Положение христианского населения полуострова, прибрежных местностей и островов было невыносимым; торговля замерла. Король кипрский и магистр ордена госпитальеров или иоаннитов, владевших с начала XIV века островом Родосом, умоляли папу поднять западно-европейские государства в поход против турок. Но небольшие освободительные экспедиции, откликнувшиеся на призыв папы, несмотря на некоторый успех, не могли привести к желанному результату. Ближайшим стремлением турок было прочно утвердиться на европейском берегу; выполнение же намеченного ими плана облегчалось междоусобною войною в империи, которая, особенно в лице Иоанна Кантакузина, не переставала вмешивать турок в свои внутренние дела.

Обычно, первое утверждение османских турок в Европе связывается с именем Иоанна Кантакузина, часто опиравшегося на них в своей борьбе с Иоанном Палеологом. Кантакузин, как известно, даже выдал замуж свою дочь за султана Урхана. По приглашению Кантакузина, турки, являясь его союзниками, не раз опустошали Фракию. Византийский историк XIV века (Никифор Григора) замечает, что Кантакузин настолько же ненавидел ромеев, насколько любил варваров [1]). Вполне возможно, что первые поселения турок на Галлипольском полуострове (Херсонисе) произошли с ведома и с согласия Кантакузина. Тот же византийский историк пишет, что, в то время, как в дворцовом храме должно совершаться христианское богослужение, допущенные в столицу османы у дворца пляшут и поют, „выкрикивая непонятными звуками песнопения и гимны Мухаммеда, чем они более привлекают толпу к слушанию себя, чем к слушанию божественных евангелий“ [2]). Для удовлетворения финансовых требований турок Кантакузин отдал им даже деньги, присланные из России великим князем Московским Симеоном Гордым на исправление пришедшего в упадок храма св. Софии.

Хотя частные поселения турок в Европе, а именно во Фракии и на Фракийском (Галлипольском) полуострове, уже существовали, по всей вероятности, с первых лет правления Кантакузина, однако, они не казались особенно опасными, так как подчинялись, конечно, византийским властям. Но в начале пятидесятых годов на Херсонисе фракийском, около Каллиполя (Галлиполи), в руки турок попал небольшой укрепленный замок Цимпа. Попытка Кантакузина при помощи денег заставить турок очистить Цимпу не удалась.

В 1354 г. почти весь южный берег Фракии постигло страшное землетрясение, разрушившее целый ряд городов и укре-

[1]) Niceph. Greg. XXVIII, 2 (III, 177).
[2]) Niceph. Greg. XXVIII, 40 (III, 202—203).

плений. Воспользовавшись этим, укрепившись в Цимпе, турки заняли на Херсонисе несколько оставленных населением городов, в том числе Каллиполь (Галлиполи), который они, выстроив стены, соорудив сильные укрепления и арсенал, поместив большой гарнизон, превратили в высшей степени важный стратегический центр, сделавшийся опорным пунктом для дальнейшего их продвижения по Балканскому полуострову. Опасность для Константинополя тотчас была понята населением, которое, по получении известия о захвате турками Каллиполя, впало в отчаяние. По свидетельству современного той эпохе видного представителя литературы (Димитрия Кидона), крики и плач раздались по всему городу.

„Какие речи, пишет он, преобладали тогда в городе? Не погибли ли мы? Не находимся ли мы все в стенах (города) как бы в сети варваров?.. Не казался ли счастливцем тот, кто перед опасностями тогда покинул город“? По словам того же автора, все, „чтобы избегнуть рабства“, спешили уезжать в Италию, в Испанию, и даже дальше „к морю за Столбами“ [1]), т. е. за Гибралтарским проливом (Геркулесовыми Столбами), может быть, в Англию. Русская летопись по поводу данных событий отмечает: „Въ лѣто 6854 паревезлися Измаилятяне на сю сторону въ Греческую землю. В лѣто 6865 взяли у Греков Калиполь“ [2]).

Венецианский представитель в это время в Константинополе, учитывая создавшееся положение, сообщал своему правительству о турецкой опасности, о возможности перехода остатков империи в руки турок, о всеобщем недовольстве в Византии императором и правительством и о желании большинства населения подчиниться латинянам и прежде всего Венеции. В другом донесении тот же представитель писал, что в видах защиты от турок константинопольские греки больше всего желают владычества Венеции или, если не будет его, „государя Венгрии или Сербии“. Насколько последняя точка зрения венецианского представителя отражала настоящее настроение Константинополя, сказать трудно.

Обыкновенно в исторической литературе и в школьных руководствах главным, почти единственным виновником первоначального утверждения турок на Балканском полуострове является Иоанн Кантакузин, призвавший их себе на помощь в своей личной борьбе за власть с Иоанном Палеологом. Получалось впечатление, что вся ответственность за дальнейшее варварское хозяйничанье турок в Европе должна падать на Кантакузина. Но, конечно, не в нем одном заключается

---

[1]) Demetrii Cydonii Συμβουλευτικὸς ἕτερος. Migne. P. Gr., 154, col. 1013.
[2]) Воскресенская летопись. П. Собр. Р. Лет., VII, 251.

причина этого рокового для Византии и Европы события. Главную причину надо видеть в общем положении Византии и Балканского полуострова, которые не могли уже поставить никаких серьезных препятствий к неудержимому натиску турок на запад. Если бы Кантакузин не призывал их в Европу, они все равно туда бы пришли. По словам проф. Флоринского, прекрасного знатока данной эпохи, „турки сами по себе своими постоянными набегами проложили себе путь к завоеванию Фракии; успехам и безнаказанности их нашествий содействовало печальное внутреннее положение греко-славянского мира; наконец, ни у одного из политических деятелей разных государств и народов, действующих в данное время в пределах этого мира, не видно ни малейшего сознания грозной опасности от надвигающейся мусульманской силы; напротив, все стараются вступать с нею в компромиссы для узко-эгоистических целей, так что Кантакузин в этом отношении не представляет особого исключения“. Подобно Кантакузину, мыслью о союзе с турками были заняты в то время венецианцы и генуезцы, „эти привилегированные защитники христианства против исламизма“. Такого же союза с турками искал и великий „царь сербов и греков“ Душан. „Никто, конечно, не станет совершенно оправдывать и Кантакузина; нельзя снять с него всей вины за печальные события, приведшие к утверждению турок в Европе, но не нужно забывать, что и не один он виноват. И Стефан Душан, быть может, также водил бы с собою турецкие полчища по полуострову, как водил их Кантакузин, если бы последний не предупредил его и не помешал ему сойтись с Урханом. Такое уж было тогда тревожное, беспорядочное время!“ [1])

Утвердившись в Галлиполи и пользуясь непрекращавшимися внутренними смутами в Византии и в славянских государствах Болгарии и Сербии, турки стали продолжать свои завоевания на Балканском полуострове. Преемник Урхана султан Мурад I, после занятия целого ряда укрепленных городов в ближайших окрестностях Константинополя, овладел такими крупными центрами, как Адрианополь и Филиппополь и, двигаясь на запад, начал угрожать Фессалонике. В Адрианополь была перенесена столица турецкого государства. Константинополь постепенно окружался турецкими владениями. Император продолжал платить дань султану.

Эти завоевания поставили Мурада лицом к лицу с Сербией и Болгарией, которые к тому времени уже потеряли свою былую силу благодаря внутренним раздорам. Мурад двинулся на Сербию. На встречу ему выступил сербский князь Лазарь. Решительное сражение разыгралось летом 1389 г. в центре

---

[1]) Флоринский, II, 192—193.

Сербии, на Коссовом поле. Вначале казалось, что победа была на стороне сербов. Рассказывают, что один из сербских храбрецов, Милош Обилич или Кобилич, пробрался в турецкий лагерь, притворился перешедшим на сторону турок и, проникнув в шатер Мурада, убил его ударом отравленного кинжала. Возникшее после этого среди турок замешательство было быстро устранено сыном убитого Мурада Баязидом, который, окружив сербское войско, нанес ему полное поражение. Попавший в плен князь Лазарь был казнен. Год сражения на Коссовом поле может быть признан годом падения Сербии. Жалкие остатки сербского государства, продолжавшие еще существовать в продолжение семидесяти лет, не заслуживают названия государства. Сербия в 1389 г. подчинилась Турции.

Через четыре года (в 1393 г.), т. е. уже после смерти Иоанна V, столица Болгарии, Тырново,—также была завоевана турками, а немного позднее вся болгарская территория вошла в состав Турецкой империи.

Незадолго до смерти престарелому и уже больному Иоанну V пришлось вынести новое унижение, ускорившее его кончину. Перед опасностью для столицы от турок Иоанн приступил к исправлению городских стен и возведению укреплений. Узнав об этом, султан приказал ему разрушить построенное, угрожая, в случае отказа, ослепить сына императора и наследника Мануила, находившегося в то время при дворе Баязида. Иоанн вынужден был исполнить это требование.

Константинополь вступил в критическую пору своего существования.

8. Отношение к генуезцам во второй половине XIV века. Черная смерть 1348 г. Венецианско-генуезская война и роль в ней Византии.

Мы уже знаем, что к концу правления Андроника III генуезская колония в Галате, достигнув крупного экономического и политического влияния, сделалась как бы государством в государстве. Пользуясь почти полным отсутствием флота у Византии, галатские генуезцы заполнили своими судами все порты Архипелага и захватили всю ввозную торговлю на Черном море и в проливах. По свидетельству современного источника (Никифора Григоры), таможенные доходы Галаты ежегодно достигали до 200.000 золотых, в то время как Византия с трудом получала этих сборов едва 30.000 золотых [1]). Понимая всю опасность для Византии со стороны Галаты, Иоанн Кантакузин, несмотря на раздиравшую государство

[1]) Niceph. Greg. XVII, 1, 2 (II, 842).

внутреннюю смуту, приступил, насколько позволяли расстроенные финансы страны, к постройке военных и торговых судов. Встревоженные галатцы решили силою сопротивляться замыслам Кантакузина; они заняли господствующую над Галатой возвышенность и построили там стены, башню и различные земельные укрепления. Нападение генуезцев на самый Константинополь окончилось, однако, для них неудачно. Выстроенные Кантакузином суда вошли в Золотой Рог для борьбы с генуезцами, которые уже склонялись к миру в виду силы нового византийского флота. Но неопытность греческих судовых начальников и разразившаяся буря, чем умело воспользовался генуезский адмирал, привели к тому, что греческий флот был разгромлен, и галатцы после этого с торжеством разъезжали на разукрашенных судах мимо императорского дворца, издеваясь над императорским флагом, снятым с разбитых греческих кораблей. По условиям заключенного с генуезцами мира спорные высоты над Галатой остались в их руках. Генуезская Галата стала еще более опасною для Константинополя.

Подобное усиление и до того уже преобладающего влияния генуезцев при Палеологах не могло не отразиться на положении Венеции, видевшей в Генуе своего главного торгового врага на Востоке. Особенно остро сталкивались интересы обеих республик на Черном море и на Меотиде (Азовском море), где генуезцы утвердились в Каффе (в Крыму, современной Феодосии) и в Тане, у устьев Дона (у современного Азова). Босфор, т. е. вход в Черное море, также находился в руках генуезцев, которые, владея Галатой, устроили на берегу пролива род таможенного пункта, взимавшего торговые пошлины со всех не генуезских судов, преимущественно венецианских и византийских, направлявшихся в Черное море. Целью Генуи было установить по его берегам торговую монополию. На островах и побережье Эгейского моря интересы Венеции и Генуи также сталкивались.

От немедленного столкновения временно удержала обе республики чума 1348 и следующих годов, парализовавшая их силы. Это страшное моровое поветрие, так называемая черная смерть, будучи занесена из глубины Азии на побережье Меотиды (Азовского моря) и в Крым, перебросилась благодаря зачумленным генуезским торговым галерам, вышедшим из Таны и Каффы, в Константинополь, где унесла, по несколько преувеличенному, вероятно, свидетельству западных хроник, $^{8}/_{9}$ или $^{2}/_{3}$ населения [1]). Оттуда зараза перешла на острова

[1]) Chronicon Estense. Muratori. Scriptores rerum italicarum, XV, 448. Bartholomaeus della Pugliola. Historia miscella Bononiensis. Muratori, XVIII, 409.

Эгейского моря и на Средиземное побережье. Византийские историки оставили нам подробное описание самой болезни, указывая на полное бессилие врачей в борьбе с нею [1]. В своем описании этой эпидемии Иоанн Кантакузин подражал знаменитому описанию афинской чумы во второй книге Фукидида. Из Византии генуэзские галеры, как рассказывают западные хроники, разнесли заразу по прибрежным городам Италии, Франции и Испании. „Есть нечто невероятное, замечает один историк (М. М. Ковалевский), в этом безостановочном странствовании зачумленных галер по средиземноморским портам“ [2]. Из последних чума распространилась на север и запад и охватила Италию, Испанию, Францию, Англию, Германию. В это время в Италии Боккаччьо писал свой знаменитый Декамерон, который, как известно, начинается „классическим по своей картинности и размеренной торжественности описанием черной смерти“ [3], когда здоровые люди еще „утром обедали с родными, товарищами и друзьями, а на следующий вечер ужинали со своими предками на том свете“ [4]. Ученые сравнивают описание Боккаччьо с описанием чумы Фукидида, а некоторые ставят гуманиста даже выше классика [5].

Из Германии по Балтийскому морю и через Польшу чума проникла во Псков, Новгород, Москву, где жертвою ее в 1353 г. стал великий князь Симеон Гордый, и распространилась почти по всей России. В некоторых городах, по свидетельству русской летописи, не осталось в живых ни одного человека [6].

Венеция деятельно готовилась к войне. После того как ужасы морового поветрия несколько позабылись, республика св. Марка заключила союз с королем Арагонии, который, имея счёты с генуезцами, согласился своими нападениями на берега и острова Италии отвлекать силы Генуи и тем самым облегчать действия Венеции на востоке. После некоторого колебания к арагоно-венецианскому союзу против Генуи присоединился и Иоанн Кантакузин, обвинявший „неблагодарный народ генуезцев“ в том, что они забыли „страх божий“, что они опустошали моря, „как будто бы их обуяла мания гра-

---

1) Niceph. Greg. XVI, 1, 5 (II, 797—798). I. Cantac. IV, 8 (III, 49—53).

2) М. Ковалевский. Экономический рост Европы. III, Москва, 1903, 191.

3) А. Н. Веселовский. Боккаччьо, его среда и сверстники. I, 451; 448 (Собр. сочинений. V, Птг., 1915=Сб. Отд. Р. яз. и Слов. Ак. Н., 56 (1893), 447; 444).

4) Дж. Боккаччьо. Декамерон. Пер. А. Веселовского. Москва. I, 1891, вступление, 12.

5) См. М. Корелин. Ранний итальянский гуманизм и его историография. Москва, 1892, 495.

6) Никоновская лет. П. С. Р. Л., X, 224 (о Глухове и Белозерске—Белеозере).

бежа“, что они „старались непрестанно беспокоить моря и мореплавателей своими пиратскими нападениями.“ [1]). Главный бой, в котором приняли участие около 150 кораблей греческих, венецианских, арагонских, генуезских, произошел в начале пятидесятых годов в Босфоре, не дав решительного результата; обе стороны приписывали себе победу. Сближение генуезцев с турками-османами заставило Иоанна Кантакузина отказаться от союза с Венецией и примириться с генуезцами, которым он обещал не помогать впредь Венеции и соглашался расширить генуезскую колонию Галаты. Однако, утомленные войною Венеция и Генуя, после нескольких столкновений, заключили между собою мир. Последний, не решив главного вопроса в споре между двумя республиками, продолжался недолго; снова вспыхнула между ними война, которую можно назвать тенедосскою войною. Тенедос, один из немногих островов Архипелага, остававшихся еще в руках византийских императоров, получил, благодаря своему положению у входа в Дарданеллы, первостепенное значение для государств, имевших торговые сношения с Константинополем и Черным морем. С тех пор как оба берега пролива перешли в руки османских турок, Тенедос сделался прекрасным наблюдательным пунктом за их действиями. Венеция, уже давно мечтавшая о занятии этого острова, после целого ряда переговоров с императором, наконец, получила от него согласие на это. Но на уступку Тенедоса Венеции не могли согласиться генуезцы, которые, чтобы воспрепятствовать выполнению этого плана, успели поднять в Константинополе революцию, низложившую, как было упомянуто выше, Иоанна V и посадившую на престол на три года его старшего сына Андроника. Разразившаяся война между двумя республиками, изнурившая последние и разорившая все государства, которые имели торговые интересы на востоке, закончилась, наконец, миром в Турине в 1381 г., главном городе Савойского герцогства.

До нас дошел подробный и обширный текст туринской конференции [2]), занявшейся, при непосредственном участии Савойского герцога, разработкой и решением разнообразных общих вопросов уже сложной в то время международной жизни и выработавшей условия мира; из последних для нас интересны лишь те, которые, решив спор между Венецией и Генуей, имели отношения к Византии. Венеция должна была очистить остров Тенедос, укрепления которого были срыты; остров в определенный срок должен был перейти в руки

[1]) См. N. Jorga. Latins et Grecs d'Orient et l'établissement des Turcs en Europe. Byz. Zeitsch., XV (1906), 208.

[2]) Liber jurium reipublicae Genuensis. Augustae Taurin. II, 1857, 858—906 (Monumenta historiae patriae, IX). Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium. IV, 119—163.

Савойского герцога (in manibus prefati domini Sabaudie comitis), находившегося в родстве с Палеологами (по Анне Савойской, супруге Андроника III). Таким образом, ни Венеция, ни Генуя не получали этого важного стратегического пункта, к обладанию которым они так сильно стремились. Что же касается острого вопроса о торговой монополии генуэзцев в Черном море и Меотиде, особенно в колонии Тане, то, по условиям туринского мира, Генуя должна была отказаться от своего намерения закрыть венецианцам рынки Черного моря и доступ в Тану. Торговые нации возобновили свои сношения с Таной, которая, будучи расположена в устьях Дона, являлась одним из очень важных центров торговли с восточными народами. Мирные отношения Генуи с получившим снова престол престарелым Иоанном V были восстановлены. Византия снова должна была лавировать между двумя республиками, торговые интересы которых на востоке, несмотря на заключенный мир, продолжали сталкиваться. Во всяком случае, туринский мир, который закончил большую войну, вызванную экономическим соперничеством Венеции и Генуи, имел крупное значение уже потому, что позволил народностям, поддерживавшим сношения с Романией, возобновить их давно прерванную торговлю. Дальнейшая судьба последней зависела, впрочем, от османских турок, которым, как было уже ясно в конце XIV века, принадлежало будущее Христианского Востока.

9. Мануил II (1391—1425). Константинополь и турки. Крестовый поход Сигизмунда Венгерского и Никопольская битва. Экспедиция Маршала Бусико.

В одном из своих посланий Мануил II писал: „Когда я вышел из ребяческих лет и не достиг еще возраста мужа, меня в то время окружала жизнь, исполненная треволнения и смуты; но по многим признакам она позволяла предвидеть, что наше будущее заставит смотреть на прошедшее, как на время ясного спокойствия“ [1]. Эти предчувствия не обманули Мануила.

Мы уже знаем, в каком безотрадно унизительном положении находилась Византия или, лучше сказать, Константинополь в последние годы правления Иоанна V. В момент смерти последнего Мануил находился при дворе султана Баязида. Когда весть о смерти отца дошла до него, ему удалось убежать от султана и достичь Константинополя, где он и был коро-

[1] См. у Berger de Xivrey. Mémoire sur la vie et les ouvrages de l'empereur Manuel Paléologue, 25—26 (Mémoires de l'Institut de France. Acad. des inscr. et belles-lettres. XIX (2), 1853).

нован императором. По сведениям византийского источника, Баязид, боясь популярности Мануила, раскаивался в том, что не умертвил последнего во время его пребывания при султанском дворе. Отправленный в Константинополь к Мануилу посол Баязида, как рассказывает тот же византийский историк (Дука), передал новому императору от лица султана такие слова: „Если ты хочешь исполнять мои приказания, затвори ворота города и царствуй внутри него; все же, что лежит вне города, принадлежит мне“ [1]). Действительно, с этих пор Константинополь находился как бы в состоянии осады. Единственным облегчением для столицы было неудовлетворительное состояние морского дела у турок, которые из-за этого, несмотря на то, что владели обоими берегами Дарданелл, пока не были в состоянии совершенно отрезать Византию от сообщения через этот пролив с внешним миром. Особенно страшным был для Христианского Востока момент, когда Баязид, созвавши хитростью в одно место представителей фамилии Палеологов во главе с Мануилом и славянских князей, имел, повидимому, намерение сразу покончить с ними, „чтобы, по собственным словам султана, после очищения страны от терниев, под которыми он подразумевал нас (т .е. христиан; об этом пишет Мануил), его сыновья могли плясать в земле христиан, не боясь окровянить своих ног“ [2]). Однако, представители правящих фамилий были пощажены, и суровый гнев султана поразил лишь многих знатных лиц из их свиты.

Успехи турок на Балканском полуострове, между тем, снова ставили на очередь вопрос о прямой опасности с их стороны для Западной Европы. Покорение Болгарии и почти полное подчинение Сербии привели турок к границам Мадьярского (Венгерского) королевства. Король последнего Сигизмунд, чувствуя полное бессилие справиться личными силами с надвигавшеюся турецкою грозою, обратился за помощью к европейским государям. С наибольшим подъемом отозвалась на призыв Франция, король которой, уступая голосу народа, отправил к Сигизмунду, правда, небольшой отряд; во главе его стоял герцог бургундский. Польша, Англия, Германия и некоторые другие более мелкие государства также прислали незначительные отряды. Мануил II, к которому также обратился Сигизмунд, ничем существенным помочь ему не мог; может быть, он обязался принять участие в издержках на предполагавшуюся экспедицию.

Но крестоносное предприятие окончилось полной неудачей. В 1396 г. в сражении под Никополем (на правом берегу ниж-

[1]) Ducae Hist. byz. XIII (ed. Bonn., 49).
[2]) Manuelis Palaeologi Oratio funebris in proprium ejus fratrem despotam Theodorum Palaeologum. Migne. P. Gr., 156, col. 225.

него Дуная) крестоносцы были разбиты наголову турками и должны были вернуться по домам. Спасшийся с трудом Сигизмунд на небольшем судне через устье Дуная и Черное море достиг Константинополя, откуда окружным путем через Архипелаг и Адриатическое море вернулся в Венгрию. Участник никопольской битвы, попавший в плен к туркам и пробывший некоторое время в Галлиполи, баварский солдат Шильтбергер, описывает, как очевидец, проезд Сигизмунда через Дарданеллы, чему турки воспрепятствовать не смогли. По его свидетельству, турки, узнав о проезде короля, выставили на берегу пролива всех своих христианских пленных и с насмешкою кричали Сигизмунду, чтобы он сошел с корабля и освободил свой народ [1]).

После поражения западных крестоносцев под Никополем победитель Баязид, чтобы поскорее покончить с Константинополем, решил разорить те немногие области, которые еще, почти номинально, принадлежали империи и откуда осажденная столица могла получать помощь. В то время как сам Баязид без труда опустошил подчинившуюся ему Фессалию, его лучшие военачальники подвергли страшному разгрому Морею (Пелопоннес), где с титулом деспота правил в то время брат Мануила.

Между тем в самой столице росло народное неудовольствие, и утомленное и изнуренное население роптало, обвиняло в своих несчастиях Мануила и стало обращать свои взоры на его племянника Иоанна, свергнувшего с престола, как было упомянуто выше, в 1390 г. на несколько месяцев престарелого отца Мануила Иоанна V.

Мануил, понимая, что одними собственными силами ему с турками не справиться, решил обратиться за помощью к наиболее влиятельным представителям Западной Европы и русскому великому князю Василию I Димитриевичу. Папа, Венеция, Франция, Англия и, может быть, Арагония сочувственно отнеслись к призыву Мануила. Особенно лестным показалось его обращение к французскому королю, так как, по словам современной западной хроники, „случилось впервые, чтобы древние государи всего мира взывали к помощи Франции из столь отдаленной страны" [2]). Однако, в результате обращение Мануила к Западной Европе дало ему некоторую и, надо прибавить, недостаточную, сумму денег и надежду получить от Франции помощь людьми.

Просьба Мануила о помощи, отправленная к великому князю Московскому и встреченная в Москве сочувственно, была подкреплена просьбою о том же от имени константинопольского

---

[1]) Schiltberger. Reisebuch, von Langmantel. Tübingen, 1885, 7. Русск. перев. Бруна в Зап. Новоросс. Университета, I (1867), 6.

[2]) Chronique du Religieux de Saint-Denys, publ. par Bellaguet. II, Paris, 1840, 562.

патриарха. Позвидимому, при московском дворе вопроса об отправке войска не поднималось; дело шло лишь о даянии, по словам русской летописи, „милостыни в такой нужи и беде сущим, во осаде седящим от турков“ [1]. Собранные деньги были отправлены в Константинополь, где и приняты были с великой благодарностью.

Но получаемые денежные вспомоществования не могли принести Мануилу существенной пользы. Однако, французский король Карл VI сдержал свое обещание и послал на помощь Константинополю отряд из 1.200 человек, во главе которого поставил маршала Бусико (Boucicau.).

Бусико представлял собою одну из любопытнейших личностей Франции в конце XIV и начале XV веков. Человек необыкновенной храбрости и решительности, он всю свою жизнь провел в далеких путешествиях и опасных предприятиях. Еще молодым человеком он отправляется на восток в Константинополь, объезжает Палестину, достигает Синая и в течение нескольких месяцев находится в плену в Египте. По возвращении во Францию, услышав призыв к крестовому походу от венгерского короля Сигизмунда, Бусико спешит к нему, с беззаветною храбростью бьется в несчастном сражении при Никополе и попадает в плен к Баязиду. Избегнув почти-что чудом смерти и будучи выкуплен, Бусико возвращается во Францию, чтобы в следующем году со всею готовностью и энергией стать во главе отряда, отправляемого Карлом VI на восток.

В состав отряда Бусико вошли представители наиболее выдающихся фамилий французского рыцарства. Бусико шел морем. Будучи предупрежден о приближении его судов к Дарданеллам, Баязид сделал попытку не пропустить маршала через пролив. Однако, последнему с большими опасностями удалось пробиться через Дарданеллы, занятые турецкими судами, и достичь Константинополя, где флот Бусико был встречен с живейшей радостью. Бусико и Мануил сделали целый ряд опустошительных набегов по азиатскому побережью Мраморного моря и Босфора, откуда выходили даже в Черное море. Но эти удачи не меняли сути дела: избавить Константинополь от опасности падения они не могли. В таких обстоятельствах Бусико, видя критическое положение Мануила и его столицы как со стороны финансов, так и со стороны продовольствия, решил возвратиться во Францию, но лишь после того, как убедил императора лично вместе с ним отправиться на запад, чтобы этим произвести там более сильное впечатление и побудить западно-европейских государей к более решительным шагам. Такие скромные экспедиции, какою была экспедиция Бусико, очевидно, не могли помочь отчаянному положению Византии.

---

[1]) Никоновская летопись. П. С. Р. Л. XI, 1897, 168.

10. Путешествие Мануила II по Западной Европе. Ангорская битва и ее значение для Византии.

Когда поездка Мануила на запад была решена, его племянник Иоанн согласился во время отсутствия императора взять на себя управление государством. В конце 1399 г. Мануил и Бусико, в сопровождении свиты из духовных и светских лиц, покинули столицу, направляясь морем в Венецию.

Положение республики св. Марка в вопросе об оказании помощи Византии было довольно затруднительно. Крупные торговые интересы на востоке заставляли Венецию смотреть на новую появившуюся там силу турок не только с точки зрения христианского государства, но и с точки зрения своих коммерческих выгод. Поэтому иногда она даже заключала договоры с Баязидом. Уже это одно не позволяло Венеции выступить прямо и открыто на защиту падавшей Византийской империи. Кроме того, торговое соперничество с Генуей на том же востоке и отношение Венеции к другим итальянским государствам также отвлекали ее силы от интересов Мануила. Однако, как Венеция, так и другие итальянские города, которые посетил Мануил, встретили его с почетом и чувством живейшего участия. Видался ли император с папой,—точно неизвестно. Во всяком случае, когда Мануил покидал Италию, ободренный обещаниями Венеции, миланского герцога, буллами папы и имея пред собою посещение наиболее крупных центров Западной Европы, Парижа и Лондона, он еще верил в важность и спасительность своей далекой поездки.

Император приезжал во Францию в трудное и интересное время: это была эпоха столетней войны, т. е. борьбы ее с Англией. Существовавшее во время приезда Мануила перемирие между обеими странами могло быть в любой момент нарушено. Внутри Франции шла ожесточенная полемика и настоящая борьба между авиньонским папою и парижским университетом, приведшая к умалению папской власти в стране и признанию единственного авторитета в церковных делах за королем. Наконец, сам король Карл VI был подвержен частым припадкам сумасшествия.

В Париже Мануилу была приготовлена торжественная встреча и богато убранное помещение в замке Лувр. Присутствовавший при въезде в Париж императора один француз описывает его внешность: будучи среднего роста и крепкого телосложения, с длинной, уже сильно поседевшей бородой, Мануил имел черты лица, внушавшие уважение, и представлял собою человека, достойного, по мнению французов, быть императором [1]). Более чем четырехмесячное пребывание Мануила

---

[1]) Chronique du Religieux de Saint-Denys, XXI, 1 (756).

в Париже дало скромные результаты: король и королевский совет вынесли решение помочь ему отрядом в 1.200 человек, во главе которого должен быть поставлен маршал Бусико. Удовлетворившись этим обещанием, император отправился в Лондон, где также с великим почетом был встречен и получил не мало обещаний, в которых, впрочем, ему скоро пришлось разочароваться. В одном своем письме из Лондона Мануил сообщал, что „король дает нам помощь воинами, стрелками, деньгами и кораблями, которые доставят войско, куда нам будет нужно“ [1]). Однако, в действительности, этого не случилось. Мануил, получив много подарков, знаков внимания и почета, но не добившись обещанной военной помощи, после двухмесячного пребывания в Лондоне вернулся в Париж. Один английский историк XV века (Адам Уск) по этому поводу писал: „Я подумал: насколько больно, что этот великий и далекий восточный христианский государь, побуждаемый насилием неверных, вынужден был посетить далекие западные острова, прося против них помощи. О, боже! что́ с тобой, римская прежняя слава? Великие деяния твоей империи теперь разбиты; о тебе справедливо можно будет сказать изречение Иеремии: „Великий между народами князь над областями сделался данником“ (Плач Иеремии, I, 1). Кто когда-либо мог подумать, что ты, который, восседая обычно на престоле величия, управлял всем миром, дойдешь до такого унижения, что не будешь в состоянии оказать никакой помощи христианской вере!“ [2]).

Вторичное пребывание Мануила в Париже продолжалось около двух лет. Сведений об этом пребывании императора в Париже дошло немного. Очевидно, французы к нему присмотрелись, привыкли, и современные хронисты, отметившие не мало подробностей за время первого пребывания Мануила в Париже, очень немного говорят о втором периоде его пребывания во Франции. То немногое, что мы имеем по этому вопросу, известно нам из его писем. Те из них, которые относятся к первому периоду его вторичного пребывания, отличаются бодрым настроением; но, мало-по-малу, это настроение императора падало, так как он понимал, что на серьезную помощь ему расчитывать было нельзя ни со стороны Англии, ни со стороны Франции. От этого второго периода у нас нет и императорских писем.

Но до нас дошли зато некоторые любопытные известия о том, чему посвящал иногда свои парижские досуги импера-

[1]) Lettres de l'empereur Manuel Paléologue, publ. par E. Legrand. I, Paris, 1893, 52.
[2]) Chronicon Adae de Usk. Ed. by E. M. Thompson. Sec. ed. London, 1904, 57.

тор. В прекрасно убранном замке Лувра, например, где жил Мануил, среди прочих украшений обратила на себя внимание императора роскошная ткань, род гобелена, с изображением на ней весны. В одну из свободных минут император сделал изящное, написанное в несколько шутливом тоне, дошедшее до нас описание этого изображения весны на „королевском тканом занавеси“ [1]).

Между тем безрезультатному пребыванию Мануила в Париже не было видно конца. В это время событие, случившееся в Малой Азии, заставило императора быстро покинуть Францию и возвратиться в Константинополь. В июле 1402 г. разыгралась знаменитая Ангорская битва, в которой Тамерлан разбил страшного для Византии Баязида и этим самым освободил Константинополь от немедленной опасности. Известие об этом столь важном для Мануила событии дошло до Парижа лишь через два с половиной месяца. Император быстро собрался в обратный путь и через Гению, Венецию, обогнув затем Морею, возвратился в свою столицу, пробыв в отсутствии три с половиной года.

На память о своем пребывании во Франции Мануил пожертвовал монастырю Сен-Дени (около Парижа) рукопись Дионисия Ареопагита с миниатюрами, среди которых находится уже упомянутая выше миниатюра с изображением императора, его супруги и трех сыновей; в настоящее время эта рукопись хранится в парижском Лувре. Изображение Мануила получает еще больший интерес потому, что турки находили в его чертах большое сходство с Мухаммедом, основателем ислама, и дивились этому, а Баязид, по словам византийского историка (Франдзи), говорил о Мануиле: „Всякий, кто не знает, что он царь, сказал бы по одному виду, что он царь“ [2]).

Безрезультатность поездки Мануила в Западную Европу для насущных нужд данного момента очевидна; последнее обстоятельство отразилось и на историках и хронистах того времени, которые поняли и отметили этот печальный результат на страницах своих летописей [3]). Но это путешествие сохраняет глубокий интерес, если на него мы взглянем с точки зрения ознакомления Западной Европы с состоянием Византийской империи в период ее падения. Во всяком случае, этот эпизод может быть отнесен к истории культурного общения запада с востоком в конце XIV и начале XV веков, т. е. в эпоху Возрождения.

Вышеупомянутая Ангорская битва имела важное значение для последних времен византийского государства. К концу

---

[1]) Migne. P. G., 156, col. 577—580.
[2]) Georgii Phrantzae, I, 39 (ed. Bonn., 117).
[3]) См. Phrantzas, I, 15 (62). Chronicon Tarvisinum. Muratori, XIX, 794.

XIV века распавшаяся монгольская держава вновь объединилась под властью Тимура или Тамерлана (Тимур-Ленка, что в переводе обозначает „железный хромец"). Тимур предпринял ряд отдаленных опустошительных походов в южную Россию, северную Индию, Месопотамию, Персию и Сирию. Походы его сопровождались ужасными жестокостями; десятки тысяч людей избивались; города разрушались; поля истреблялись. Византийский историк (Дука) пишет: когда монголы Тимура „выходили из одного города, чтобы итти в другой, они оставляли его настолько покинутым и пустынным, что не было совсем слышно ни лая собаки, ни крика домашней птицы, ни плача ребенка" [1]).

Вступив после сирийского похода в пределы Малой Азии, Тимур столкнулся с османскими турками. Султан Баязид поспешил из Европы в Малую Азию на встречу Тимуру, и при городе Ангоре (Анкире) в 1402 г. произошла кровопролитная битва, окончившаяся полным поражением турок. Сам Баязид попал в плен к Тимуру; в плену он вскоре и умер. После Ангорской битвы Тимур не остался в Малой Азии. Удалившись оттуда, он предпринял поход против Китая, на пути куда и умер. После его смерти вся громадная монгольская держава распалась и потеряла свое значение. Турки были настолько ослаблены поражением при Ангоре, что в течение некоторого времени не могли предпринять решительных шагов против Константинополя и этим продлили еще на пятьдесят лет существование умиравшей империи.

11. Положение дел в Пелопоннесе и проект реформ Гемиста Плифона. Осада Константинополя турками в 1422 г.

В последнее пятидесятилетие существования остатков Византийской империи Пелопоннес, несколько неожиданно, привлек на себя внимание центральной власти. Так как к этому времени владения империи сводились лишь к Константинополю, соседней с ним части Фракии, одному или двум островам в Архипелаге, городу Фессалонике (Солуни) и Пелопоннесу, то отсюда ясно, что после Константинополя Пелопоннес являлся наиболее важною частью греческих владений. Современники XV века открыли, что это была исконняя, чистая греческая область, где они чувствовали себя именно греками-эллинами, а не ромеями, что именно там могли образоваться некоторые средства для продолжения борьбы против османских успехов. В то время как северная Греция уже сделалась добычею турок

[1]) Ducas, XVII, 76—77.

и был недалек уже момент, когда турецкому игу должны были подпасть и остальные области древней Греции, тогда в Пелопоннесе создался центр греческого национального сознания, эллинского патриотизма, задавшегося несбыточною для исторических условий мечтою возродить государство и противопоставить его могуществу империи османов.

После четвертого крестового похода Пелопоннес (или Морея), как известно, перешел во владение латинян. В начале правления восстановителя Византийской империи Михаила VIII Палеолога ахайский князь Вильгельм Виллардуэн за свое освобождение из греческого плена уступил императору три крепости: Монемвасию, Маину и недавно построенную Мистру. С этого времени греческая власть в Пелопоннесе медленно, но постоянно расширялась на счет латинских владений; поэтому в половине XIV века образовавшаяся там византийская провинция получила уже настолько важное значение, что была преобразована в отдельный деспотат и сделалась уделом второго сына константинопольского императора, ставшего как бы наместником последнего в Пелопоннесе. В конце XIV века, как было упомянуто выше, Пелопоннес подвергся страшному разгрому со стороны турок. Отчаявшись собственными силами защитить страну, морейский деспот предложил даже уступить свои владения рыцарям ордена госпиталиеров или иоаннитов, занимавшим в то время остров Родос, и только вспыхнувшее по этому поводу народное восстание в Мистре, столице деспотата, не позволило ему выполнить этот план. Ослабление османских турок после Ангорской битвы дало возможность Пелопоннесу несколько отдохнуть и вселило надежду на лучшее будущее.

Главный город Морейского деспотата Мистра, средневековая Спарта, резиденция деспота, в XIV и начале XV веков являлся политическим и духовным центром возрождавшегося эллинства. Там находились гробницы морейских деспотов; там умер в глубокой старости и был погребен Иоанн Кантакузин. В то время как население области и отчасти самой Спарты, по свидетельству современника той эпохи (Мазари), заставляло бояться последнего превратиться в варвара [1], при дворе самого деспота, в его замке Мистре, образовался культурный очаг, около которого группировались образованные греки, ученые, софисты, придворные. Есть сведения, что в XIV веке в Спарте существовала школа переписчиков древних рукописей. Один ученый (Грегоровиус) справедливо сравнивает двор Мистры с некоторыми итальянскими княжескими

---

[1]) Mazari. Ἐπιδημία Μάζαρι ἐν Ἅιδου. Ellissen. Analekten der mittel-und neugriechischen Litteratur. IV, Leipzig, 1860, 230.

дворами эпохи возрождения [1]. При дворе морейского деспота во время Мануила II процветал знаменитый византийский ученый гуманист, философ Гемист Плифон, о котором речь будет ниже.

В 1415 г. император Мануил лично посетил Пелопоннес, где деспотом был тогда второй его сын Феодор. Первою мерою императора для защиты полуострова от будущих нападений была постройка им стены с многочисленными башнями на Коринфском перешейке. В связи с той же турецкой опасностью предшественник только-что упомянутого деспота Феодора поселил в пустынных местностях Пелопоннеса многочисленные колонии албанцев (иллирийцев), за что воздает ему хвалу Мануил II в своей дошедшей до нас надгробной речи в память умершего деспота [2].

Относительно пелопоннесских дел за это время до нас дошли два интересных современных источника совершенно разного характера. С одной стороны, упомянутый византийский ученый гуманист Гемист Плифон, филэллин, увлеченный всецело идеей о том, что пелопоннесское население представляет собою наиболее чистый и древний тип эллинской нации, что именно из Пелопоннеса „вышли самые знатные и знаменитые роды эллинов“, совершившие „величайшие и славнейшие деяния“ [3]. С другой стороны, Мазари, автор „Путешествия Мазари в ад“, одного из самых неудачных подражаний знаменитому греческому сатирику Лукиану, своего рода памфлета, в котором автор в язвительных тонах описывает нравы Пелопоннеса-Мореи, производя последнее название в форме Моры (Μωρα) от греческого слова (μωρία) [4], обозначающего „глупость“,— писателя, который, в противоположность Плифону, в населении Пелопоннеса различает семь национальностей: греков (у Мазари лакедемоняне и пелопоннесцы), итальянцев (т. е. остатков латинских завоевателей), славян, иллирийцев (т. е. албанцев), египтян (т. е. цыган) и иудеев [5]. Эти сведения Мазари соответствуют исторической действительности. Хотя оба названных писателя, как ученый утопист Плифон, так и сатирик Мазари, требуют к себе осторожного, критического отношения, тем не менее оба они представляют собою богатый и интересный культурный материал для Пелопоннеса первой половины XV века.

Ко времени Мануила II относятся два любопытных проекта Гемиста Плифона о необходимости политической и социальной

[1] Gregorovius. Geschichte der Stadt Athen, II, 280—283.
[2] Manuelis Oratio funebris. Migne, 156, col. 212—213.
[3] Gemisti Plethonis Oratio I, 2—3. Ellissen. Analekten, IV (2), 42.
[4] Mazari, 2. Ellissen. IV (1), 192.
[5] Mazari, 22. Ellissen, 239.

реформы для Пелопоннеса. Один проект был адресован на имя императора, второй — на имя морейского деспота Феодора. На эти планы эллинского мечтателя, совершенно оторванные от действительности и уже по одному этому не могшие войти в жизнь, впервые обратил внимание известный Фалльмерайер во втором томе своей „Истории полуострова Мореи“ [1]).

Проект Плифона [2]) имеет в виду возрождение Пелопоннеса и для этой цели намечает план коренного изменения в системе администрации, в организации общественных классов и земельном вопросе. В представлении Плифона. население должно делиться на три класса: 1) земледельцы (пахари, копальщики земли. напр., для виноградников, пастухи); 2) те, кто доставляет средства для земледелия (быков, виноградные лозы, домашний скот) и 3) те, кто охраняет безопасность и порядок, т. е. войско, власти и государственные чиновники; во главе же всех должен стоять государь (василевс). Являясь врагом наемного войска, Плифон стоит за образование туземного войска; при чем для того, чтобы войско действительно могло отдавать все внимание на отправление своих прямых обязанностей, Плифон делит население на две категории: на плательщиков налогов и на несущих военную службу; солдаты налоговому обложению не подлежат. Часть же податного населения, освобожденного от военной службы, называется у Плифона илотами. Частная земельная собственность отменяется; „вся земля, как это следует по природе, объявляется общим достоянием для всего населения; всякому желающему позволяется сажать и строить дом, где он хочет, и пахать такое количество земли, какое он хочет и может“ [3]). Таковы главнейшие положения доклада Плифона. Его проект, носящий на себе следы влияния идей Платона, которым так сильно увлекался византийский гуманист, останется навсегда интересным культурным памятником византийского возрождения эпохи Палеологов. Некоторые ученые отмечают в схеме Плифона аналогичные черты с некоторыми местами „Общественного договора“ Руссо и с идеями сенсимонизма [4]).

Итак, накануне, можно сказать, окончательной катастрофы Плифон предложил Мануилу II программу реформ для возрожденной Эллады. „В то время, как Константинополь“, пишет французский византинист (Диль), „падает и рушится. греческое государство делает попытки родиться в Морее. И сколь бы напрасными ни казались эти стремления. сколь бы бесплодными ни могли представляться эти желания. тем не менее, это

[1]) См. Fallmerayer, II. 300 и сл.
[2]) Напечатан у Ellissen. Analekten. IV (2).
[3]) G. Plethon. I, § 18. Ellissen, IV (2), 53.
[4]) См. Ellissen, IV (2), 143, пр. 23. Tozer. A Byzantine reformer. The journal of Hellenic studies. VII (1886), 379.

возрождение сознания эллинизма, это понимание и неясная подготовка лучшего будущего являются одним из самых любопытных и самых замечательных явлений византийской истории" [1]).

До начала двадцатых годов XV века отношения Мануила к преемнику Баязида Мухаммеду I, одному из благородных представителей османского государства, отличались, несмотря на некоторые ошибочные шаги императора, доверием и миролюбием. Султан даже однажды проезжал, сведома императора, через предместье Константинополя, где был встречен Мануилом. Оба государя, оставаясь каждый на приготовленной для него галере, вели с них между собой дружескую беседу и переехали таким образом через пролив на азиатский берег, где султан расположился в палатках; император же со своего корабля не сходил; во время обеда оба монарха посылали друг другу для пробы наиболее тонкие из блюд. Однако, при преемнике Мухаммеда I Мураде II обстоятельства изменились.

Престарелый Мануил в последние годы своей жизни удалился от ведения государственных дел, поручив последние сыну Иоанну, который не обладал ни опытом, ни выдержкой, ни благородством отца. Иоанн настоял на поддержке одного из турецких претендентов на трон султана; попытка восстания не удалась; после чего разгневанный Мурад II решил осадить Константинополь, чтобы одним ударом покончить с этим давно желанным городом.

Но силы османов, не успевшие вполне восстановиться после ангорского поражения и ослабляемые некоторыми внутренними осложнениями, были к нанесению этого удара еще недостаточно готовы. В 1422 г. турки осадили Константинополь. В византийской литературе существует специальное сочинение об этой осаде, принадлежащее перу современника события Иоанна Канана и озаглавленное: „Рассказ о константинопольской войне 6930 г. (1422 г.), когда Амурат-бей напал на город с сильным войском и чуть было не овладел им, если бы пречистая матерь божия его не сохранила" [2]). Большое мусульманское войско, снабженное разнообразными военными машинами, попыталось штурмом взять город. Однако, приступ был отбит героическими усилиями столичного населения; осложнения же внутри османского государства заставили турок окончательно прекратить осаду. Избавление столицы от опасности, как всегда, было связано в народном представлении с покровительством божией матери, постоянной защитницы Константинополя. Между тем, турецкие войска действовали не только под стенами столицы, а, сделав неудачную попытку овладеть Солунью, направились на юг в Грецию, где, разрушив на Ко-

[1]) Diehl. Études byzantines, 232.
[2]) Ioannis Canani De Constantinopoli oppugnata, 457 (ed. Bonn.).

ринфском перешейке построенную Мануилом стену, произвели опустошительный набег на Морею. Соимператор Мануила Иоанн VIII провел около года в Венеции, Милане и Венгрии в поисках какой-либо помощи. По заключенному с турками миру император обязывался и впредь платить султану определенную дань и отдавал ему некоторые города во Фракии. Окрестная территория Константинополя стала еще меньше.

После этого в течение еще около тридцати лет столица влачила жалкое существование в тягостном ожидании неминуемой гибели.

В 1425 г., как известно, престарелого, разбитого параличем, Мануила не стало.

С чувством глубокой печали громадная толпа населения столицы проводила в могилу умершего императора. Такого стечения народа, по словам источника, не было еще никогда ни при одном погребении его предшественников. „Это чувство", пишет исследователь деятельности Мануила II (Berger de Xivrey), „покажется искренним тому, кто вспомнит о всех испытаниях, которые этот государь делил со своим народом, о всех его стараниях помочь последнему и о глубокой симпатии мыслей и чувств, которые он всегда сохранял к своему народу" [1]).

Центральным событием времени Мануила является разыгравшаяся в глубине Малой Азии Ангорская битва, отдалившая на пятьдесят лет падение Константинополя. Но и это кратковременное облегчение от османской опасности было достигнуто не силами византийского государя, а благодаря случайно создавшейся на востоке монгольской мощи. Главное средство, на которое расчитывал Мануил, а именно поднятие Западной Европы на крестоносный подвиг, не могло дать желаемых результатов. Осада же и штурм Константинополя турками в 1422 г. были прологом к осаде и штурму 1453 г. Но при оценке турецко-византийских отношений во время Мануила нельзя опускать из виду того личного влияния, которое император имел на турецких султанов и которое не раз отдаляло возможную грозу от гибнувшего государства.

12. Иоанн VIII (1425—1448). Территория государства. Взятие Солуни турками. Положение Константинополя. Поражение христиан под Варной. Успехи греков в Пелопоннесе.

При Иоанне VIII территория империи была ограничена самыми скромными размерами. Мы уже только-что упомянули, что незадолго до смерти своего отца он уже должен был

[1]) Berger de Xivrey, 180.

уступить султану некоторые фракийские города. После того как Иоанн сделался в 1425 г. единодержавным правителем, его власть простиралась, собственно говоря, над Константинополем и его ближайшими окрестностями. Прочие же части государства, как напр., Пелопоннес, Солунь, некоторые отдельные города во Фракии, находились в управлении его братьев в виде отдельных княжеств, почти совершенно независимых уделов.

В 1430 г. была решена судьба Солуни, завоеванной в этом году турками. Управлявший Солунью с титулом деспота один из братьев Иоанна VIII, чувствуя, что ему собственными силами не справиться с турками, продал город за известную сумму Венецианской республике, которая, получая в руки столь важный торговый центр, обязалась, по словам источника (Дуки), его „охранять, кормить, поднять его благосостояние и превратить во вторую Венецию“ [1]). Однако, подобного укрепления Венеции в Солуни не могли допустить турки, владевшие уже окрестною с городом страною. Под личным руководительством султана они приступили к осаде Солуни, ход и результат которой хорошо изображены в специальном сочинении „о последнем взятии Фессалоники“, принадлежащем перу современника описываемой драмы Иоанна Анагноста (т. е. Чтеца). Латинский гарнизон Солуни был незначителен; городское население относилось к своим новым венецианским господам, как к чужакам. Поэтому город сопротивляться туркам не мог; последние через короткое время после начала осады штурмом взяли город и подвергли страшному разгрому и поруганию; население избивалось без различия пола и возраста: храмы обращались в мечети; однако, церковь св. Димитрия Солунского, главного патрона города, была временно оставлена христианам, хотя и в состоянии полного ограбления.

Потеря Солуни произвела тяжелое впечатление как в Венеции, так и во всей Европе. Приближение решительного момента ощущалось, конечно, и в Константинополе.

До нас дошло интересное описание Константинополя, сделанное возвращавшимся из Иерусалима паломником, одним бургундским рыцарем (Бертрандон де ля Брокьер), который посетил столицу Палеологов в начале тридцатых годов, т. е. вскоре после падения Солуни. Он хвалит хорошее состояние стен, особенно сухопутных, но вместе с тем указывает и на некоторое запустение города; он говорит, напр., о развалинах и остатках двух существовавших прежде прекрасных дворцов, разрушенных, по преданию, одним императором, от которого потребовал будто бы этого турецкий султан. Бургундский

1) Ducas, XXIX (197).

паломник осматривал константинопольские церкви и другие памятники столицы, присутствовал на торжественных церковных службах, видел в храме св. Софии представление мистерии о трех юношах, брошенных Навуходоносором в печь огненную, восторгался красотою византийской императрицы, родом из Трапезунта, и рассказал императору, заинтересовавшемуся судьбою незадолго перед тем сожженной в Руане Жанны д'Арк, „всю правду" о знаменитой французской девушке [1]). Он же, на основании своих наблюдений над турками, сообщает нам свое мнение о возможности их изгнания и даже возвращения Иерусалима. „Мне кажется", пишет паломник, „что благородные люди и хорошее правительство трех названных мною народов, т. е. французов, англичан и немцев, довольно значительны и, если они соединятся в достаточном количестве, то смогут пройти по суше до Иерусалима" [2]).

В виду предстоящей столице опасности со стороны турок, Иоанн VIII предпринял большую работу по восстановлению Константинопольских стен. Целый ряд сохранившихся на стенах до нашего времени надписей с именем „Иоанна во христе автократора Палеолога" свидетельствуют об этой трудной, продолжавшейся свыше десяти лет, последней попытке христианского императора восстановить когда-то казавшиеся неприступными укрепления Феодосия Младшего.

Но этого было недостаточно для борьбы с османами. Иоанн VIII, как и его предшественники, надеялись получить настоящую помощь против турок лишь с Запада при содействии папы. Для этого сам император с греческим патриархом и блестящей свитой отправился в Италию, и результатом этой поездки было заключение знаменитой флорентийской унии, о чем речь будет ниже; в смысле же реальной помощи Византии поездка императора в Италию никакой существенной пользы не принесла.

Папа Евгений IV своею проповедью крестового похода сумел поднять на войну с турками венгров, поляков и румын. Составилось крестоносное ополчение под начальством польско-венгерского короля Владислава и известного венгерского героя—вождя Яна Гуниада. В происшедшей с турками битве у города Варны в 1444 г. крестоносцы потерпели полное поражение. Сам Владислав пал в бою. Ян Гуниад с остатками войска отступил в Венгрию. Сражение под Варной является последней попыткой Западной Европы притти на помощь

[1]) Bertrandon de la Brocquière. Voyage d'outremer, éd. Ch. Schefer. Paris, 1892, 150—165 (Recueil de voyages et de documents à l'histoire de géographie, XII).

[2]) Там же, 230.

гибнувшей Византии. После этого Константинополь был предоставлен своей собственной участи.

После турецкой победы под Варной, не принимавший никакого участия в походе Иоанн VIII тотчас же вступил в договорные отношения с султаном, старался смягчить его подарками и достиг того, что до конца своего правления сохранил с ним мирные отношения.

В то время как во внешней политике в отношении турок Византия при Иоанне VIII терпела постоянные и серьезные неудачи, в Пелопоннесе (Морее), в этом почти независимом от центральной власти уделе, греческое оружие одержало значительную, хотя и кратковременную, победу. Кроме византийских владений в Пелопоннесе находились еще остатки латинских владений Ахайского княжества и некоторые пункты, особенно на самом юге полуострова, принадлежавшие Венеции. В начале XV века последняя задалась целью подчинить своему влиянию оставшуюся в латинских руках часть Пелопоннеса, для чего она вступила в переговоры с различными там правителями. С одной стороны, республика св. Марка желала овладеть построенною при Мануиле II стеною на Коринфском перешейке, с целью оказать сопротивление турецким нападениям. С другой стороны, Венецию привлекали туда торговые интересы, так как по собранным представителем республики сведениям произведения страны в виде золота, серебра, шелка, меда, хлеба, изюма и других предметов обещали крупные выгоды. Однако, во время Иоанна VIII войска греческого деспотата в Морее, открыв военные действия, быстро заняли латинскую часть Пелопоннеса и этим самым положили конец франкскому владычеству в Морее. С тех пор, до момента ее завоевания турками, весь полуостров принадлежал правившим там представителям дома Палеологов; только Венеция сохранила за собою те пункты на юге, которыми она владела раньше.

Один из морейских деспотов Константин, брат Иоанна VIII и будущий последний император Византии, пользуясь некоторыми затруднениями турок на Балканском полуострове, двинулся с войском через Коринфский перешеек на север в среднюю и северную Грецию, где турки уже делали свои завоевания. Султан Мурад II после победы над христианами под Варной, считая вторжение Константина в северную Грецию для себя оскорбительным, направился на юг, прорвал укрепленную стену на Коринфском перешейке, подверг страшному опустошению Пелопоннес и увел в плен большое число греков. Испуганный деспот Константин должен был с радостью заключить с султаном мир на продиктованных последним условиях и, оставшись морейским деспотом, обязался платить султану определенную подать.

13. Константин XI (1449—1453). Осада и взятие Константинополя турками.

Территория, признававшая власть последнего византийского императора, ограничивалась Константинополем с его ближайшими окрестностями во Фракии и большею частью лежавшего в стороне от столицы Пелопоннеса или Мореи, где правили братья императора.

Честность, благородство, энергия, храбрость и любовь к родине были отличительными чертами Константина, как о том свидетельствует ряд греческих источников его времени и его поведение во время осады Константинополя. Итальянский гуманист Франческо Филельфо, знавший лично Константина еще до вступления его на престол во время своего пребывания в Константинополе, называет императора в одном из своих писем человеком „благочестивого и возвышенного ума“ (pio et excelso animo) [1].

Сильным и страшным врагом Константина был молодой, двадцатиоднолетний султан Мухаммед II, соединявший в своей натуре, наряду с грубыми порывами суровой жестокости, жажды крови и низменными пороками, склонность к науке и образованию, энергию, военный, государственный и организаторский таланты. Византийский источник сообщает нам, что он занимался с увлечением науками, особенно астрологией, читал рассказы о подвигах и деяниях Александра Македонского, Юлия Цезаря и константинопольских государей, говорил, кроме турецкого, на пяти языках [2]), может быть, и по-славянски. Восточные источники восхваляют его религиозность, правосудие, милосердие и покровительство ученым и поэтам. Историческая наука XIX XX веков разноречиво оценивает Мухаммеда II, начиная от полного почти отрицания в нем каких-либо положительных сторон [3]) и кончая признанием в нем необыкновенной, чуть ли не гениальной личности [4]). Стремление завоевать Константинополь охватывало всецело молодого султана, который, по словам источника (Дуки), „ночью и днем, ложась спать и вставая, в своем дворце и вне его всю свою заботу полагал на то, какими военными действиями и средствами овладеть Константинополем“; в бессонные ночи он на бумаге чертил план города и городских укреплений, намечая те места, откуда легче будет взять город [5]).

[1]) N. Jorga. Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XV-e siècle. IV, Bucarest, 1915, 83.
[2]) Phrantzas, I, 32 (93; 95).
[3]) Ellissen. Analekten, III, 87—93.
[4]) Jorga. Geschichte des Osmanischen Reichs. II, Gotha, 1909, 3.
[5]) Ducas, XXXV (249; 252).

До нас дошли изображения обоих противников: Константина Палеолога на печатях и в одной греческой рукописи, а Мухаммеда II на выбитых в XV веке итальянскими мастерами в честь султана медалях и на его портрете, нарисованном известным венецианским художником Джентиле Беллини († 1507 г.), который в конце правления Мухаммеда провел некоторое время в Константинополе.

Решив нанести последний удар Константинополю, Мухаммед приступил к этому шагу с полною осторожностью. Прежде всего на север от города, на европейском берегу Босфора, в самом узком его месте, он построил сильное укрепление с башнями, величественные остатки которого видны еще и теперь (Румели-Хиссар); поставленные там пушки выбрасывали громадные для того времени каменные ядра.

Когда весть об укреплении на Босфоре распространилась, то среди христианского населения столицы, Азии, Фракии и островов, как пишет современный источник (Дука), только и раздавались восклицания: „Теперь приблизился конец города; теперь знамения гибели нашего рода; теперь (наступают) дни антихриста; что будет с нами или что нам делать?.. где святые, охраняющие город?“ [1]) Другой современник той эпохи, очевидец событий, перенесший все ужасы осады Константинополя, автор драгоценного „Дневника осады“, венецианец Николай Барбаро писал: „Это укрепление чрезвычайно сильно с моря, так что овладеть им нельзя никоим образом, ибо на берегу и на стенах стоят в громадном количестве бомбарды (род орудий); с суши укрепление также сильно, хотя и не так, как с моря“ [2]). Возведенное укрепление прекратило сообщение столицы с севером и с портами Черного моря, так как все иностранные суда, входившие в Босфор и выходившие из него, перехватывались турками, благодаря чему Константинополь, в случае осады, лишался подвоза хлеба, шедшего из черноморских портов. Для турок это было тем более легко сделать, что против европейского укрепления возвышались на азиатском берегу Босфора укрепления, построенные еще в конце XIV века султаном Баязидом (Анатоли-Хиссар). Затем султан сделал опустошительное нападение на греческие владения в Морее (Пелопоннесе), чтобы этим самым лишить морейского деспота возможности притти на помощь в опасный момент Константинополю. После вышеописанных подготовительных мер Мухаммед этот, по словам Барбаро, „языческий враг христианского народа“ [3]), приступил к осаде великого города.

---

[1]) Ducas, XXXIV (238).
[2]) Nicolò Barbaro. Giornale dell' assedio di Costantinopoli, ed. E. Cornet. Vienna, 1856, 2.
[3]) N. Barbaro, ed. Cornet, 18.

Константин сделал все возможное, чтобы достойно встретить своего могущественного противника в открывавшейся неравной борьбе, исход которой, можно сказать, заранее был уже предрешен. Император приказал из окрестностей столицы свезти в город возможные запасы хлеба и сделать некоторые исправления в городских стенах. Греческий гарнизон города не превышал нескольких тысяч. Видя приближение смертельной опасности, Константин обратился за помощью к Западу; но вместо желанной военной помощи в Константинополь прибыл римский кардинал, грек по происхождению, Исидор, бывший московский митрополит и участник флорентийского собора, и в ознаменование восстановленного мира между восточною и западною церквами отслужил униатскую обедню в храме св. Софии, что вызвало сильнейшее возбуждение среди городского населения. Тогда именно один из виднейших византийских сановников Лука Нотара произнес знаменитые слова: „лучше видеть в городе власть турецкого тюрбана, чем латинской тиары“ [1]).

В защите столицы участвовали венецианцы и генуэзцы. Особенно большие надежды возлагались на прибывшего с двумя большими судами с острова Хиоса начальника генуэзского испытанного в боях отряда Джованни Джустиниани. Доступ в Золотой Рог был прегражден, что не раз уже случалось в опасные минуты прежнего времени, массивною железною цепью, остатки которой, как полагали в течение долгого времени, можно было видеть до последних лет на дворе сохранившейся византийской церкви св. Ирины, где теперь устроен оттоманский военно-исторический музей [2]).

Военные силы Мухаммеда, сухопутные и морские, в состав которых входили, кроме турок, представители разнообразных покоренных ими народов, в том числе и славян, бесконечно превосходили скромное число защитников Константинополя из греков и латинян, преимущественно итальянцев.

Наступило одно из важнейших событий мировой истории.

Самый факт осады и взятия турками „богохранимого“ Константинополя оставил глубокий след в источниках, которые, на разных языках, с разнообразных точек зрения описывают последние моменты Византийского государства и позволяют нам иногда буквально по дням и часам следить за развитием последнего акта захватывающей исторической драмы. Дошедшие до нас источники написаны на греческом, латинском, итальянском, славянском и турецком языках. Главнейшие гре-

---

[1]) Ducas, XXXVII (264).

[2]) В настоящее время в этой сохранившейся цепи склоняются видеть часть цепи из гавани острова Родоса, привезенную в Константинополь турками после подчинения ими Родоса.

ческие источники различно относятся к событию. Участник осады, близкий друг последнего императора, известный дипломат, занимавший высокие посты в государстве, Георгий Франдзи, весь охваченный безграничною любовью к своему императору-герою и вообще к дому Палеологов и будучи противником унии описал, последние времена Византии с целью восстановить честь побежденного Константина, поруганной родины и оскорбленного греческого православия. Другой современник эпохи грек Критовул, перешедший на сторону турок и пожелавший доказать свою преданность Мухаммеду II, посвятил свою, написанную под сильным влиянием Фукидида, историю „величайшему императору царю царей Мехемету“ [1]), где он излагает последние судьбы Византии уже с точки зрения подданного нового османского государства, хотя, к своей чести, и не подвергает нападкам своих соотечественников. Грек из Малой Азии Дука, будучи сторонником унии, в которой он видел единственное спасение, писал об интересующем нас предмете вообще с точки зрения благоприятной Западу, особенно выставляя в критический момент заслуги и достоинства генуэзского вождя Джустиниани и умаляя, может быть, роль Константина, но вместе с тем продолжая любить и жалеть греков. Четвертый греческий историк последнего периода Византии, единственный афинянин, которого знает вообще византийская литература, Лаоник Халкокондил (или Халкондил), ставивший в центре своего изложения уже не Византию, а турецкое государство, задался новою и обширною темою изобразить „необыкновенное развитие мощи молодого османского государства, возникавшего на развалинах греческих, франкских и славянских держав“ [2]), т. е., другими словами, дать общий труд, почему сочинение Лаоника, не бывшего к тому же очевидцем последних дней Константинополя, имеет для осады и взятия его турками, среди других источников, второстепенное значение. Из наиболее ценных источников, написанных на латинском языке, авторы которых пережили в Константинополе все время осады, можно назвать воззвание „ко всем верным Христа“ с трудом избегнувшего турецкого плена, известного уже нам кардинала Исидора, умоляющее всех христиан подняться на защиту гибнувшей христианской веры; затем донесение папе архиепископа Леонарда Хиосского, также спасшегося от пленения турками и видевшего в постигшем Византию великом бедствии кару за отступление греков от заветов католической церкви; наконец, стихотворная поэма в четырех песнях „Constantinopolis“ итальянца Пускула, пробывшего некоторое время в турецком плену, подражателя Виргилия и отчасти Гомера.

[1]) C. Müller. Fragmenta historicorum graecorum. V, 1870, 52.
[2]) Krumbacher, 302 (р. пер., 63).

ревностного католика, посвятившего папе свою поэму, убежденного, подобно Леонарду, в том, что бог покарал Византию главным образом за схизму. Итальянские источники дали нам драгоценный, написанный сухим, деловым языком на древневенецианском наречии „Дневник константинопольской осады", принадлежащий перу знатного венецианца Николая Барбаро, перечислявшего по дням происходившие во время осады столкновения греков с турками и имеющего поэтому для восстановления хронологии осады первостепенное значение. На древнерусском языке написана важная для нашего вопроса историческая повесть о взятии Царьграда „о сѣм великомъ и страшномъ дѣле", „многогрѣшнымъ и бѣззаконнымъ Несторомъ Искиндѣромъ (Искандером)" [1]), почти наверное, русским по происхождению, бывшим в войске султана и правдиво и, по возможности, ежедневно описывавшего действия турок за стенами города и в самом городе после падения последнего. Падение Константинополя рассказано также в русских хронографах и летописях. Наконец, существуют и турецкие источники, оценивающие великое событие с точки зрения торжествующего, победоносного ислама и его блестящего представителя Мухаммеда II Завоевателя, а иногда представляющие собою собрание турецких народных легенд о Константинополе и Босфоре. Из только-что сделанного перечня главных источников видно, каким богатым и разнообразным материалом мы обладаем для изучения вопроса об осаде и взятии турками Константинополя.

В начале апреля 1453 г. началась осада великого города. Успеху последней помогали не только несравненно более крупные военные силы турок. Мухаммед II, „этот", по словам Барбаро, „вероломный турок, собака-турок" [2]), был первым государем в истории, который имел в своем распоряжении настоящий артиллерийский парк. Усовершенствованные, гигантских для своего времени размеров, турецкие бронзовые пушки выбрасывали на далекое расстояние не менее гигантские каменные ядра, против сокрушительных ударов которых не могли устоять вековые константинопольские стены. Отмеченная выше русская повесть о Царьграде замечает, что „окаянный Махмет" прикатил к городским стенам „пушкы и пищали и туры и лестница и грады древяные и ины козни стенобитныя" [3]). Современный осаде греческий источник (Критовул) прекрасно уже понимал всю решающую силу артиллерии, когда писал, что все сделанные турками подкопы под стены и подземные

[1]) Повесть о Царьграде Нестора-Искандера, XV века. Сообщ. архим. Леонид. Пам. древней письменности. LXII (1886), 43.

[2]) Barbaro, 20; 21.

[3]) Нестор-Искандер, 27. См. также Сказания о Цареграде. изд. В. Яковлева. Спб., 1868, 92; 93.

ходы „оказались излишними и только вызвали бесполезные расходы, так как пушки решили все“ [1]). Еще в недавнее время в некоторых местах Стамбула можно было видеть на земле эти громадные перелетевшие через стены ядра, лежащие почти на тех же местах, где они упали в 1453 г. 20 апреля произошло единственное, можно сказать, счастливое для христиан событие за все время осады: в этот день прибывшие на помощь к Константинополю четыре генуэзских судна разбили во много раз превосходящий их силы турецкий флот. „Легко можно вообразить, пишет новейший историк осады и взятия византийской столицы (Шлюмберже) неописуемую радость греков и итальянцев. На мгновение Константинополь считал себя спасенным“ [2]). Конечно, этот успех не мог иметь крупного значения для хода осады.

22 апреля город во главе с императором был поражен необычайным и устрашающим зрелищем: турецкие суда находились в верхней части Золотого Рога. В ночь на это число султану удалось переправить по суше, минуя железную цепь, корабли из Босфора в Золотой Рог; для этого специально был устроен в долине между возвышенностей деревянный помост, по которому суда на подставленных под них колесах и были перетащены при помощи большого числа находившихся в распоряжении султана, по выражению Барбаро „каналий“ [3]). Находившийся в Золотом Роге за цепью греко-итальянский флот оказался после этого между двух огней. Положение города стало критическим. План осажденного гарнизона сжечь ночью турецкие суда в Золотом Роге был своевременно изменнически открыт султану и предупрежден последним.

Между тем, жестокая бомбардировка города, не прекращавшаяся в течение нескольких недель, довела до последней степени изнурения городское население, которое, в лице мужчин, женщин, детей, священников, монахов, монахинь, должно было дни и ночи, под градом ядер, заделывать многочисленные стенные бреши. Осада длилась уже пятьдесят дней. Дошедшая до султана весть, может быть специально для данного случая измышленная, о возможности прибытия на помощь городу христианского флота побудила его поспешить с решительным штурмом Константинополя. Критовул, подражая знаменитым речам в истории Фукидида, влагает в уста Мухаммеда длинную, обращенную к войскам с призывом к храбрости и стойкости речь, в которой, между прочим, султан будто бы возглашал, что „для успешной войны есть три условия: желать

[1]) Critobulus, I, 31, 3 (ed. C. Müller, 80).
[2]) Schlumberger. Le siège, la prise et le sac de Constantinople par les Turcs en 1453. Paris, 1915, 140.
[3]) Barbaro, 28.

(победы), стыдиться (позора поражения) и повиноваться вождям" [1]. Штурм был назначен в ночь с 28 на 29 мая.

Древняя столица христианского Востока, предчувствуя неизбежность роковой для себя развязки и зная о предстоящем штурме, провела канун одного из величайших исторических дней в молитве и слезах. По распоряжению императора, крестные ходы, в сопровождении громадной толпы народа, певшей „господи помилуй", обходили городские стены. Люди ободряли друг друга, чтобы в последний час битвы оказать храброе сопротивление врагу. В своей, сообщаемой нам греческим источником (Франдзи) длинной речи [2], Константин, побуждая жителей к храброй защите, ясно понимал предрешенную гибель, когда говорил, что турки „опираются на орудия, конницу, (пешее) войско и численное превосходство, мы же полагаемся на имя господа нашего бога и спасителя и, во-вторых, на наши руки и силу, которую даровало нам божеское могущество" [3]. В то же самое время в конце речи Константин произнес такие слова: „Убеждаю и прошу вашу любовь, чтобы вы оказывали соответствующий почет и подчинение вашим вождям, каждый согласно своему чину, отряду и службе. Знайте же следующее: если вы искренно будете соблюдать все то, что я вам приказал, то с помощью божьей я надеюсь, что мы избавимся от ниспосланной богом справедливой кары" [4]. В тот же день вечером в св. Софии было совершено богослужение, последняя христианская служба в знаменитом храме, во время которой император и многочисленная толпа молящихся приобщились св. тайн; после чего император возвратился во дворец. „Кто расскажет, пишет источник (Франдзи), о тогдашних слезах и стенаниях во дворце. Даже человек из дерева или камня не мог бы не заплакать" [5].

Общий штурм начался во вторник между часом и двумя ночи с 28 на 29 мая. По данному знаку, город был атакован сразу с трех сторон. Две атаки были отбиты. Наконец, Мухаммед организовал со всею тщательностью третью и последнюю атаку. Особенно яростно нападали турки со стороны ворот св. Романа, где было замечено присутствие императора и окружавших его бойцов. К довершению всего, один из самых главных защитников города, генуэзец Джустиниани, будучи тяжело ранен, должен был покинуть ряды войска: его с трудом перенесли на корабль, которому удалось уйти на остров Хиос, где раненый скоро же и умер (если только он не умер еще

[1]) Critobulus, I, 50. 2 ed. Müller, 91.
[2]) Phrantzas, III, 6 (27.—279).
[3]) Phrantzas, 273.
[4]) Phrantzas, 276.
[5]) Phrantzas, 279.

в дороге). Еще в настоящее время в одной из Хиосских церквей существует памятник над могилою знаменитого генуэзца с соответствующей латинской эпитафией. Удаление Джустиниани было непоправимою потерею для осажденных. В стенах открывались все новые и новые бреши. Император геройски сражался как простой воин и пал в битве. Точных известий о смерти византийского императора нет, так как ни один из историков осады при ней не присутствовал: поэтому весьма скоро смерть его сделалась предметом легенды, затемнившей самый исторический факт.

После смерти Константина турки ринулись в город, производя ужасные опустошения. Большая толпа греков искала спасения в св. Софии, думая, что там они будут в безопасности. Турки, взломав входные двери, ворвались в храм, избивали и оскорбляли укрывавшихся там греков, без различия пола и возраста. В день взятия города, а, может быть, на следующий день, султан, вступив торжественно в завоеванный Константинополь, проследовал в св. Софию и совершил в ней мусульманскую молитву. Св. София превратилась в мусульманскую мечеть. После этого Мухаммед расположился во Влахерском дворце, резиденции византийских василевсов.

По согласному показанию источников, грабеж города, как обещал солдатам Мухаммед, продолжался три дня и три ночи. Население подверглось жестокому избиению. Храмы во главе со св. Софией и монастыри со всеми их богатствами были ободраны и осквернены; частное имущество расхищено. В эти роковые дни погибло неисчислимое количество культурного материала. Книги сожигались или разрывались и растаптывались или за бесценок продавались. По свидетельству источника (Дуки), громадное количество книг, нагруженное на телеги, было рассеяно по западным и восточным областям; за одну золотую монету продавали десятки книг, сочинения Аристотеля, Платона, книги богословского содержания и всякие другие; с роскошно украшенных евангелий срывали золото и серебро, а сами евангелия или продавали или бросали; все иконы сжигались и на этом огне варили турки мясо и ели [1]). И тем не менее некоторые ученые, напр., Ф. И. Успенский, признают, что „турки в 1453 г. поступили с большею мягкостью и гуманностью, чем крестоносцы, взявшие Константинополь в 1204 г.“ [2]).

Народное христианское предание рассказывает, что в момент появления турок в храме св. Софии шла литургия; когда священник со святыми дарами в руках увидел ворвавшихся мусульман, он вошел в раскрывшуюся перед ним стену алтаря

[1]) Ducas XLII (312).
[2]) Ф. Успенский. Как возник и развивался восточный вопрос. Изв. Слав. Благотворит. Общ. III (1886), июнь, 251.

и исчез; когда Константинополь снова перейдет в руки христиан, священник снова выйдет из стены и будет продолжать служить литургию.

Еще около сорока лет тому назад местные проводники показывали туристам в одном из уголков Стамбула могилу последнего византийского императора, над которою горела простая масляная лампа. Конечно, эта безымянная могила не имела ничего общего с могилой Константина, место погребения которого неизвестно.

Через два дня после падения Константинополя в Эгейское море прибыл на помощь западный флот; узнав печальную весть, он немедленно удалился обратно.

Через пять лет (в 1458 г.) Мухаммед завоевал у франков Афины; вскоре ему подчинилась вся Греция с Пелопоннесом. Античный Парфенон, где в средние века, как известно, находилась церковь богоматери, был по распоряжению султана, обращен в мечеть. Еще через три года (в 1461 г.) в руки турок перешел далекий Трапезунт, столица самостоятельной империи. В это же время они овладели и остатками эпирского деспотата.

Византийская православная империя прекратила свое существование и на ее месте обосновалась и разрослась Оттоманская (Османская) мусульманская империя, перенесшая столицу из Адрианополя на берега Босфора в Константинополь, называемый по-турецки Истамбул (Стамбул) [1].

Дука, подражая уже известному нам месту Никиты Акомината после разгрома Константинополя латинянами в 1204 г., оплакивает событие 1453 г. Вот начало этого „плача". „О город, город, глава всех городов! О город, город, центр четырех стран света! О город, город, гордость христиан и гибель варваров! О город, город, второй рай, на западе насажденный, заключающий в себе всевозможные растения, сгибающиеся от тяжести плодов духовных! Где красота твоя, рай? Где благодетельная сила духа и плоти твоих духовных харит? Где тела апостолов господа моего?.. Где останки святых, где останки мучеников? Где прах великого Константина и других императоров"? [2]) и т. д.

Падение Константинополя произвело страшное впечатление на Западную Европу, которая прежде всего была охвачена страхом перед дальнейшими успехами турок; конечно, гибель одного из самых главных центров христианства, хотя бы с точки зрения католической церкви и схизматического, также

[1]) Это турецкое название произошло из новогреческого [illegible] (стинполи), что значит „в город", с переходом, в турецком произношении, сти в ста.

[2]) Ducas XLI (306).

возбуждала негодование, ужас и рвение поправить дело со стороны верующих сынов Запада. Папы, государи, епископы, князья и рыцари оставили нам много посланий и писем, рисующих весь ужас создавшегося положения и призывающих к крестоносной борьбе с победоносным исламом и его представителем Мухаммедом II, этим „предвестником антихриста и вторым Сеннахерибом“ [1]). Во многих письмах оплакивается гибель Константинополя, как центра культуры. В своем воззвании к папе Николаю V западный император Фридрих III, называя падение Константинополя „общим несчастием христианской веры“, пишет, что Константинополь был „как бы настоящим жилищем (velut domicilium proprium) литературы и занятий всеми изящными искусствами“ [2]). Кардинал Виссарион, оплакивая в одном из писем падение города, называет его „училищем лучших искусств“ (gymnasium optimarum artium) [3]). Знаменитый Эний Сильвий Пикколомини, будущий папа Пий II, вспоминая о бесчисленных книгах, которые оставались в Византии и еще не были известны латинянам, называет завоевание города турками второю смертью Гомера и Платона [4]). Некоторые представители XV века именовали турок тевкрами, считая их потомками древних троянцев, и предостерегали против планов султана напасть на Италию, которая привлекала его „своим богатством и гробницами его троянских предков“ [5]). Хотя, с одной стороны, в различных посланиях пятидесятых годов XV века и говорится о том, что „султан, как некогда Юлиан Отступник, должен будет наконец признать победу христа“, что христианство, без сомнения, достаточно сильно, чтобы не бояться турок, что будет готова „сильная экспедиция“ (valida expeditio) и христиане смогут разбить турок и „прогнать их из Европы“ (fugare extra Europam)—однако, с другой стороны, мы читаем в тех же посланиях о больших затруднениях в предстоящей борьбе с турками и о том, что одной из главных причин этих затруднений являются раздоры христиан между собою, „зрелище которых придает храбрости“ султану [6]). Прекрасную и меткую картину христианских взаимоотношений на Западе в то время дает в одном из своих писем к другу уже упомянутый нами Эний Сильвий Пикколомини, у которого читаем: „Я не надеюсь на то, чего желаю. Христианство не имеет более главы: ни папа, ни император не пользуются подобающими им уважением и повиновением; с ними обращаются как с вымышленными

[1]) См. G. Voigt. Enea Silvio Piccolomini. II, Berlin. 1862, 95.
[2]) Baronii-Raynaldi Annales ecclesiastici. Barri - Ducis. 1871 XXVIII, 598.
[3]) См. Jorga. Geschichte des Osmanischen Reichs, II, 41.
[4]) Voigt. E. S. Piccolomini, II, 94.
[5]) Jorga. Notes et extraits, IV, 74.
[6]) Jorga. Notes et extraits, IV, 64; 76; 82; 84; 90.

именами, разрисованными фигурами. Каждый город имеет своего собственного короля; князей же столько, сколько домов. Как же можно убедить бесчисленных христианских правителей взяться за оружие? Взгляните на христианство. Италия, говорите вы, умиротворена? Не знаю, до какой степени. Между королем Арагонии и генуезцами есть еще остатки войны. Генуезцы и не пойдут биться с турками: говорят, что они платят последним дань! Венецианцы заключили с турками договор. Если же не будет итальянцев, мы не можем надеяться на морскую войну. В Испании, как вы знаете, много королей различной мощи, различной политики, различной воли и различных идей; но ведь не этих государей, живущих на краю Запада, можно увлечь на Восток, особенно тогда, когда они имеют дело с гренадскими маврами. Французский король изгнал врага из всего своего королевства; но он все же остается в тревоге и не посмеет послать своих рыцарей за пределы своего королевства из боязни внезапной высадки англичан. Что касается до англичан, они только и думают отомстить за свое изгнание из Франции. Шотландцы, датчане, шведы, норвежцы, живущие на краю света, ничего не ищут вне своих стран. Германцы, очень разделенные, не имеют ничего, что могло бы их соединить“ [1]).

Ни воззвания пап и государей, ни возвышенные порывы отдельных лиц и групп, ни сознание общей опасности перед османскою грозою не могли сплотить разъединенную Западную Европу на борьбу с исламом. Турки продолжали двигаться дальше и в конце XVII века угрожали уже Вене. Это был момент наивысшего могущества османской державы. Константинополь, как известно, до сих пор находится во власти турок.

[1]) Voigt. E. S. Piccolomini, II, 118—119.

II. ОЧЕРК ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ ИМПЕРИИ В ЭПОХУ ПАЛЕОЛОГОВ.

14. Церковные отношения. Лионская уния. Арсениты. Исихастское движение. Римская уния. Флорентийская уния. Вопрос о Софийском соборе 1450 г. Церковь при турецком владычестве.

Церковная история времени Палеологов полна глубокого интереса как с точки зрения отношений греко-восточной церкви к папскому престолу, так и с точки зрения религиозных движений в ее внутренней жизни. Отношения к Риму, вылившиеся в форму неоднократных попыток заключения унии с католическою церковью, находились, за исключением Лионской унии, в теснейшей зависимости от все усиливавшейся турецкой опасности, которая, по взглядам византийского императора, могла быть предотвращена лишь предстательством папы перед западноевропейскими государями. Готовность папы пойти навстречу предложению восточного монарха, в свою очередь, очень часто зависела от условий международной жизни на Западе.

Папы второй половины XIII века в своей восточной политике не желали повторения четвертого крестового похода, который, как известно, далеко не решил столь важного для папы вопроса о греческой схизме и снял с ближайшей очереди другой важный для папы вопрос о крестовом походе во святую землю. Папам казалось гораздо привлекательнее и реальнее заключение мирной унии с греками, которая положила бы конец давнишней схизме и вселила бы надежду на возможность осуществить совместный греко-латинский поход на освобождение Иерусалима. Обратное завоевание греками Константинополя в 1261 г. произвело на папу удручающее впечатление. Папские воззвания отправлены были к различным государям с просьбою спасти латинское детище на Востоке. Однако, и в данном случае папские интересы находились в зависимости от итальянских отношений курии: папы не желали, например, действовать на Востоке при помощи ненавистных им Гогенштауфенов в лице Манфреда. Но когда владычество последних

в Южной Италии было уничтожено приглашенным папами Карлом Анжуйским, который, как известно, сразу открыл наступательную политику против Византии, то для папства возможное завоевание Константинополя этим католическим королем казалось менее приемлемым, чем таже мирная уния, так как возросшая вследствие завоевания Восточной империи мощь Карла едва ли бы нанесла меньший ущерб мировому положению папства, чем нанесло бы и владычество Штауфенов в Византии.

Интересно, что первая уния, заключенная Михаилом Палеологом в Лионе, создалась не под давлением восточной турецкой опасности, а под угрозою наступательной политики Карла Анжуйского, о которой речь была выше.

Во взглядах восточного императора на унию со времени Комнинов произошло большое изменение. При Комнинах, особенно в эпоху Мануила, императоры искали унии не только под давлением внешней турецкой опасности, но и в надежде, при помощи папы, получить господство над Западом, т. е. осуществить совершенно для того времени уже неосуществимый план восстановления единой прежней Римской империи; в этом своем стремлении императоры столкнулись с аналогичными стремлениями пап также достичь полноты власти на Западе, так что уния, в конце концов, не состоялась. Первый Палеолог выступал в своих переговорах об унии уже с гораздо более скромными притязаниями. Дело шло уже не о распространении Византийского государства на Западе, а о защите этого государства, при помощи папы, против Запада в лице грозного Карла Анжуйского. Папская курия на эти условия шла охотно, понимая, что церковное подчинение Византии Риму в данных обстоятельствах, в случае успешного удаления от последней сицилийской опасности, должно было повлечь за собою и род светского протектората Рима над Константинополем. Но возможность подобного усиления светской власти папы должна была встретить определенное сопротивление среди западноевропейских государей, которое папе нужно было бы преодолеть. В свою очередь, восточный император на пути сближения с римскою церковью встречал упорную оппозицию среди греческого духовенства, остававшегося в громадном большинстве верным заветам восточного православия. Папа Григорий X, по словам историка (Нордена), „влиял на сицилийского короля духовными доводами, Палеолог на своих прелатов политическими аргументами“ [1]).

Для целей Михаила VIII было в высшей степени важно, что один из выдающихся представителей греческой церкви, „муж умный, по словам источника (Григоры), питомец красноречия

[1]) Norden. Das Papsttum und Byzanz, 505.

и науки“ [1], будущий патриарх Иоанн Векк, бывший раньше противником унии и заключенный за это императором в темницу, сделался за время заключения сторонником унии и ярым пособником императора в деле его сближения с Римом.

Собор был назначен в 1274 г. во французском городе Лионе, куда Михаил отправил торжественное посольство во главе с бывшим патриархом Германом, давним другом императора, известным уже нам государственным деятелем и историком Георгием Акрополитом. Со стороны римской церкви на соборе должен был играть руководящую роль не кто другой, как сам знаменитый представитель средневековой католической учености Фома Аквинский, умерший, однако, на пути в Лион. Его заменил на соборе не менее блестящий представитель западной церковной науки кардинал Бонавентура.

Уния в Лионе была заключена на условии признания восточным императором догмата filioque, опресноков и папского главенства, в чем от имени Михаила поклялся Георгий Акрополит; кроме того, Михаил выразил папе готовность помочь войском, деньгами и продовольствием в предполагаемом совместном крестовом походе на освобождение святой земли, но под условием установления мира с Карлом Анжуйским, чтобы император мог направить свои силы на восток, не боясь получить удара с запада.

Уния не дала желанных результатов ни для одной, ни для другой стороны. Как и следовало ожидать, Михаил встретил упорное сопротивление к введению унии со стороны громадного большинства греческого духовенства. Затем, идея крестового похода для императора, не забывшего о грозном предостережении четвертого похода, не могла быть особенно приятною, тем более что лично Михаил Палеолог находился в дружественных отношениях с египетским султаном, убежденным врагом сирийских латинян. С другой стороны, ставленник Карла Анжуйского на папском престоле, француз Мартин IV, порвал, как было сказано выше, с унией и всецело поддерживал завоевательные планы Карла против Византии, от которых последняя была спасена лишь благодаря Сицилийской Вечерне. Формально до самой смерти Михаил считал себя связанным условиями Лионской унии.

Внутренняя церковная жизнь Византии при Михаиле, помимо заключенной унии, была взволнована также борьбою религиозно-политических партий во главе с так называемыми арсенитами.

В византийской церкви уже с XII века можно отметить две противоположные партии, никогда не могшие примириться друг с другом и боровшиеся за влияние и власть в церковном управлении. Одну из партий византийские источники называют

[1]) Niceph. Greg., V, 2, 5. (I, 128).

„зилотами“ (ζηλωταί), т. е. ревнителями, другую же—„политиками“ (πολιτικοί), что можно передать через наименование партии умеренных [1]); один церковный историк (А. П. Лебедев) передает название последней партии даже „современным французским парламентским выражением оппортунисты“ [2]).

Партия зилотов или строгих, являясь поборницей свободы и независимости церкви, была против вмешательства в ее дела государственной власти, что, как известно, противоречило основному взгляду византийского императора. В этом отношении зилоты напоминали взгляды известного церковного деятеля второго периода иконоборства (IX века) Феодора Студита, который также открыто говорил и писал против вмешательства императорской власти в дела церкви. Зилоты, не желая делать никаких уступок царской власти, стремясь подчинить императора строгой церковной дисциплине и не боясь ради своих идей столкновений с властями и обществом, неоднократно вовлекались в различные смуты и беспорядки и получали в таком случае характер партии не только церковной, но и церковно-политической. Не отличаясь образованностью, не заботясь о насаждении среди духовенства просвещения, но вместе с тем придерживаясь правил строгой нравственности и подвижничества, зилоты в борьбе со своими противниками часто опирались на монахов и в моменты своего торжества открывали монашеству путь к власти и деятельности. Про одного патриарха из зилотов источник замечает (Григора), что он „не умел правильно читать даже по складам“ [3]). Тот же источник пишет, характеризуя преобладающее влияние монашества при патриархе—зилоте: „дурные монахи находили, что для них теперь после бурь и непогоды настало затишье и после зимы наступила весна“ [4]). Являясь строгими ревнителями православия, зилоты были при Михаиле Палеологе упорными противниками его стремления к унии и в этом отношении имели широкое влияние на народные массы.

Другая партия политиков или умеренных стояла на иной точке зрения. Политики, ища поддержки в государстве и идя по пути сближения церкви с последним, ничего не имели против широкого влияния государства на церковь; по их воззрениям, прочная светская власть, не стесняемая посторонним вмешательством, имеет громадное значение для жизни государства и общества, в силу чего политики согласны были на значительные уступки императорской власти. Они в данном

---

[1]) Niceph. Greg. VI, 1,7 (I, 165). Pachym., IV,12 (I, 280).

[2]) А. Лебедев. Истор. очерки состояния виз.-вост. церкви от конца XI до половины XV века. Изд. 2. Москва, 1902, 296—297.

[3]) Niceph. Greg., VIII, 12,1 (I, 360).

[4]) Niceph. Greg., VI, 7,4 (I, 193).

случае держались так называемой у византийцев теории „экономии“, т. е. допускали, что церковь в отношении к государству должна приспособляться к обстоятельствам, соглашаться иногда на компромиссы, а не итти, как то делали зилоты, напролом; в оправдание теории „экономии“ политики обыкновенно ссылались на примеры апостолов и святых отцов. Признавая всю силу просвещения, замещая духовные должности людьми культурными и образованными, а вместе с тем несколько отступая иногда от правил строгой нравственности и не сочувствуя суровому аскетизму, политики опирались в своей деятельности не на монахов, а на белое духовенство и на образованный класс общества.

В зависимости от изложенных условий характер деятельности обеих партий был различен: „когда, по словам русского историка церкви (А. П. Лебедева), на церковной сцене действовали политики, они довольно тихо и сравнительно мирно проводили свои тенденции в жизнь; напротив, когда у кормила правления являлись зилоты, то они, опираясь на такой подвижной элемент в Византии, как монахи и отчасти чернь, всегда действовали шумно, нередко бурно, а иногда даже мятежно“ [1]). В отношении к острому вопросу об унии большая часть политиков стояла на стороне лионского соглашения, всецело поддерживая таким образом религиозную политику Михаила Палеолога.

Конечно, раздоры и борьба обеих партий, зилотов и политиков, происхождение которых некоторые ученые считают возможным возводить ко временам иконоборства и споров игнатиан с фотианами в IX веке, переходили иногда в народ и вызывали немалые волнения. Дело доходило до того, что в каждом отдельном доме, в отдельной семье были представители враждовавших партий; по словам источника (Пахимера), „церковный раскол умножился до того, что разделял жильцов дома: иначе жил отец, иначе сын, иначе мать и дочь, иначе невестка и свекровь“ [2]).

При Михаиле Палеологе зилоты или, как их наука для конца XIII и начала XIV века также называет, арсениты проявляли напряженную деятельность. Название арсенитов происходит от имени патриарха Арсения, дважды всходившего на патриаршую кафедру, в первый раз еще в Никее, во второй раз патриаршествовавшего и в Константинополе. Арсений, являясь человеком малоученым, был намечен в патриархи еще никейским императором Феодором II Ласкарем в надежде, что он, будучи возвеличен не по достоинству, окажется послушным орудием в руках императора. Однако, ожидания последнего

---

[1]) А. Лебедев, 298.
[2]) Pachym. De Michaele Palaeologo. IV, 28 (I, 314).

не оправдались. Правление Арсения, этого греческого „Никона“, ознаменовалось жестокими столкновениями патриарха с императором и послужило к образованию сначала партии, а затем и раскола „арсенитов“, волновавшего греческую церковь несколько десятилетий. Арсений не убоялся отлучить от церкви Михаила Палеолога, низложившего, как известно, вопреки своим клятвам, и ослепившего несчастного Иоанна IV Ласкаря, последнего никейского императора. Разгневанный император низвел с патриаршей кафедры Арсения и отправил в ссылку, где он и умер. Последний рассматривал свое низложение и поставление новых патриархов в Константинополе, как события, ведшие к погибели церкви. Эти взгляды Арсения, взволновавшие общество, нашли немало приверженцев как среди духовенства, так и среди мирян; возникшие в связи с этим беспорядки и смуты закончились образованием раскола „арсенитов“, которые избрали своим девизом изречение ап. Павла: „не прикасайся... и не дотрогивайся“ (Посл. к колоссянам, 2,21), т. е. до тех, кто осудил Арсения или согласился на это осуждение. Будучи ревнивыми хранителями восточного православия, арсениты, если не иметь в виду их отношения к делу патриарха Арсения, могут быть отожествлены с зилотами.

Арсениты нашли сильную опору среди народной массы, где повышенное, напряженное настроение поддерживалось разными странниками, темными бродягами, пользовавшимися в народе славою „божьих людей“, знаменитыми, по выражению источника, „сумконосцами“ (σακκοφόροι) [1]), проникавшими в дома и сеявшими там смуту и раскол. В следующих картинных выражениях рисует эту опору арсенитов покойный историк церкви И. Е. Троицкий: „Была в византийской империи сила—темная, непризнанная. Странная то была сила. Не было ей имени, да и сама она сознавала себя силою только в исключительные минуты народной жизни. Это была сила сложная, запутанная, с двусмысленным происхождением и характером. Она состояла из самых разнородных элементов. Грунт ее составляли оборвыши, сумконосцы, странники, юродивые, загадочные бродяги, кликуши и прочий темный люд,—люди без роду и племени, не имевшие пребывающего града. К ним под разными углами примыкали опальные сановники, низложенные епископы, запрещенные священники, выгнанные из монастырей монахи и, нередко, разные члены императорского семейства. Происхождением и составом силы определялся основной ее характер. Эта сила, образовавшаяся под влиянием ненормальных общественных порядков, держала глухую, большею частью пассивную, но действительную оппозицию этим порядкам, и особенно силе, царившей над ними—именно императорской власти. Эта оппозиция

[1]) Pachym., De Mich. Palaeologo. IV, 11 (I, 277).

выражалась обыкновенно в распускании разных, более или менее компрометирующих лицо, облеченное этою властью, слухов, и хотя редко отваживалась на прямое возбуждение политических страстей, тем не менее нередко серьезно озабочивала правительство, которое тем более могло опасаться неприязненных действий этой темной силы, чем труднее было, с одной стороны, следить за этими действиями и чем восприимчивее, с другой, была общественная среда к этим действиям. Жалкий, забитый, невежественный и потому легковерный и суеверный народ, постоянно разоряемый и внешними врагами и правительственными чиновниками, обремененный чрезмерными налогами, стонавший под тяжестью привилегированных классов и иностранных купцов-монополистов, был чрезвычайно восприимчив к инсинуациям, выходившим из углов, населяемых представителями темной силы, тем более, что она, как образовавшаяся среди того же народа и под теми же условиями, владела тайной затрагивать в решительную минуту все фибры народной жизни. Особенно восприимчива была к этим инсинуациям народная масса в самой столице... Темная сила со своей оппозицией правительству выступала под разными знаменами; но ее оппозиция была особенно опасна для главы государства, если на ее знамени выставлялось магическое слово „православие“ [1]). К арсенитам при Михаиле Палеологе примыкали также приверженцы ослепленного царевича Иоанна Ласкаря.

Агитация арсенитов в столице, обеспокоив Михаила, заставила правительство прибегнуть к мерам принуждения и строгости. Последнее же обстоятельство принудило арсенитов бежать из столицы, где до тех пор почти исключительно сосредоточивалась их деятельность, и этим самым открыло для их темной пропаганды провинции, население которых толпами стекалось слушать их возбуждающие речи, направленные против императора и в защиту и возвеличение низложенного патриарха. Смерть самого Арсения не прекратила раскола, и после его смерти борьба продолжалась. По словам И. Е. Троицкого, борьба партий при Михаиле „своим лихорадочным воодушевлением и неразборчивостью в средствах напоминала самые шумные времена борьбы ересей IV, V и VI веков“ [2]).

Лионская уния во многом изменила положение партии арсенитов, как таковой. Уния затронула гораздо более широкие и существенные интересы греческой церкви, а именно, ее коренную основу—православие. Арсениты со своими узко партийными интересами и счетами отошли на время на задний план, так как общественное и правительственное внимание было направлено во внутренней жизни страны почти исключительно

[1]) И. Е. Троицкий. Арсений и арсениты. Спб., 1873, 99—101.
[2]) Троицкий, 178.

на вопрос об унии. Этим объясняется на первый взгляд странное молчание историков о деятельности арсенитов во все время, начиная с Лионской унии до смерти Михаила VIII.

Чувствуя упорную, явную и тайную оппозицию своим униальным планам, Михаил в последние годы своего правления отличался большою жестокостью; особенно страдали от него несогласные с ним духовные и миряне.

Его преемник и сын Андроник II Старший получил в церковной жизни в наследство от отца два трудных дела: унию и раздоры арсенитов с господствующею церковью. Прежде всего, новый государь торжественно отрекся от унии и восстановил православие. „Всюду, как пишет источник (Григора), разосланы были гонцы с царскими указами, которыми объявлялось исправление церковных беспорядков, возвращение всех, за ревность свою о церкви подвергшихся ссылке и помилование испытавшим другое какое-либо бедствие“ [1]). Проведение этого дела не представляло больших затруднений, так как известно, что громадное большинство восточного духовенства и общества было против соединения с римскою церковью. Лионская уния, не оправдав ожиданий ни той, ни другой стороны, просуществовала формально восемь лет (1274—1282 г.г.).

Разрыв с унией знаменовал собою также торжество идей зилотов и арсенитов, которые были убежденными врагами унии, „унионистов“ и всего „латинского“. Но арсениты не довольствовались этим. Они приняли участие на стороне Ласкарей в политическом заговоре против императора, надеясь, в случае успеха, получить исключительное влияние в государстве. Однако, заговор арсенитов был во-время открыт и подавлен, после чего арсенитский раскол постепенно исчез, не пережив Андроника Старшего, который, несмотря на все испытанные со стороны арсенитов неприятности, согласился в конце концов на торжественное примирение их с церковью. Если после примирения некоторые из присоединившихся раскольников-арсенитов снова „отпали от единомыслия и снова начали жить особняком в расколе“ [2]), то это, по словам И. Е. Троицкого, „был уже последний, предсмертный порыв пережившего себя движения, ни в ком не нашедшего отклика, и вскоре исчезнувший без следа вместе с этими последними его представителями в новых гражданских и церковных смутах“ [3]).

В связи с отменой унии и торжеством православной политики к концу XIII века крепнет и усиливается опирающаяся на монашество и на его идеалы партия зилотов-ревнителей. В XIV веке они развивают кипучую деятельность, не ограни-

[1]) Niceph. Greg. VI, 1, 2 (I, 160).
[2]) Niceph. Greg. VII, 9, 4 (I, 262).
[3]) Троицкий, 445.

чивавшуюся лишь церковными вопросами, но и увлекавшую их в борьбу политических партий и общественных течений. Зилоты, например, принимали живое участие в солунских смутах XIV века, преследуя политические, недостаточно еще разъясненные задачи и стоя на стороне императора Палеолога в его борьбе с Кантакузиным, что позволяет одному ученому называть зилотов в данном случае „легитимистами“ [1]. Еще сравнительно недавно в науке сделана интересная попытка изложить политическую идеологию зилотов на основании одной неизданной речи известного византийского мистика XIV века Николая Кавасилы [2].

Идеалы зилотов и монашества одерживают постепенно верх над белым духовенством в первой половине XIV века. Это движение разрешилось полным торжеством афонских иноков над константинопольским патриархатом в эпоху так называемых исихастских споров, о которых речь будет несколько ниже. В это время на константинопольском патриаршем престоле восседали последний патриарх из государственных сановников и последний патриарх из белого духовенства. „С этих пор высшие места в иерархии исключительно замещаются уже монашествующими, а константинопольский патриарший престол надолго делается достоянием питомцев св. горы Афонской“ [3].

При Андронике II Старшем произошло важное изменение в управлении Афоном. Как известно, Алексей Комнин в конце XI века, освободив Афон от всякого подчинения какой-либо внешней церковной или гражданской власти, подчинил афонские монастыри только одному императору, который и рукополагал прота, т. е. главу совета игуменов (протата), управлявшего монастырями. Андроник Старший отказался от непосредственной власти над Афоном и подчинил монастыри власти константинопольского патриарха, от которого прот и должен был получать посвящение. В данной по этому случаю царской грамоте (хрисовуле) говорится, что прот Афонской горы, этого „второго рая или неба звездного или убежища всех добродетелей“, будет состоять „под патриаршим великим духовным начальством после получения от него обычного благословения“ [4].

Ко времени того же Андроника Старшего относится последняя важная реформа в деле церковного устройства в смысле нового распределения епархий, более соответствовавшего со-

---

[1]) N. Jorga. Latins et Grecs d'Orient. Byz. Zeitsch. XV (1506), 185.

[2]) O. Tafrali. Thessalonique au quatorzième siècle. Paris, 1913, 225—272. Об этой книге см. П. Яковенко. Виз. Врем., XXI (1914), 3—4, критика, особ. с. 184.

[3]) Троицкий, 522.

[4]) Порф. Успенский. Восток Христианский. Афон. III (2), Спб., 1892 140; 141; 144; 651; 653. Ph. Meyer. Die Naupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig, 1894, 191; 193.

кращенным размерам государства. Несмотря на некоторые изменения при Комнинах и Ангелах, номинально имело еще в конце XIII века силу распределение епархий и епископских кафедр, приписываемое обычно Льву Мудрому (около 900 г.). Но в XIII веке обстоятельства совершенно изменились. Территория государства уменьшилась: Малая Азия была почти вся потеряна; в Европе славянские и латинские государства заняли также большую часть прежде принадлежавших империи областей. Тем не менее „перечень митрополий, подчиненных апостольскому и патриаршему престолу богохранимой столицы Константинополя“ [1]), составленный при Андронике Старшем, заставляет совершенно забывать о незначительности государственной территории империи, перечисляя длинный ряд городов в чужих областях и странах, которые в церковном отношении подчинены константинопольскому патриарху. Из более отдаленных пунктов, названных в этом перечне, можно отметить несколько митрополий в кавказских странах, в Крыму, в России, Галиче, Литве. Распределение митрополий при Андронике Старшем имеет также то значение, что оно, конечно с изменениями, вызванными длинным рядом позднейших внешних событий, действует по существу в Константинополе и до настоящего времени. „Действующий ныне список митрополий Вселенского престола, пишет русский знаток христианского Востока (И. И. Соколов), ведет свое происхождение от древнего времени и унаследовал в одной своей части прямое и несомненное преемство от византийской эпохи“ [2]).

К первой половине XIV века относится также появление в Византии интересного религиозно-мистическаго исихастского движения, сопровождавшегося рядом горячих споров и ожесточенною полемикой. Исихастами (греческое слово ἡσυχασταί), т. е. молчальниками, безмолвниками, назывались люди, поставившие себе целью нераздельное и полное единение с богом и избравшие, как единственный способ для достижения этой цели, совершенное удаление от мира—исихию (ἡσυχία) или безмолвие, молчание.

Исихастский спор, сильно взволновавший на несколько лет внутреннюю жизнь страны, возник в то время, когда государство и без того переживало смутный и сложный период борьбы за существование в виду, с одной стороны, нападений внешних врагов, а именно—турок и позднее сербов, а с другой стороны, в виду внутренних тяжелых смут, вызванных уже известным

[1]) См. H. Gelzer. Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte Texte der Notitiae episcopatuum. Abh. der phil.-phil. Cl. der Ak. der Wiss. zu München. XXI (1901), 597; см. также 595; 599—600; 605.

[2]) И. И. Соколов. Епархии Константинопольской церкви настоящего времени. Птг., 1914, 66.

нам упорным столкновением сначала двух Андроников, деда и внука, а потом Иоанна Палеолога с Иоанном Кантакузиным. Не надо забывать и того, что лишь немного времени прошло с тех пор, как прекратился арсенианский раскол, внесший также немалую смуту в церковные и государственные отношения.

Виновником споров был прибывший из южной Италии (из Калабрии) греческий монах Варлаам, исказивший и осмеявший исихастские воззрения, имевшие своим главным центром афонские монастыри и переданные ему одним необразованным византийским монахом в ненадлежащем освещении. В одной записке, поданной патриарху и собору по этому вопросу, мы читаем следующее: „мы до самого последнего времени жили в мире и тишине, с доверием и в простоте сердечной принимая слово веры и благочестия, когда завистью диавола и дерзостью собственного разума попущен был некий Варлаам против пребывающих в молчании и проводящих в простоте сердца чистую и к богу приближающую жизнь“ [1]). Афон, стоявший всегда на страже чистоты восточного православия и монашеских идеалов, должен был чувствовать себя больно задетым в возникшем споре и играл, конечно, в его развитии и разрешении руководящую роль.

Ученые придают важное значение этому спору. Немецкий византинист (Гельцер) не без некоторого преувеличения говорит, что эта церковная борьба „принадлежит к самым удивительным и в культурно-историческом отношении самым интересным явлениям всех времен“ [2]). Другой ученый, новейший исследователь данного вопроса, грек, получивший образование в России (Папамихаил), полагает, что этот факт имел величайшее значение в истории Византии XIV века и был главнейшим культурным явлением эпохи, заслуживающим самого внимательного изучения [3]).

Что же касается внутреннего смысла и значения исихастского движения, то в этом отношении в науке существуют различные точки зрения. И. Е. Троицкий видит в этом движении продолжение борьбы двух уже известных нам партий—зилотов и политиков [4]), или, другими словами, монашества и белого духовенства, завершившееся в исихастских спорах полным торжеством монашества и афонских идеалов. Ф. И. Успенский приходит к выводу, что исихастские споры сводились к столкно-

[1]) Ф. Успенский. Очерки по истории византийской образованности. Спб., 1892, 327.

[2]) Gelzer. Abriss, 1058 (р. пер., 183).

[3]) Γ. Χ. Παπαμιχαήλ. Ὁ ἅγιος Γρηγόριος Παλαμᾶς ἀρχιεπίσκοπος Θεσσαλονίκης. Петербург—Александрия, 1911, введение, 14—15. См. подробное изложение этого труда И. И. Соколовым в Ж. Мин. Нар. Пр. Н. С., 44 (1913), 381.

[4]) Троицкий. Арсений и арсениты, 521.

вению двух философских школ и направлении, а именно: аристотелизма, которое было усвоено восточною церковью, с платонизмом, последователи которого подвергались со стороны церкви анафеме; и только позднее эта возникшая в философской сфере борьба была перенесена на богословскую почву; при чем важная историческая роль, выпавшая на долю главных представителей исихастских взглядов, вытекает из того, что они являлись не только представителями национальной греческой тенденции в борьбе с западничеством, но, что еще важнее, стояли во главе монашеского движения, опирались на Афон и зависимые от него монастыри на Балканском полуострове [1]). Новейший же исследователь в данной области, упомянутый грек Папамихаил (его книга вышла в 1911 г.), не отрицая в движении присутствия элементов борьбы монашества (партии зилотов) с политиками и философской окраски, как факторов привходящих и эпизодов, не составлявших сущности спора, полагает, что правильное объяснение исихастских споров нужно искать прежде всего в чисто религиозной области, а именно, с одной стороны, в том крайне повышенном мистическом течении, которое в то время охватило не только Запад, но и Восток, особенно же Афон; с другой стороны, в стремлении западного монаха-грека Варлаама проводить латинизирующие идеи на византийском православном Востоке, имевшие целью путем рационалистических, исполненных сарказма нападений поколебать монашеский авторитет в византийском обществе [2]).

Если оставить в стороне вопрос о латинизирующих стремлениях Варлаама, которые еще недостаточно выяснены и доказаны в науке, вопрос об исихастском движении, религиозный в своей основе, получит еще более широкий и глубокий интерес, если его поставить в связь с господствующими мистическими течениями Западной и Восточной Европы и с некоторыми культурными явлениями так называемой эпохи Итальянского Возрождения. Но изучение исихастского движения в только-что указанном освещении предстоит еще будущему.

Наиболее выдающимся представителем исихастов и наилучшим теоретиком-систематизатором учения об исихии был в XIV веке фессалоникский архиепископ, культурный человек и образованный писатель Григорий Палама, ярый противник Варлаама и глава называемой по его имени партии паламитов. Одновременно с Паламой раскрывали и объясняли в своих сочинениях учение об исихии многие другие исихасты, особенно же византийский, к сожалению, мало исследованный мистик Николай Кавасила, изучение взглядов и сочинений которого заслуживало бы самого глубокого внимания.

[1]) Ф. Успенский. Очерки виз. образованности, 273; 364; 366.
[2]) Παπαμιχαήλ, введение, 18. И. Соколов. Ж. М. Нар Пр., 382.

На основании вышеупомянутого сочинения Папамихаила и его изложения, сделанного проф. И. И. Соколовым, суть исихии состоит в следующем:

Направив все свое стремление к познанию бога, его созерцанию и единению с ним и сосредоточивая для этого все свои силы, исихасты должны были удалиться „от всей целокупности мира и всего, что напоминает о мире“ и уединиться от него „посредством сосредоточения и собирания ума в самом себе“. „Для достижения такого сосредоточения исихаст должен отвлечься от всякого представления, от всякого понятия и помысла, освободить ум свой от всякого познания, дабы он мог свободно, посредством безусловно независимого полета, легко погрузиться в истинно-мистическую тьму неведения... Самая высшая, проникновенная и совершенная молитва совершенных исихастов является непосредственным общением с богом, во время которого между богом и молящимся не существуют какие-либо мысли, воззрения, образы настоящего или обдумывания прошедшего. Это есть высочайшее созерцание,—созерцание одного только бога, совершенное восхищение ума и отрешение от всего чувственного, чистая молитва, в которой нет никакой посторонней мысли или беспокойного на чем-нибудь сосредоточения. Дальше такой молитвы не мыслится ничего более совершенного или высшего; это есть состояние экстаза, мистическое единение с богом, обожествление (θέωσις). В этом состоянии ум всецело выходит за пределы окружающего чувственного, отлагается от всякой мысли, приобретает совершенную нечувствительность к тому, что в мире, и к внешним впечатлениям, становится глухим и немым. Он не только совершенно отрешается внешних впечатлений, но и выходит за пределы своей индивидуальности, теряет сознание о себе, как всецело погрузившийся в созерцание бога; поэтому достигший экстаза не живет личной и индивидуальной жизнью; жизнь его духовная и телесная останавливается, ум пребывает неподвижным и прикован к объекту созерцания... Таким образом, основанием и центром исихии служит любовь к богу от всей души, сердца и помышления и стремление к божественному созерцанию посредством отречения от всего, что в самой малой и отдаленной степени напоминает о мире и что в нем. Это была „смерть для мира“. Желанная цель исихастов достигалась посредством совершенного уединения и молчания, посредством „хранения сердца“ и трезвления ума, посредством непрерывного покаяния, непрестанных слез, памятования о боге и смерти и постоянного повторения „умной“ молитвы: „господи иисусе христе, помилуй меня, сыне божий, помоги мне“. Следствием такого молитвенного расположения является блаженное смирение. Впоследствии учение о священной исихии получило более систематическое изложение, особенно среди афонского

монашества, где монахи даже разделили путь к достижению более совершенной исихии на несколько категорий, составили определенные „схемы“ и „лествицы“, в одной из которых мы, например, находим „четыре дела безмолвствующих“: начинающие, успевающие, успевшие и совершенные; лиц совершенных, т. е. достигших высшей степени исихии, а именно „созерцания“, было очень мало. Большинство аскетов ограничивалось лишь первыми ступенями исихии [1]).

Главный представитель исихастского направления, фессалоникский архиепископ Григорий Палама, получивший широкое, разностороннее образование в Константинополе под покровительством Андроника II, тяготел с юных лет к исследованию вопросов монашеской жизни. Поселившись двадцати лет от роду на Афоне, где он был пострижен в монашество, и деля затем свое местопребывание между Афоном, Фессалоникой и некоторыми уединенными пунктами Македонии, он на святой горе, превосходя всех подвижничеством, посвятил все свои силы совершенствованию в „созерцании“. К этому времени у Григория вырабатывается определенный взгляд на так называемое „созерцание“ (θεωρία), и с этого времени начинается его литературная деятельность, посвященная разъяснению его аскетического мировоззрения. Намерение его удалиться в полное уединение для посвящения себя всецело „умной молитве“ не осуществилось, так как на Афоне произошли смуты и споры, виновником которых был уже известный нам калабрийский грек, монах Варлаам.

Варлаам, прибывший в Византию с целями, недостаточно еще разъясненными наукою, вошел в такое доверие византийского общества, что был даже назначен игуменом одного из константинопольских монастырей. Но потерпев поражение на диспуте от одного из выдающихся византийских ученых Никифора Григоры, Варлаам бежал в Фессалонику, откуда, попав на Афон и познакомившись от одного простодушного монаха с учением исихии, выступил с обвинением исихастов в том, будто они, достигши высшей степени совершенства, „таинственно и неизреченно видят телесными очами божественный, несозданный свет, вокруг них сияющий“; монахи разрушают догматы церкви, если утверждают, что телесными очами видят божественный свет, признавая этим божественную благодать сотворенною и существо божие постижимым, что является уже двубожием, и т. д.

Возникший по этому вопросу литературный спор между Паламой и Варлаамом, который создал партии паламитов и варлаамитов, не привел к окончательному результату, и дело

---

[1]) И. Соколов. Ж. Мин. Нар. Пр. Н. С. 44 (1913), 384—386; 45 (1913), 171—172; 181—182.

было перенесено в Константинополь, где было решено созвать собор.

Собор должен был заняться вопросом о природе фаворского света, т. е. того осиявшего Христа света, который видели его ученики на горе Фаворе во время преображения. Был ли это свет созданный или несозданный? По учению Паламы, свет или сияние, которого удостоиваются совершенные исихасты, есть именно свет, тождественный с фаворским светом; божественное сияние не сотворено, не сотворен и фаворский свет.

На соборе, созванном в храме св. Софии, учение Паламы одержало победу над Варлаамом, который вынужден был публично принести раскаяние в своем заблуждении. Однако, надо иметь в виду, что источники об этом соборе довольно противоречивы, и Ф. И. Успенский, например, даже склонен сомневаться в результате соборных деяний: осужден был Варлаам или прощен. Во всяком случае, Палама приговором собора остался недоволен [1]).

Церковная смута продолжалась; спорные вопросы обсуждались на ряде других соборов; при чем представители церкви были замешаны и в политические осложнения эпохи, возникшие благодаря известной борьбе Иоанна Палеолога с Иоанном Кантакузиным. Палама вел бурную жизнь, будучи даже на некоторое время заключен в темницу патриархом за непримиримость религиозных воззрений. Упорного противника своим взглядам нашел Палама в то время в упомянутом уже выше Никифоре Григоре, который раньше с таким рвением выступал против Варлаама, а затем перешел на сторону партии сближения с Римом. В конце концов дело Паламы восторжествовало, и его учение было признано на соборе истинным учением всей православной церкви. Соборное определение, излагающее „богохульства Варлаама, отсекает его от общения с христианами как за другие вины, так и за то, что он свет преображения господа, явившийся взошедшим с ним (на гору) блаженным ученикам и апостолам, стал называть созданным и описуемым и ничем не отличающимся от воспринимаемого чувством света“ [2]). Однако, борьба и невзгоды многих лет подорвали силы Паламы, который после тяжелой болезни скончался в 1360 г. На одной из художественно выполненных миниатюр рукописи Иоанна Кантакузина в Парижской Национальной Библиотеке изображен Иоанн Кантакузин, сидящий на троне во время собора, решавшего вопрос о природе фаворского света.

[1]) Ф. Успенский. Очерки по ист. виз. образованности, 336.
[2]) Migne. P. G., 151, col. 718—719.

Исихастские споры половины XIV века дали определенный перевес строгому православию вообще и монашеским идеалам Афона в частности. „Святая гора, по словам немецкого византиста (Гельцера), оказалась Сионом истинной веры. Во время того ужасного кризиса умирания целого народа, когда османы безжалостно топтали ромейский народ, Афон стал убежищем, тишины которого искали разбитые души; но вместе с тем и много сильных сердец, заблудшихся во всей земной жизни, предпочитали в том же уединении от мира провести в союзе с богом свою душевную борьбу. Монашество обеспечило в эти тяжелые времена несчастной нации единственное продолжительное и настоящее утешение“ [1]).

Роль исихастов в политической борьбе той эпохи еще недостаточно определенно выяснена в науке; во всяком случае, руководители той или другой политической партии, хотя бы Палеолог и Кантакузин, понимали все значение и силу исихастов и не раз опирались на них в достижении своих чисто светских целей. Но грозная политическая обстановка в виде турецкой опасности заставляла государей, даже искавших иногда опоры в исихастах, отступать от строгого православия торжествующего Паламы и его сторонников и искать сближения с римскою церковью, которая, по мнению восточных василевсов, одна только и могла поднять Западную Европу на защиту христианства. Особенно сильно стала чувствоваться эта склонность к западной церкви, когда на престоле, после низложения Кантакузина, утвердился, наконец, полулатинянин по матери (Анне Савойской) Иоанн V Палеолог, с именем которого связано представление о второй унии.

Нам уже известны успехи турок в XIV веке. К шестидесятым годам этого столетия турки явились обладателями Малой Азии, Галлипольского полуострова в Европе и постепенно стали продвигаться по Балканскому полуострову, грозя окружить Константинополь. Император Иоанн V Палеолог всю надежду на избавление от опасности возлагал на папу. Папство же XIV века переживало тяжелую и смутную эпоху так называемого „авиньонского пленения“, когда с 1305 по 1378 г. семь пап, занимая последовательно престол св. Петра, имели более или менее постоянное местопребывание на берегах Роны в Авиньоне, находясь в зависимости от французских королей. Папские призывы к западным государям и князьям о помощи против турок или оставались совершенно безрезультатны, или приводили к небольшим экспедициям, иногда временно и частично удачным, но, конечно, не решавшим вопроса. Крестоносного энтузиазма на Западе не было. Не надо забывать и того, что в представлении западно-европейского человека того

[1]) Gelzer. Abriss, 1059—1060 (русск. пер., 184).

времени схизматики-греки были более неприемлемыми, чем мусульманские турки. Петрарка писал: „турки—враги, греки же—схизматики хуже врагов“ [1]).

В конце шестидесятых годов папа Урбан V решил из Авиньона переселиться в Рим. Еще на пути в вечный город, уже в Италии, византийские послы, встретив папу, заявляли о намерении их императора заключить унию, для чего последний готов был приехать в Рим. Действительно, Иоанн V предпринял это путешествие и морем через Неаполь прибыл в Рим, где в октябре 1369 г. и прочел в торжественной обстановке исповедание веры, согласное во всем с догматами римско-католической церкви. В храме св. Петра, в присутствии императора, папа совершил торжественное богослужение, во время которого Иоанн V еще раз произнес исповедание веры и снова подтвердил, что дух святой исходит от отца и сына и что папа является главою всех христиан. В тот же день император обедал у папы; к столу были приглашены все кардиналы. Через Неаполь и Венецию вернулся император в Константинополь, пережив в последней унизительные моменты. Венецианцы, как было уже отмечено выше, за неуплату в срок взятой у них еще раньше взаймы крупной суммы денег задержали несчастного Иоанна V в виде несостоятельного должника и освободили его лишь тогда, когда благородный и энергичный сын его и будущий император Мануил, собрав требуемую сумму, явился лично в Венецию и выкупил отца. Вскоре после заключения унии Урбан V вернулся в Авиньон.

Римская уния 1369 г., подобно Лионской унии, реальных результатов не дала. Папа, кроме знаков внимания, подарков и обещаний собрать поход, ничего императору предоставить не мог. Западная Европа, не смотря на папские воззвания, помощи против турок не послала; с другой стороны, религиозное соединение, столь торжественно провозглашенное Иоанном V, осталось личным его делом, и население империи осталось в массе верным заветам восточной православной церкви. Но это путешествие императора представляет собою интересный момент в истории культурного общения Византии с Западною Европою, в данном случае с Италией в эпоху Возрождения.

Наиболее известною унией является Флорентийская уния 1439 г. К этому времени политическая атмосфера на христианском Востоке была уже гораздо более сгущенною, чем в годы Римской унии. Разгром турками Сербии и Болгарии, Никопольское поражение крестоносцев, неудачное странствование

[1]) Opera Petrarchae. Rerum senilium lib. VII. Basileae, 1554, 912. Baronii-Raynaldi, ad a. 1366, XXVI, Barri—Ducis, 135.

Мануила II по Западной Европе и, наконец, завоевание турками Фессалоники в 1430 г. ставили Восточную империю в критическое положение, которого Ангорское поражение турок монголами поправить не могло. Но подобные успехи турок были уже серьезною грозою и для западно-европейских государств. Вот почему в истории Флорентийской унии такую важную роль играет и так сильно чувствуется сознание необходимости предпринять общую латино-греческую борьбу против турок. Но несмотря на весь ужас положения империи, в Византии существовала как в XIV, так и особенно в XV веке, так сказать, православная националистическая партия, боровшаяся и против идеи унии не только из-за боязни потерять чистоту греческого православия, но также из-за того, что помощь Запада, купленная ценою унии, повлечет за собою политическое преобладание Запада на Востоке, т. е., другими словами, дело сведется к тому, что предстоящее турецкое владычество заменится владычеством латинским. В первой четверти XV века один византийский полемист (Иосиф Вриенний) писал: „Не верьте, что западные народы нам помогут. Если же когда-либо они, для виду, и встанут на нашу защиту, то вооружатся для того, чтобы уничтожить наш город, род и имя“ [1]. Подобное опасение для XV века имело вполне реальные основания. Сравнительно недавно опубликованные документы из Барселонского архива, например, раскрывают нам завоевательные планы известного мецената эпохи Возрождения Арагонского государя Альфонса Мудрого (Великодушного), который, снова объединив под своею властью, правда ненадолго, Сицилию и Неаполь в половине XV века, т. е. вскоре после Флорентийской унии, намеревался вести широкую наступательную политику на Восток, напоминающую о грандиозных нам уже известных замыслах Карла Анжуйского. Константинополь также входил в область мечтаний Альфонса. Однако, планы последнего не успели принять каких-либо реальных форм.

В это время на Западе был созван третий, после пизанского и констанцского, великий собор XV века в Базеле, выставивший, как программу своей деятельности, реформу церкви в ее главе и членах и устроение принявшего после смерти Иоанна Гуса весьма обширные размеры гуситского движения. Папа Евгений IV враждебно относился к собору с подобными планами. С византийскими греками и с императором Иоанном VIII были одновременно и независимо открыты переговоры базельским собором и папою. Базельский собор и Константинополь обменялись посольствами, и в числе греческих послов в Базель находился игумен одного из константинопольских монастырей Исидор, будущий митрополит московский, произнесший на

[1]) Norden, 731.

соборе речь в пользу соединения церквей, которое, по его словам, „создаст грандиозный памятник, могущий соперничать с колоссом родосским, вершина которого достигла бы небес и блеск которого отражался бы на Востоке и Западе“ [1]. После безрезультатных споров о месте будущего собора отцы базельского собора вынесли решение о том, что последний, устроив гуситские раздоры, займется уже после этого улаживанием греческого вопроса. Подобное решение собора было в высшей степени обидным для византийских греков, носителей истинного православия, которые в данном случае ставились на одну доску с „еретиками“ гуситами. В Константинополе по этому вопросу „разразилась настоящая буря“ [2]. Между тем, император постепенно сближался с папою, в руки которого и перешло ведение дела унии. Боясь реформаторских стремлений Базеля, Евгений IV перенес заседание собора в северо-итальянский город Феррару, а затем, из-за вспыхнувшей там чумы, во Флоренцию. Однако, часть членов собора, не повинуясь папскому велению, осталась в Базеле и даже избрала другого папу.

Заседания ферраро-флорентийского собора были обставлены необычайною торжественностью. Император Иоанн VIII с братом, константинопольский патриарх Иосиф, эфесский митрополит, ярый противник унии, Марк, никейский митрополит, одаренный и высоко образованный друг унии Виссарион, и большое число других духовных и светских лиц прибыли через Венецию в Феррару. Московский великий князь Василий II Темный отправил на собор недавно назначенного митрополитом в Москву упомянутого выше склонного к унии Исидора, которого сопровождала многочисленная свита из русских духовных и светских лиц.

Это была эпоха расцвета Итальянского Возрождения, когда Феррара жила кипучею жизнью культуры и просвещения под владычеством фамилии Эсте, а Флоренция—блестящих Медичисов.

Споры и рассуждения на соборе, сводившиеся к двум главным вопросам, к filioque и главенству папы, затянулись довольно долго. Далеко не все прибывшие греки соглашались признать эти положения. Утомленный император собирался уезжать. Патриарх Иосиф, противник унии, умер во Флоренции еще до официального ее объявления. Особенно деятельно на пользу унии работал московский митрополит Исидор. Наконец, составленный на двух языках акт унии был, в присутствии императора, торжественно обнародован 6 июля 1439 г. во Флорентийском соборе Santa Maria del Fiore. Некоторые из греков во главе с Марком Эфесским этого акта не подписали.

[1] См. Pierling. La Russie et le Saint—Siège. I. 2 éd. Paris, 1906.
[2] Pierling. I, 12; 15.

В Италии до сих пор существует целый ряд памятников, относящихся к Флорентийской унии. Один из интересных, особенно для нас, современных XV веку экземпляров акта унии на трех языках: латинском, греческом и славянском, хранится и выставлен для обозрения в одной из библиотек Флоренции (Bibl. Laurenziana); среди греческих и латинских подписей на этом документе находится и одна русская подпись „смиренного епископа Авраамия Суздальского“, присутствовавшего на соборе. Существует, как известно, теперь и собор во Флоренции Santa Maria del Fiore, где провозглашена была уния. В другой флорентийской церкви Santa Maria Novella сохранился надгробный памятник умершего во время собора константинопольского патриарха Иосифа, фресковое изображение которого во весь рост до сих пор еще можно видеть на этом памятнике. Наконец, в Палаццо Риккарди, в той же Флоренции, сохранилась большая фреска итальянского живописца XV века Беноццо Гоццоли (Benozzo Gozzoli), изображающая шествие волхвов, которые отправляются в Вифлеем на поклонение новорожденному христу; под видом едущих верхом волхвов художник изобразил, между прочим, правда довольно фантастически, Иоанна Палеолога и патриарха Иосифа, въезд которых во Флоренцию он мог лично наблюдать. Рим также имеет несколько воспоминаний о флорентийской унии. Между большими барельефами с изображениями спасителя, богородицы, св. Петра и Павла на известных главных входных дверях в храм св. Петра, работы XV века, помещены небольшие барельефы, имеющие отношение к флорентийскому собору, а именно: отплытие императора из Константинополя, прибытие в Феррару, заседание флорентийского собора, отплытие императора со свитой из Венеции. Затем в одном из римских музеев хранится красивый, часто приводимый на рисунках, бронзовый бюст в натуральную величину Иоанна Палеолога в остроконечной шляпе, исполненный, может быть, с натуры во время пребывания императора во Флоренции.

Как и предшествующие две унии, Лионская и Римская, новая уния не была принята на Востоке, и возвратившийся в Константинополь Иоанн быстро увидел, что задуманное им дело не удалось. Около не подписавшего унию Марка Эфесского сплотилась многочисленная православная партия; многие из подписавших унию взяли свои подписи обратно. Исидор, решившись по возвращении в Москву ввести унию в России и приказав в Успенском соборе прочесть торжественно грамоту о соединении церквей, также не нашел никакого сочувствия и, будучи назван великим князем не пастырем и учителем, а волком, был заключен в монастырь, откуда бегством спасся в Рим. Восточные патриархи, александрийский, антиохийский и иерусалимский, высказались также против унии, и на Иеру-

салимском соборе 1443 г. Флорентийский собор был назван „скверным“ (μιαρα) [1].

Но католическая церковь до сих пор признает всю важность решений Флорентийского собора, и еще в XIX веке папа Лев XIII в своей энциклике (окружном послании) о соединении церквей призывал православных возвратиться именно к решению этого собора.

Последний византийский государь Константин XI, подобно своему брату Иоанну VIII, видел спасение гибнувшего государства в унии.

В исторической науке не раз поднимался вопрос о Софийском соборе 1450 г., когда будто бы в храме св. Софии был созван собор с многочисленными представителями православного духовенства, в присутствии приехавших в Константинополь патриархов: антиохийского, александрийского и иерусалимского; собор этот, осудив унию и ее сторонников, восстановил православие. Издавший впервые отрывки деяний этого собора еще в XVII веке известный ученый в Италии Лев Аллаций признал их подложными. С этого времени мнения ученых разделились: одни, следуя примеру Аллация, признавали деяния собора подложными и самый собор несуществовавшим; другие, особенно греческие богословы и ученые, для которых подобный собор имел громадное значение, стояли за подлинность напечатанных деяний и считали созвание Софийского собора историческим фактом [2]. Вопрос этот в последнее время решался скорее в пользу признания деяний Софийского собора подложными и отрицания самого факта созыва такого торжественного собрания, хотя отдельные голоса и теперь еще раздаются против подобного взгляда [3]. Во всяком случае, мы не имеем достаточных оснований утверждать, что при Константине XI имел место открытый, утвержденный собором, разрыв с унией. Наоборот, видя приближение смертельной опасности для города, Константин обратился снова за помощью к Западу; но вместо желанной помощи в Константинополь прибыл уже известный нам бывший московский митрополит и участник Флорентийского собора, сделавшийся кардиналом, Исидор, который в декабре 1452 г., т. е. за пять месяцев до падения города, устроил в св. Софии торжественное

---

[1]) Leo Allatius. De ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione. Coloniae Agrippinae, 1648, col. 939; все это послание см. col. 939—941 (Lib. III, cap. IV).

[2]) Об этом см. X. Папаиоанну. Акты так называемого последнего Софийского собора (1450 г.) и их историческое достоинство. Виз. Врем., II (1895), 394 и сл.; 413. А. Лебедев. Ист. очерки... с к. XI в. до пол. XV в. Изд. 2, 294. Оба эти автора стоят за подложность актов.

[3]) См., напр., J. Dräseke. Zum Kircheneinigungsversuch des Jahres 1439. Byz. Zeitsch., V (1896), 580.

провозглашение унии и отслужил униатскую обедню с поминовением папы. Это вызвало сильнейшее возбуждение среди городского населения.

После падения Константинополя, под турецким владычеством, религия и религиозные учреждения греков сохранились. Если принять во внимание отдельные акты насилия турецкого правительства и мусульманского населения против представителей греческой церкви и православного населения, то надо признать, что при Мухаммеде II и его ближайших преемниках дарованные христианам религиозные права соблюдались довольно строго. Личности патриарха, епископов и священников признавались неприкосновенными. Все духовные лица считались свободными от подати, в то время как весь греческий народ был обязан платить ежегодную подать (харадж). Половина столичных церквей должна была быть обращена в мечети, а другая половина—остаться в пользовании христиан. Церковные каноны сохраняли свою силу во всех делах по внутреннему церковному управлению, которое, будучи осуществляемо патриархом и епископами, пользовалось самостоятельностью. При патриархе существовал священный Синод; патриарх и синод вели дела церковного управления. Все религиозные действия могли отправляться свободно. Во всех городах и деревнях разрешалось торжественное празднование пасхи и т. д. Этот религиозный жизненный уклад в турецкой империи сохранился и до наших дней, хотя с течением времени случаи нарушения религиозных прав христиан со стороны турок участились, и положение христианского населения временами бывало нестерпимым.

Первым константинопольским патриархом при новом владычестве был избран духовенством, вскоре после взятия города турками, и признан султаном образованный полемист и разнообразный писатель Геннадий (в миру Георгий) Схоларий, сопровождавший Иоанна VIII на собор в Феррару и Флоренцию и бывший тогда сторонником унии, ко времени же своего патриаршества превратившийся в ее противника и ревностного защитника православия. Греко-римская уния прекратила свое существование.

15. Внутреннее состояние империи при Палеологах. Императорская власть. Константинополь. Финансы. Революция зилотов в Фессалонике. Торговля.

Вопрос о внутреннем состоянии империи при Палеологах в смысле ее общего управления, финансового и социально-экономического положения принадлежит к числу наименее разработанных и наиболее трудных и сложных вопросов визан-

тийской истории. Изданный обширный материал с данной стороны еще недостаточно обследован, использован и оценен; много же драгоценного материала, особенно в виде хрисовулов, монастырских и частных актов, хранится еще среди рукописных сокровищ различных библиотек востока и запада; одно из самых важных мест по значению занимают рукописи афонских монастырей, в изучении которых не малую роль сыграли русские ученые. Еще начиная с нашего знаменитого путешественника XVIII века В. Г. Барсова, которому принадлежит честь первого для нас раскрытия богатства исторических материалов на Афоне, русские ученые XIX века ревностно работали в монастырях св. Горы, и труды епископа Порфирия (Успенского), П. И. Севастьянова, проф. Т. Д. Флоринского, акты, изданные в приложениях к ряду томов Византийского Временника, содержат обильное количество еще мало использованного материала для более углубленного проникновения в условия внутренней жизни позднейшей Византии. Богатый материал заключается в шеститомном собрании Миклошича и Миллера „Греческие акты и дипломы средневековья“ (Acta et diplomata graeca medii aevi). Много работали, особенно в смысле издания текстов, новогреческие ученые, напр., Сафа (Sathas) и известный автор „Истории Греции“, умерший несколько лет тому назад, Ламброс (Ламврос), которому, между прочим, принадлежит „Каталог греческих рукописей Афона“.

При незначительности территории восстановленной империи Палеологов и при ее постоянном уменьшении, при непрекращавшихся угрозах со стороны норманнов, турок, сербов, венецианцев и генуезцев, империя, перешедшая при Палеологах в разряд второстепенных государств, не могла жить правильною, налаженною внутреннею жизнью. Расстройство во всех частях государственного механизма и упадок центральной императорской власти являются отличительною чертою этого периода. Длительные династические усобицы двух Андроников, деда и внука, и Иоанна V Палеолога с Иоанном Кантакузиным, заискиванья, с одной стороны, перед папами в видах заключения унии, не находившей никогда одобрения народных масс, и связанные с этим, порою унизительные путешествия императоров Иоанна V, задержанного, как мы знаем, на обратном пути в Венеции за долги, Мануила II и Иоанна VIII в Западную Европу; подобные же заискивания и унижения перед турецкими султанами, то в виде платежа ему дани, то в виде вынужденных пребываний при его дворе и выдачи императорских принцесс замуж за мусульманских правителей,—все это принижало и ослабляло в глазах народа власть византийского василевса.

Сам Константинополь, перешедший в руки Палеологов после разгрома и ограбления его латинянами, уже не был прежним городом. Об упадке столицы свидетельствуют как греческие

источники, так и свидетельства разнообразных иностранных путешественников-паломников, бывавших в Константинополе. Последние, восторгаясь богатством и украшениями цареградских храмов и святынь, хотя и сильно пострадавшими после хозяйничанья латинян, тем не менее не раз отмечают следы запустения города. Арабский географ Абульфеда заметил в начале XIV века о Константинополе: „внутри города находятся засеянные поля, сады и много разрушенных домов“ [1]. В самом начале XV века испанский путешественник Клавихо писал: „в городе Константинополе есть много больших зданий, домов, и церквей, и монастырей, из которых большая часть в развалинах“ [2].

Константинополь с принадлежавшими ему ближайшими городами Фракии, после турецких и сербских завоеваний на Балканском полуострове во второй половине XIV века, оказался совершенно окружен владениями турок и мог лишь с трудом поддерживать морем сношения с территориями, составлявшими пока еще часть Византии, а именно с Фессалоникой, Фессалией и Морейским деспотатом, которые жили поэтому порою почти независимою от центра жизнью, получая вид самостоятельных государственных образований. Конечно, столь искусно налаженный прежде аппарат центральной власти, ослабевший постепенно в силу феодализирующих процессов внутри государства еще до эпохи Палеологов, при последних был приведен почти в бездействие; временами центральным ведомствам и делать было нечего: настолько все было разъединено. Финансовые силы и возможности страны, в корне подорванные латинским хозяйством, окончательно истощились при Палеологах. Налоги из опустошенных немногих остававшихся в руках императора провинций не поступали; все денежные остатки были истрачены; императорские драгоценности проданы; солдат кормить было не откуда; нищета царила повсюду [3]. Историк XIV века Никифор Григора, описывая свадебные торжества по случаю брака Иоанна V, говорил: „В те времена дворец был охвачен такою бедностью, что в нем не было ни одной чаши, ни одного бокала из золота или серебра, некоторые из них были из олова, все же прочие глиняные... я уже оставляю в стороне, что царские венцы и одеяния на том празднестве имели, по большей части, лишь вид золота и драгоценных камней; (на самом деле) они были из кожи, и были лишь позолочены, как делают иногда кожевники, а частью из стекла, отсвечивавшего

[1]) Géographie d'Aboulféda, trad. par Reinaud, II (1), Paris, 1848, 315—316.

[2]) Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Подл. текст с переводом И. И. Срезневского. Спб., 1881, 87.

[3]) См. Ioannis Cantacuzeni Hist. IV, 5 (III, 33).

различными цветами; кое-где, лишь изредка, были драгоценные камни, имевшие настоящую прелесть, и блеск жемчугов, который не обманывает глаз. До такой степени упали, совершенно погасли и погибли древнее благоденствие и блеск Римской державы, так что теперь я не без стыда могу изложить вам рассказ об этом" [1]).

Как и раньше, войско имело в своих рядах наемников самых разнообразных национальностей. При Палеологах появились известные нам испанские (каталонские) дружины, турки, наемники генуэзские и венецианские, отряды сербские и болгарские. Не имея возможности хорошо оплачивать наемные иностранные части, правительство должно было выносить иногда высокомерное своеволие и ограбления целых провинций и более или менее крупных центров недовольными иностранцами, как то было, например, с кровавым прохождением по провинциям империи каталонцев. При слабом состоянии сухопутного войска Палеологи тщетно старались иногда хоть несколько возродить пришедший в упадок византийский флот; последний не мог ничего предпринять против хорошо оборудованного и многочисленного флота генуэзцев и венецианцев и даже против еще только-что нарождавшегося флота османских турок. Черное и Эгейское моря совершенно ушли из-под наблюдения Византии; там властно господствовали в XIV и в первой половине XV века флоты итальянских торговых республик.

Прежнее областное или фемное устройство империи, будучи нарушено латинским владычеством, не могло правильно функционировать при Палеологах; для областного управления прежнего типа недоставало территорий, а в отделенных от столицы турецкими и сербскими владениями провинциях местные правители, как мы отмечали выше, делались почти независимыми от централной власти.

Почти непрекращавшиеся в XIV веке междоусобные войны и нападения внешних врагов в связи с грабежом целых провинций каталонскими наемниками создали самые тяжелые условия для деревни и крестьянства. Крестьянство было разорено, и, если, как некоторые утверждают [2]), положение крестьян, например, в Солунской области в XIV веке, по крайней мере на землях крупных землевладельцев, вовсе не было чрезмерно плохим, то это не меняет картины общего бедственного положения крестьян.

В последнее время особое внимание было обращено на чрезвычайные классовые противоречия в византийском социальном укладе времени Палеологов, на классовую борьбу между аристократией и нарождавшейся демократией XIV века. Революцион-

---

[1]) Niceph. Greg. XV, 11, 4 (II, 788—789).
[2]) См. П. Яковенко в Виз. Врем., XXI, 3—4 (1914), критика, 183.

ная волна, поднявшаяся в 1341 г. в Адрианополе в связи с провозглашением Иоанна Кантакузина императором и выразившаяся в успешном сначала восстании народа против имущих классов (dyna'oi), перебросилась на другие города империи [1]). Особенно в этом отношении интересна революция зилотов в Фессалонике в сороковых годах того же XIV века.

Источники отмечают в Фессалонике три класса: 1) имущие и знатные; 2) средний класс буржуазии, „средние" (οἱ μέσοι), к которым принадлежали коммерсанты, промышленники, крупные ремесленники, мелкие собственники и представители свободных профессий и, наконец, 3) народ, а именно мелкие земледельцы, мелкие ремесленники, моряки, рабочие. В то время как значение и влияние имущего класса все более и более преобладало, положение низшего класса, особенно окрестных земледельцев, земли которых были постоянно разоряемы неприятелем, все ухудшалось. Вся торговля этого первостепенного экономического центра и связанные с ней выгоды находились в руках высшего класса. Рознь росла, и только недоставало случая для того, чтобы произошло столкновение. Но вот, Иоанн Кантакузин, провозглашенный императором, нашел поддержку в знати; сейчас же демократические низы выступили в защиту фамилии Палеологов. Один историк писал: „Это не была уже борьба честолюбий между лицами, которые оспаривали друг у друга верховную власть, но борьба между двумя классами, из которых один желал сохранить свои привилегии, другой пытался сбросить свое ярмо" [2]).

Во главе фессалоникской демократии встали зилоты, которые в 1342 г. выгнали из города знать, разграбили богатые дома и учредили как бы республиканское управление из членов партии зилотов. Внутренние осложнения в городе повели к тому, что в 1346 г. в нем произошло кровавое избиение знати. Среди немногих спасшихся от смерти находился Николай Кавасила. Даже после того как Кантакузин примирился с Иоанном V Палеологом, управление зилотов в Фессалонике продолжалось и „походило с некоторых сторон на настоящую республику" [3]). Зилоты не обращали никакого внимания на приказы, шедшие из Константинополя, и Фессалоника была управляема, как независимая республика. Только в 1349 г. соединенными усилиями Иоанна V и Кантакузина удалось, наконец, положить конец демократическому правлению зилотов.

Не совсем ясны еще настоящие причины интересной фессалоникской революции. Главною причиною ее румынский историк (Тафрали) считает плачевное экономическое положение

[1]) См. Ioannis Cantacuzeni Historiae, III, 28 (II, 175—179).
[2]) O. Tafrali. Thessalonique au quatorzième sèicle. Paris, 1913, 224.
[3]) Tafrali, 249.

населения и видит в зилотах борцов за свободу и за улучшение социальных условий жизни в будущем, чего современники той эпохи понять не могли [1]). С другой стороны, русский историк, разбирая книгу Тафрали (П. А. Яковенко), пишет, что „в деятельности зилотов, как это показывает изложение самого Тафрали, задачи политического характера, т. е. борьба со сторонниками Кантакузина, преобладали над социальными, которые к тому же представляются весьма неясными“ [2]). Вопрос этот подлежит, конечно, дальнейшему исследованию, особенно на основании еще неизданных материалов, часть которых привлечена в книге Тафрали. Во всяком случае точка зрения Тафрали принята Дилем, у которого мы, между прочим, находим такие строки о XIV веке: „борьба классов, богатых против бедных, аристократов против плебеев, и суровость самой борьбы выявляется в любопытной, трагической и кровавой истории фессалоникской коммуны XIV века“ [3]).

Экономическая жизнь Византии в смысле торговли, также в силу общих условий, ушла из ее рук. Константинополь, попрежнему, оставался, пока турки окончательно не прекратили к нему доступ, центром, куда товары с различных сторон направлялись; но самая торговля перешла в руки западных коммерсантов, а именно в руки Венеции, Генуи и отчасти Пизы.

При общем безотрадном положении империи, внешнем и внутреннем, как-то странно читать относящийся к XIV веку анонимный трактат, приписываемый часто, хотя и неправильно, Кодину, о придворных должностях, где подробно описываются пышные одеяния придворных сановников, их разнообразные головные уборы и обувь, чиновные отличия; даются подробные описания придворного церемониала, коронаций, возведений в ту или иную должность и т. д., т. е., другими словами, трактат служит как бы дополнением к известному сборнику X века „О церемониях“. В X веке, в пору наивысшего блеска и силы империи, такое руководство было понятно и нужно. Но появление аналогичного трактата в XIV веке, накануне уже для многих явно неминуемой гибели государства, вызывает недоумение и какое-то жуткое ощущение перед тем ослеплением, которое, очевидно, порою царило при дворе византийских василевсов последней династии. Крумбахер, также недоумевая над появлением такого трактата в XIV веке, не без иронии заметил: „Ответ дает, может быть, средневековая греческая пословица: мир погибал, а жена моя все наряжалась“ [4]).

---

1) Tafrali, 255; 259 сл.
2) Яковенко в Виз. Врем., XXI, 3—4 (1914), критика, 184.
3) Ch. Diehl. Byzance. Grandeur et décadence. Paris, 1920, 20.
4) Krumbacher, 425.

16. Просвещение, литература, наука и искусство в эпоху Палеологов.

В то время как империя Палеологов в политическом и экономическом отношениях переживала критическое время, уступая шаг за шагом перед османскими турками, уменьшаясь постепенно в размерах и будучи, наконец, ограничена Константинополем с его ближайшими окрестностями, так что казалось бы, что для какой-либо культурной работы не могло быть ни места, ни времени, ни подходящих условий, однако, в действительности, гибнувшее государство XIV и XV веков и, по преимуществу, Константинополь, являлись центром живой и высокой культуры, умственной и художественной. Как в былые лучшие времена империи, константинопольские школы процветали, и молодые люди приезжали туда учиться не только из далеких греческих областей, как Спарта и Трапезунт, но даже из Италии, где в эти века творилась великая работа Возрождения. Философы во главе с известным уже нам Гемистом Плифоном толковали Аристотеля и Платона. Риторы и филологи, изучавшие лучшие образцы античной древности и стремившиеся по языку приблизиться к классическим писателям, собирали вокруг своих кафедр восторженную толпу слушателей и учеников и представляли собой по деятельности и интересам разительную аналогию с итальянскими гуманистами. Целый ряд историков запечатлели в своих трудах последние судьбы империи. Повышенно напряженная церковная жизнь с изложенным уже выше исихастским движением, с постоянным вопросом об унии с Римскою церковью оставила также весьма заметный след в области литературы догматической, аскетической, мистической и полемической. Оживление заметно и в поэзии, как в искусственной, так и в народной. Наконец, это литературное возрождение сопровождалось и возрождением художественным, оставившим нам памятники высокой ценности.

Одним словом, в минуты политической и экономической гибели эллинизм как бы собирал все свои силы, чтобы показать всю живучесть вечной культурной классической идеи и этим самым создать надежду на будущее эллинское возрождение XIX века. „Накануне всеобщего падения, по словам историка, вся Эллада собирала свою умственную энергию, чтобы засветиться последним блеском“ [1]).

В противоположение вышеизложенному взгляду о возрождении византийского искусства при Палеологах не лишнее, может быть, вспомнить о мнении, высказанном пока лишь в

[1]) Lavisse et Rambaud. Histoire générale du IV-e siècle à nos jours. III, 819 (русск. пер., III, Москва, 1897, 839).

виде общего положения, нашего историка искусства Ф. И. Шмита о том, что при общем экономическом и политическом упадке государства Палеологов настоящее возрождение искусства в XIV веке было невозможно [1]).

Многие представители фамилий, занимавших императорский трон, т. е. Палеологи и Кантакузины, проявили себя на поприще науки и просвещения. Михаил VIII Палеолог писал в пользу унии, был автором канонов главнейшим мученикам, оставил нам любопытную не раз упоминаемую выше, найденную среди рукописных сокровищ Московской синодальной библиотеки „автобиографию“ и основал в Константинополе грамматическую школу. Любителем наук и искусств и покровителем ученых и художников был Андроник II Старший. Некоторые ученые предполагают при нем и под его покровительством создание художественной среды, определенной художественной школы, откуда вышли такие замечательные памятники искусства, как мозаики монастыря Хоры (теперь мечеть Кахриэ-джами) в Константинополе [2]). Особенно выдавался своим образованием и литературным талантом Мануил II. Будучи тонким богословом, знатоком классического языка, искусным диалектиком и прекрасным стилистом, он оставил нам богатое, не вполне еще изданное, литературное наследство в виде, напр., трактата об исхождении св. духа, апологии против ислама, ряда речей на различные случаи жизни, известного уже нам изящного, написанного в Париже в несколько шутливом тоне, „Изображения весны на королевском тканом занавесе“ и, наконец, большого собрания интересных писем к различным выдающимся деятелям эпохи, написанных императором частью во время его вынужденного пребывания при османском дворе, а также во время заграничной поездки в Западную Европу. Несколько отрывков из сочинений Мануила было приведено выше. Лучший до сих пор, хотя и писавший еще в половине XIX века, французский исследователь личности Мануила (Berger de Xivrey) насчитывает, включая письма, 109 номеров принадлежащих императору литературных произведений. Но самое первое место среди императоров, известных в истории византийской литературы, занимает соперник Иоанна V, Иоанн VI Кантакузин, закончивший после вынужденного отречения, как известно, дни свои монахом под именем Иоасафа и посвятивший это время своего удаления от мира научным занятиям и литературной деятельности. Главным его произведением являются четыре книги „Историй“ или, вернее сказать, „Мемуаров“,

[1]) Th. Schmidt. La „Renaissance“ de la peinture byzantine au XIV-e siècle. Revue archéologique, 1912, II, 127—128.

[2]) См. Д. Айналов. Византийская живопись XIV столетия. Зап. Класс. Отд. Р. Арх. Общ., IX (1917), 132—133.

охватывающих события с 1320 по 1356 г. (отдельные заметки касаются более позднего времени), где автор, объявивший во введении основанием своего труда одну лишь правду [1]), невольно отступает от этого и, рассказывая события, в которых он сам играл главную роль, ставит себя в центре всего изложения и в конце концов стремится оправдать и возвеличить деятельность свою и своих друзей и сторонников, и вместе с тем унизить, осмеять и очернить своих врагов. Если не считать небольшой автобиографии Михаила Палеолога, Кантакузин был единственным византийским государем, оставившим нам подробные мемуары, которые, несмотря на свой партийный характер, сообщают чрезвычайно много очень важного материала для смутной истории Балканского полуострова в XIV веке и в частности для истории славян, а также для географии этих местностей. Кроме мемуаров Иоанн Кантакузин в тиши келлии написал и несколько трудов богословского характера, большая часть которых еще не издана, напр., полемические сочинения против известного уже нам деятеля во время исихастских споров Варлаама, против иудеев и мусульман и др. Свои литературные вкусы и симпатии Иоанн Кантакузин передал своему сыну Матфею, принужденному после падения отца также удалиться в монастырь, где он написал несколько богословских и риторических произведений.

Эпоха Палеологов дала группу интересных и выдающихся историков, из которых большинство задавалось целью описать трагические события этой эпохи, освещая их иногда с определенных точек зрения.

Переселившийся в Константинополь из Никеи, после изгнания латинян, Пахимер, будучи образованным человеком, достигшим высокого положения в государстве, что давало ему возможность, не считая личных наблюдений, пользоваться надежными источниками, являясь убежденным представителем национально-греческих взглядов в вопросе об унии, написал, кроме нескольких риторических и философских произведений, своей написанной гекзаметром автобиографии и писем, очень важный исторический труд, охватывающий время с 1261 г. до начала XIV века (1307 или 1308 г.), главнейший источник для времени Михаила VIII и части правления Андроника Старшего. Истинный сын эпохи Палеологов, Пахимер представляет собою первого византийского историка, для которого центр тяжести лежит в изображении тонких, запутанных догматических споров того времени. „Кажется, пишет Крумбахер, как будто эти люди, с ужасом отворачиваясь от несчастных событий политической жизни империи, искали утешения и облегчения в абстрактных исследованиях догматических вопросов религии, волновав-

---

[1]) I. Cantacuz. Praefatio (I, 10).

ших тогда все умы" [1]). К интереснейшим частям истории Пахимера принадлежит также его рассказ о знаменитых каталонских „кампаниях" Рожера де-Флор, дающий богатый материал для сравнения с рассказом известного нам уже участника похода, каталонского летописца Мунтанера. Изложение Пахимера, в котором гомеровские фразы перемешиваются с богословской декламацией, допуская иногда в текст некоторые иностранные и простонародные выражения, тем не менее в своей большей части настолько пропитано без нужды педантичным подражанием античному стилю, что автор, например, к явному ущербу удобопонятности изложения, пользуется мало известными аттическими названиями месяцев вместо обычных христианских. Некоторые из упомянутых сочинений Пахимера еще не изданы.

В начале XIV века Никифор Каллист Ксанфопул написал не имеющую, правда, большого значения компилятивную „Церковную историю", излагающую события от рождества христова лишь до начала VII века, и несколько произведений из области церковной поэзии. В XIV же веке жил величайший полигистор [2]) последних двух столетий Византии Никифор Григора, известный уже нам по истории исихастского движения, который по разнообразию и объему знаний, остроумию, искусству в диалектике и по твердости характера превосходил всех византийцев времени Палеологов и может быть справедливо сопоставлен с лучшими представителями западного возрождения. Получив прекрасное образование, будучи знаком с древней литературой и увлекаясь особенно астрономией, что побудило его даже предложить императору не проведенную в жизнь календарную реформу, Григора, после нескольких лет успешной преподавательской деятельности, принимая живое участие в бурных богословских спорах эпохи, написал много разнообразных сочинений, из которых значительная часть еще не издана. Выступив сначала ярым противником калабрийского монаха Варлаама и постепенно по мере развития религиозной борьбы перейдя на сторону унии, Григора вынес за это не мало тяжелых испытаний в виде преследования властей и сурового заточения. Закончил свою бурную жизнь Григора, по всей вероятности, в начале шестидесятых годов XIV века, оставив труды почти во всех областях византийской науки— богословия, философии, астрономии, истории, риторики, грамматики. Для нас в настоящем случае представляет наибольший интерес его большая „Римская история" в 37 книгах, охватывающая события с 1204 до 1359 г., т. е. время Никей-

[1]) Krumbacher, 288 (р. пер., 54).
[2]) Полигисторами назывались люди образованные и сведущие в самых разнообразных отраслях знания.

ской и Латинской империй и эпоху первых четырех Палеологов и Иоанна Кантакузина; при чем надо иметь в виду, что события до 1320 г. изложены лишь в самых общих чертах, и настоящий подробный рассказ, преимущественно о догматических спорах эпохи, начинается лишь с этого года. Свои религиозные симпатии Григора перенес в свою „Историю“, которая поэтому является партийным в полном смысле слова произведением, в роде мемуаров; это, по словам Крумбахера, „субъективно написанная картина величественного церковного брожения умов“ [1]). Об Иоанне Кантакузине, как историке, речь была выше.

Наиболее важные факты политической жизни империи XV века оставили заметный след на страницах исторической литературы того времени. Неудачная осада Константинополя султаном Мурадом II в 1422 г. дала повод Иоанну Канану написать специальное сочинение об этом событии, где автор, о котором уже упомянуто было выше, излагая рассказ на языке, близком к народному говору, приписывает спасение столицы заступничеству богоматери. Может быть, ему же принадлежат краткие, не лишенные интереса, известные под именем Канана Ласкаря, заметки о путешествии в Германию, Швецию, Норвегию, Ливонию с упоминаниями Риги и Ревеля и даже на далекий остров Исландию. Иоанн Анагност, о котором также речь была выше, описал, в противоположность Канану, по всем правилам литературного искусства и заботясь о чистоте греческого языка, правдивый рассказ о взятии Солуни турками в 1430 г.

Наконец, роковое событие 1453 г., поразившее умы современников, должно было создать большую историческую литературу, которая и может быть представлена четырьмя историками различного направления и неодинаковой ценности, что было выяснено нами выше при разборе источников о падении Константинополя. Но надо иметь в виду, что все эти четыре историка: Георгий Франдзи, Дука, Лаоник Халкокондил и Критовул, будучи источниками для падения Константинополя, являются вместе с тем и источниками для эпохи Палеологов вообще. Сочинение Франдзи описывает события с 1258 по 1476 г., т. е. начиная с последних лет Никейской империи и кончая уже турецким временем. Будучи всецело обязан своею официальною карьерою Палеологам, с которыми он находился в близких отношениях, Франдзи является специальным историком Палеологов, оттеняющим иногда сверх меры их заслуги и умаляющим их недостатки. Потеряв все после падения Константинополя и попав в турецкий плен, Франдзи, после избавления из плена, жил некоторое время в Пелопон-

[1]) Krumbacher, 295 (р. пер., 58).

несе, а, по завоевании его турками, в Италии, откуда он переехал на остров Корфу, в одном из монастырей которого, уже монахом, он и написал свою „Хронику". Ненависть к туркам, верность православию и проходящее через всю книгу пристрастие к Палеологам являются отличительными чертами Франдзи, сочинение которого, однако, несмотря на это, как написанное очевидцем, близко стоявшим к развертывавшимся событиям, имеет весьма важное значение, особенно начиная со времени Иоанна VIII.

Грек из Малой Азии Дука оставил нам написанную, по словам Крумбахера, „смягченным народным греческим языком" [1]) историю времени с 1341 по 1462 г., т. е. со вступления на престол Иоанна V и кончая завоеванием турками острова Лесбоса; в начале истории автор поместил краткий обзор всемирной истории в виде генеалогического очерка от Адама до Палеологов, из которых наиболее подробно изложены царствования трех последних императоров. Оставаясь в душе православным, но идя на компромисс с унией, как с единственным средством помочь гибнувшему государству и проведя почти всю свою жизнь на службе у генуэзского правителя, Дука не потерял связи с родным ему греческим народом, с горечью смотрел на его роковую судьбу, и рассказ о падении Константинополя закончил „плачем", отрывок которого был приведен выше. Новейший исследователь Дуки (Е. Черноусов) пишет: „Трезвый, скромный по отношению к себе самому, широко развитой, правдивый и при всем своем патриотизме сравнительно беспристрастный Дука будет служить превосходным руководителем для понимания истинного положения лиц и событий" [2]).

Афинянин по происхождению, Лаоник Халкокондил (Халкондил), поставивший в центре своего труда, как известно, не Константинополь и не двор Палеологов, а молодое сильное османское государство, написал „Историю" в десяти книгах, излагающую события с 1298 по 1463 г., в которой он и дал не историю династии Палеологов, а историю османов и их государей. Есть большие основания предполагать, что Лаоник, будучи вынужден бежать из Афин и проведя время до турецкого завоевания в Пелопоннесе, уехал оттуда в Венецию, где и написал свой труд. Поставив себе за образец в смысле языка Геродота и Фукидида, Лаоник в своем интересном труде дал пример того, как даже грек может только внешне изучить древне-греческий язык, не будучи в силах его одухотворить. Наконец, Критовул, о котором была речь уже выше, подобно Лаонику, неудачно подражая Фукидиду, написал хвалеб-

[1]) Krumbacher, 306 (р. пер. 66—67).
[2]) Е. Черноусов. Дука, один из историков конца Византии. Виз. Врем., XXI, 3—4 (1914), 221.

ную историю Мухаммеда II, излагающую события с 1451 по 1467 г.

Эпоха Палеологов, выставив целый ряд историков, почти не дала хронистов, если не считать Ефрема, написавшего в XIV веке бесполезную с исторической точки зрения стихотворную хронику (около 10.000 стихов), которая охватывает время от Юлия Цезаря до восстановления империи Палеологами в 1261 г.

Вопрос об унии, особенно остро ставший в эпоху Палеологов и выразившийся реально в заключении трех уний, и долгие, бурные исихастские споры вызвали напряженную деятельность в области догматической и полемической литературы, которая и дала ряд представителей как среди сторонников, так и среди противников унии и исихастов. С некоторыми из этих писателей мы уже знакомы из отдела о церковной жизни в эпоху Палеологов.

К наиболее выдающимся сторонникам унии можно отнести трех писателей и практических деятелей в этом смысле: Иоанна Векка, умершего в конце XIII века, Димитрия Кидона, жившего в XIV веке, и знаменитого деятеля XV века Виссариона Никейского.

Современник первого Палеолога и, первоначально как идейный противник сближения с латинянами, враг последнего, Иоанн Векк, занимая высокую церковную должность и противодействуя униальной политике Михаила VIII, навлек на себя его гнев и был заключен в темницу. По отзывам источников это был выдающийся человек по уму и образованию. По словам одного историка (Пахимера), Векк отличался „ученостью", „долговременною опытностью и красноречием, могущими уничтожить церковный раскол" [1]. Другой историк (Никифор Григора) называет его „человеком умным, питомцем красноречия и науки, наделенным такими дарами природы, как никто из его современников; ...по остроте же ума, беглости языка и знанию церковных догматов, по сравнению с ним, все казались детьми" [2]. Но знакомство с сочинениями знаменитого писателя никейской эпохи Никифора Влеммида привело к изменению религиозных взглядов Иоанна Векка, который, став на сторону уже известного нам учения об „экономии", сделался сторонником унии. Тогда Михаил VIII возвел его на патриаршую кафедру, которую Иоанн Векк, являясь всегда перед государем ревностным ходатаем за бедных и обиженных, и занимал до начала следующего царствования, когда Андроник II, порвав с унией, низложил его и заключил в темницу, где он и умер. Наиболее обширное сочинение Векка—„О единении и мире

---

1) Pachymeris De Michaele Pal. V, 24 (I, 403).
2) Niceph. Greg. V, 2, 5 (I, 128—129).

церквей древнего и нового Рима“, в котором автор старается доказать, что уже отцы древней греческой церкви признавали латинский догмат и что только позднейшие греческие богословы во главе с Фотием извратили их учение. Таким же образом обработана была Векком тема об „Исхождении св. духа“. В этом же направлении он написал еще много богословских сочинений, одно количество которых обеспечивают за Векком первое место среди друзей Рима в Византии. Труды Векка являлись для позднейших приверженцев унии источником, из которого они черпали нужные им материалы.

Живший в XIV веке Димитрий Кидон принадлежал к числу очень талантливых писателей времени Палеологов в области, как богословия, так и риторики. Изучив латинский язык в Милане и живя, большею частью, в Фессалонике и Констатинополе, а, может быть, и на Крите, Кидон принимал деятельное участие в религиозных вопросах и спорах эпохи. В конце XIV века он вел переписку с императором Мануилом II. Стоя на точке зрения сближения с Римом, Димитрий Кидон написал сочинение на обычную в то время тему „Об исхождении св. духа“ и некоторые другие. В своих работах он имел перед громадным большинством своих современников то преимущество, что знал латинскую литературу и мог пользоваться западными учеными богословами, напр., Фомой Аквинским, из которого он сделал немало переводов. Однако, богословские сочинения Кидона, как по вопросу об унии, так и по вопросу об исихастских спорах, на которые он также отзывался, еще недостаточно исследованы, а некоторые из них еще и не изданы.

К числу сторонников унии принадлежал и знаменитый Виссарион Никейский, участник Флорентийского собора и позднее кардинал римской церкви, которому принадлежит „Догматическая речь“, где автор разъясняет вопрос об исхождении св. духа с латинской точки зрения, и несколько других полемических произведений. Но значение деятельности и личности Виссариона далеко выходит за пределы богословской литературы и будет оценено нами ниже при рассмотрении вопроса о Византии и Возрождении.

Партия противников унии выставила также писателей, не могших, конечно, пойти в сравнение с такими сторонниками унии, как Виссарион. Григорий (в миру Георгий) Кипрский, бывший патриархом при Андронике Старшем, главный, хотя и далеко не всегда успешный противник Иоанна Векка, человек „известный, по словам источника, ученостью“ [1]), оставил несколько сочинений богословского характера, с попыткою решить со своей точки зрения вопрос об исхождении св. духа. Большее значение имеют литературно-риторические произведения Гри-

[1]) Niceph. Greg. VI, 1, 5 (I, 163).

рия, о которых речь будет ниже. Марк Евгеник, митрополит Эфесский, известный нам уже участник Ферраро-Флорентийского собора, не подписавший акта унии, оставил несколько небольших, компилятивных произведений, иногда полемического характера, напр., против Виссариона, которые делают его одним из выразителей национального греческого взгляда на унию. Наконец, последний крупный полемист византийской церкви и первый константинопольский патриарх под турецким владычеством, упоминаемый нами выше Геннадий (в миру Георгий) Схоларий, хороший знаток богословия и философии, участник собора в Ферраре и Флоренции, где он являлся сторонником унии, перешел постепенно, особенно под влиянием Марка Эфесского, к ее убежденным противникам и написал целый ряд полемических произведений. Философские работы Геннадия, возникшие из-за спора его с Гемистом Плифоном, на тему об аристотелизме и платонизме, роднят первого с представителями гуманизма и позволяют одному греческому ученому (Сафе) назвать его „последним византийцем и первым эллином“ [1]). Не все произведения Геннадия Схолария еще изданы.

Исихастское движение, захватившее церковную жизнь Византии XIV века, выставило также ряд писателей с той или другой стороны, начиная с основателя исихазма на Афоне Григория Синаита и кончая таким выдающимся идейным противником, каким был знаменитый известный уже нам Никифор Григора.

XIV век дал Византии одного из самых выдающихся мистиков восточной церкви в лице Николая Кавасилы. Имея одним из оснований, как и западно-европейская мистика, мистические сочинения так называемого Дионисия Псевдоареопагита, автора еще не разъясненного в науке, писавшего, вероятно, в конце V и начале VI века, византийская мистика пережила крупную эволюцию в VII веке, благодаря замечательной личности Максима Исповедника, сумевшего освободить мистику Псевдоареопагита от ее неоплатоновской основы и привести ее в согласие с учением восточной православной церкви. Влияние Максима явно чувствуется на писателях-мистиках XIV века, во главе которых стоит Николай Кавасила.

Митрополит Фессалоникский Николай Кавасила принадлежал к числу писателей, еще очень мало исследованных в науке, так как далеко еще не изданы все его произведения, большое число которых, особенно речи и письма, хранится, напр., в одной из рукописей Парижской Национальной библиотеки. С точки зрения мистического учения Кавасилы имеют главное значение его два существующие в русском переводе сочинения: „Семь

---

[1]) Sathas. Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen-âge. IV, c. VII и пр. 7.

слове о жизни во христе“ и „Изъяснение божественной литургии“. Не входя в разбор учения Кавасилы с его положением: „Жить во христе есть самое соединение со христом“, что отвлекло бы нас далеко в сторону, и отсылая для ознакомления с ним к только-что указанным переводам и к имеющимся в русской литературе изложениям учения (напр., П. П. Аникиева и А. П. Лебедева [1]), мы полагаем, что литературная деятельность Кавасилы в области византийской мистики, как сама по себе, так и рассмотренная в связи с религиозно-мистическим движением исихастов, а также и с западно-европейскими мистическими течениями должна занять почетное место в культурной истории Византии XIV века и привлечь к себе пытливое внимание ученых, которые до сих пор совершенно незаслуженно оставляли в тени этого интересного писателя. Утверждение некоторых писателей, напр., А. П. Лебедева, о том, что Николай Кавасила „никак не может быть признан мистиком“ [2]), наукою не приемлется.

В области философии эпохе Палеологов принадлежит знаменитый византиец Георгий Гемист Плифон [3]), представитель воскреснувшего в то время увлечения древним эллинством, почитатель и знаток Платона в форме неоплатонизма, мечтатель, задумавший создать при помощи богов античной мифологии новую религиозную систему. Интерес к античной философии, особенно к Аристотелю, а с XI века и к Платону, не прекращался, можно сказать, в Византии. Михаил Пселл в XI веке, Иоанн Итал в XII, Никифор Влеммид в XIII посвятили часть своего времени изучению философии, первый—более в сторону Платона, второй и третий—Аристотеля. Борьба двух философских направлений—аристотелизма и платонизма, столь характерная для средневековья, давала себя сильно чувствовать в Византии XIV века во время исихастских споров. Поэтому в высшей степени интересная фигура XV века Гемиста Плифона имеет за собою целую подготовительную историю. Получив первоначальное образование в Константинополе, он провел большую часть своей почти столетней жизни в Мистре, этом нам уже известном культурном центре Морейского деспотата, откуда совершил поездку в Италию, сопровождая императора Иоанна VIII на Ферраро-Флорентийский собор. Кончил Плифон свои дни в Мистре, откуда прах его был перевезен

[1]) П. Аникиев. К вопросу о православно-христианской мистике. Православно-русское слово. 1903, авг. № 13, 200—217. Лебедев. Историч. очерки, 440—445.

[2]) А. Лебедев, 440.

[3]) Его настоящее имя Георгий Гемист; Плифон же является по значению равнозначущим Гемисту. Так он стал называть себя сам, желая заменить обычное греческое имя Гемиста более эллинским словом Плифон. Ср. Дезидерий-Эразм.

одним итальянским меценатом в небольшой итальянский городок Римини, где и теперь покоится в одной из его церквей (Сан-Франческо).

Целью философских работ Плифона было выяснить значение платоновской философии сравнительно с философией Аристотеля. В борьбе аристотелизма с платонизмом Плифон являет собою новую фазу. Перенеся с собою в Италию свое знание Платона и увлечение им, он настолько повлиял на Козимо Медичи и итальянских гуманистов, что явился возбудителем идеи основания Платоновской академии во Флоренции.

В этом городе Плифон написал трактат: „О том, чем отличается Аристотель от Платона“, где он старался доказать превосходство своего любимого философа. Пребывание византийского философа во Флоренции можно рассматривать, как один из важнейших моментов в истории пересаждения древнегреческой науки в Италию и особенно возрождения платоновской философии на Западе [1]). Большой труд Плифона в виде утопии „Трактат о законах“ (Νόμων συγγραφή), не дошедший до нас, к сожалению, в полном виде, представляя собою, с одной стороны, интересную для некоторых настроений XV века и, конечно, заранее обреченную на неудачу попытку восстановить язычество на развалинах христианского культа при помощи элементов нео-платоновской философии, задается обширною целью дать людям такие условия жизни, которые бы позволили им жить хорошо и счастливо. Но для того, чтобы открыть в чем же состоит человеческое счастье, Плифон считает необходимым уразуметь как природу самого человека, так и систему вселенной, часть которой составляет человек. О проектах Плифона Мануилу II о мерах к возрождению Пелопоннеса речь была выше. По своему значению и влиянию личность Плифона далеко заходит за пределы интересов культурной истории Византии и по этому одному заслуживает самого глубокого внимания. Полной научной оценки его деятельности и значения в науке еще не сделано.

В области риторики, которая часто бывает связана с философией, можно выделить несколько лиц. Упомянутый уже выше патриарх при Андронике Старшем Григорий (Георгий) Кипрский оставил интересную и прекрасно написанную автобиографию. Современник того же Андроника и ученик Григория Кипрского Никифор Хумн, написавший целый ряд риторических произведений, оставивший сборник в 172 письма разнообразного содержания и несколько философско-религиозных сочинений, в которых он главным образом нападает на Платона и неоплатоников и защищает Аристотеля, должен быть рассматриваем как один из предвестников греко-итальянского гуманизма. Как

[1]) Ellissen. Analekten, IV (2), 11.

автор нескольких небольших риторических произведений и многочисленных еще не вполне известных писем может быть отмечен уже упомянутый нами сторонник унии талантливый Димитрий Кидон. Наконец, также известный уже нам памфлет, подражающий Лукиану, Мазари „Путешествие в ад“, его „Сон после оживления“ и несколько писем, связанные с пелопоннесскими делами начала XV века, несмотря на малую литературную талантливость автора, представляют важный документ для знакомства с вопросом о подражании Лукиану в византийской литературе и сообщают интересные подробности о византийской культуре данной эпохи.

С точки зрения филологии время Палеологов также дало не мало интересных представителей, являющихся по своему характеру и образу мыслей предвестниками новой духовной эры и имеющих, по словам Крумбахера, меньше связи с их византийскими предшественниками, напр., с Фотием или Евстафием Солунским, чем с первыми деятелями классического возрождения на Западе [1]). Однако, есть одна сторона в деятельности филологов эпохи Палеологов, которая особенно ставится им в вину, и не без основания, представителями классической литературы, а именно их отношение к классическим текстам. В то время, как толкователи и переписчики с XI по XII век, т. е. во время Македонской и Комниновой династий, толкуя и переписывая эти тексты, сохраняли вообще почти в неприкосновенности рукописное предание александрийского и римского времени, византийцы эпохи Палеологов начали переделывать произведения древних авторов согласно с их предвзятыми идеями или иногда по новым измышленным стихотворным шаблонам. Конечно, последнее обстоятельство заставляет в области классической литературы, когда только это бывает возможным, обращаться к рукописям до-палеологовской эпохи. Но и это явление, столь досадное с классической точки зрения, должно быть объяснено и оценено из условий того времени, когда люди начинали, хотя бы грубо и неумело, не удовлетворяться чисто механическими приемами прежней работы и искать путей для проявления личного творчества. Из филологов монах Максим Плануд (в миру Мануил), современник двух первых Палеологов, посвящавший свои досуги науке и преподаванию, посетивший в качестве посла Венецию, имел много родственных черт с возникавшим тогда культурным движением на Западе, особенно благодаря своему знанию латинского языка и латинской литературы. Он перевел большое число латинских произведений на греческий язык и этим самым содействовал культурному сближению Востока и Запада в эпоху Возрождения. Будучи усердным преподава-

[1]) Krumbacher, 541.

телем, Плануд оставил сочинения по грамматическим вопросам. Сохранившееся собрание его писем (более ста) рисует нам духовный облик автора, его научные интересы и занятия. Кроме компилятивного сборника извлечений историко-географического содержания из древних писателей, Плануд оставил нам немало переводов латинских авторов, напр., Катона Старшего, Овидия, Цицерона, Цезаря. Громадное количество известных нам рукописей этих переводов указывает на то, что в первые времена гуманизма они служили часто пособиями для обучения греческому языку на Западе.

Ученик и друг Плануда, современник Андроника II, Мануил Мосхопул имеет благодаря своей литературной деятельности, подобно своему учителю, большое значение как для характеристики византийских знаний конца XIII и начала XIV веков, так для насаждения классических знаний на Западе. Его „Грамматические вопросы“ и греческий словарь, наряду с переводами Плануда, были любимыми пособиями для изучения греческого языка на Западе, а его толкования на целый ряд классических писателей и сборник писем представляют интересный, еще недостаточно исследованный культурный материал для данной эпохи.

В истории византийской литературы к представителям филологии относится обыкновенно также современник Андроника II, Феодор Метохит, многообразная деятельность которого, однако, заходит далеко за скромные пределы филологии и который был уже нами упомянут выше (во главе о Никейской империи), как автор панегирика в честь Никеи. Широко образованный, прекрасно начитанный в классических авторах, почитатель философии в лице Аристотеля и особенно Платона, „Олимп мудрости“, по словам современных ему панегиристов, „живая библиотека“, „Геликон муз“ [1]), государственный деятель, первый министр при Андронике II и меценат, Феодор Метохит представляет собой интересный тип византийского гуманиста первой половины XIV века. Интересно отметить, что этот человек науки и знания совмещал в себе талант политического деятеля, имевшего исключительное влияние на государственные дела и пользовавшегося полным доверием императора. Современный ему историк (Никифор Григора) писал: „Он с утра до вечера всецело и необыкновенно горячо был предан занятиям по общественным делам во дворце, как будто ученость была для него совершенно посторонним делом; поздно же вечером, уйдя оттуда, он настолько погружался в науку, как будто бы был каким-либо схоластиком, совершенно чуждым каким-либо дру-

[1]) См. Niceph, Greg. VII, 11, 2 (I, 272). Sathas. Bibl. graeca medii aevi, I, введение, 60—61.

гим делам" [1]. На основании высказываемых им иногда в своих произведениях политических взглядов можно вывести не лишенные интересы наблюдения: не чувствуя склонности к народовластию и не будучи сторонником аристократии, он имел свой политический идеал, нечто вроде конституционной монархии. „Не малою оригинальностью этого византийца XIV века, пишет Диль, является лелеяние подобных мечтаний, при абсолютном режиме василевсов божественного права" [2]. Потеряв положение, состояние и дом при перевороте, низложившем Андроника II, Феодор попал в заточение. Тяжело заболев, он получил возможновть окончить свои дни в константинопольском монастыре Хора (теперь мечеть Кахриэ-джами), который он, в виду ветхости зданий монастыря, заново отстроил и украсил мозаиками. Еще и теперь, среди других великолепных сохранившихся мозаик в современной мечети Кахриэ-джами, можно видеть над главными дверьми, ведущими из второго притвора в храм, мозаику, представляющую христа на троне, и у его ног коленопреклоненную в роскошном одеянии высших византийских сановников фигуру Феодора Метохита, подносящего христу небольшую модель византийской церкви; имя Феодора Метохита читается на мозаике. К его ученикам принадлежит знаменитый византийский ученый Никифор Григора. Его многочисленные и разнообразные, далеко не все изданные и мало изученные произведения, будет ли то собрание философских и исторических этюдов, или риторические и астрономические сочинения, или многочисленные стихотворения и письма к различным выдающимся современникам, позволяют видеть в Феодоре Метохите самого выдающегося, после Никифора Григоры, византийского гуманиста XIV века. Его философские занятия позволяют некоторым ученым (напр., Сафе, за ним Ф. И. Успенскому) [3] видеть в Метохите предшественника и подготовителя византийского платонизма XV века вообще и Гемиста Плифона в частности. Не менее важное значение имеет роль Метохита в искусстве, а именно благодаря мозаикам Хоры. В этом отношении он не ошибся, выражая надежду, что его деятельность в области искусства обеспечит за ним „до скончания века славную память у потомства" [4].

К филологам же времени Андроника II надо относить Фому Магистра, вышедшего из литературного кружка Мосхопула, Метохита и Григоры, автора ряда схолий к древним писателям, речей и писем, и Димитрия Триклиния, выдающегося критика

[1] Niceph. Greg. VII, 11, 3 (I, 272—273).
[2] Diehl. Etudes byzantines, 401.
[3] Sathas. Bibl. gr. medii aevi, I, введение, 64. Ф. Успенский. Очерки виз. образованности, 263; 264.
[4] См. Diehl. Etudes byz., 401.

текста, могущего стать рядом, по словам Крумбахера [1]), с некоторыми современными издателями, прекрасного для своего времени знатока древних авторов, напр., Пиндара, Эсхила, Софокла, Эврипида, Аристофана, Феокрита.

Ко времени Палеологов принадлежит последний крупный юридический памятник, имеющий жизненное значение до настоящего времени: это—большая юридическая компиляция фессалоникского юриста и судьи XIV века Константина Арменопуло, известная под названием „Шестикнижия“ (ἑξάβιβλος, hexabiblos), так как делится на шесть книг, или „Ручной книги законов“ (πρόχειρον νόμων, manuale legum). Этот сборник содержит гражданское и уголовное право с некоторыми приложениями в роде, напр., известного „Земледельческого закона“. Автор пользовался предшествующими законодательными памятниками, особенно Прохироном и еще одним сборником X века, а также Эклогой, Эпанагогой и некоторыми другими. В недавнее время в вопросе об источниках Шестикнижия было обращено внимание на одну очень важную, еще не разъясненную сторону. Оказалось, что Арменопуло пользовался некоторыми источниками в очень древних редакциях, еще без прибавлений и изменений, сделанных законодательною комиссиею Юстиниана [2]); другими словами, Шестикнижие представляет собою драгоценное подспорье, еще до сих пор с этой точки зрения не разобранное и не оцененное, для критических исследований об источниках Юстинианова права, о первоначальном содержании измененных текстов и о следах так называемого классического римского права в юридических памятниках Византии.

После 1453 г. Шестикнижие Арменопуло распространилось на Западе, и гуманисты отнеслись со вниманием и уважением к этому юридическому памятнику павшей Византии. Сборник Арменопуло сохранял еще до времени последней войны значение правового источника или судебного руководства в современном греческом государстве и в Бессарабии. Существующий русский перевод Арменопуло нельзя признать удовлетворительным.

Несколько медицинских трактатов, написанных не без арабского влияния, принадлежат времени Палеологов. Одно медицинское руководство конца XIII века имело большое влияние даже на западную медицину и употреблялось на медицинском факультете Парижа вплоть до XVII века. Изучение математики и астрономии также процветало при Палеологах, и многие из вышеназванных культурных деятелей эпохи, имевших разносторонние интересы и представлявших собою своего

---

[1]) Krumbacher, 554.

[2]) См. L. Siciliano. Diritto bizantino. Enciclopedia Giuridica Italiana. Milano, 1906, IV, parte V, fasc. 451, p. 72.

рода энциклопедистов, посвящали часть своего времени и этим точным наукам, черпая материал из древних произведений Эвклида, Птолемея и из персидских и арабских сочинений, большая часть которых в свою очередь основывалась на греческих образцах.

Мануил Олобол и Мануил Фил, современники первых Палеологов, являются представителями поэзии той эпохи,—поэзии искусственной, неоригинальной, искавшей часто тем в сфере придворных интересов, поэтому неискренней и иногда до непозволительности льстивой. Мануил Фил, всю жизнь проведший в страшной нужде, вынужденный тратить свое литературное дарование на добывание насущного хлеба и не останавливавшийся для этого ни перед каким видом унижения и лести, невольно вызывает на сравнение с известным нам уже писателем XII века Феодором Продромом, этим характерным представителем византийского литературного пролетариата.

Очень интересные памятники, написанные на народном греческом языке, дошли до нас из эпохи Палеологов. Греческая стихотворная версия Морейской хроники, более чем в 9000 стихов, оцененной уже с исторической точки зрения нами выше, при рассказе о завоевании латинянами Пелопоннеса, дает любопытный пример греческого народного языка того времени, вобравшего в себя целый ряд слов и выражений из романских языков завоевателей. В науке до сих пор остается спорным вопрос о языке первоначального оригинального текста хроники: одни ученые стояли за французский оригинал, другие за греческий; в новейшее время высказано мнение о том, что оригинальным текстом Морейской хроники был текст итальянский и притом, вероятно, в форме венецианского наречия [1]). Автором греческой версии хроники обычно считается какой-либо близко стоявший по времени к описываемым событиям и хорошо знавший пелопоннесские дела грецизированный франк.

К этой же эпохе относится стихотворный роман (около 4000 стихов) „Ливистр и Родамна“, сильно напоминающий по сюжету и по идеям известный уже нам роман „Бельтандр и Хрисанца“. В двух словах содержание романа таково: Ливистру во сне было открыто, что ему в супруги предназначена Родамна; он ее находит в лице индийской принцессы, добивается ее любви и, победив в единоборстве соперника, получает Родамну в жены; однако, благодаря волшебным чарам, соперник похищает Родамну, которую в конце концов, после целого ряда приключений, Ливистр благополучно находит. В этом романе надо отметить результат смешения франкской культуры с греко-восточным укладом жизни; при чем в то время, как в „Бель-

[1]) J. Longnon. Livre de la Conqueste de la Princée de l'Amorée. Paris, 1911, LXXXIII—LXXXIV.

тандре“ франкская и греческая культуры являются еще не совсем слившимися, в „Ливистре“ можно уже отметить признаки того, что франкская культура глубже проникла в византийскую почву, но зато и сама уже начала подчиняться греческому влиянию. Однако, несмотря на латинское влияние, было бы ошибочно утверждать, что вся наша поэма является лишь простым подражанием какому-нибудь западному образцу. „Если, по словам Диля, описанное общество кажется пропитанным некоторыми латинскими элементами, оно в общем сохраняет чисто византийский характер“ [1]. Первоначальная редакция романа должна относиться к XIV веку. До нас роман „Ливистр и Родамна“ дошел в позднейшем обработанном виде.

Если эпоха Палеологов в разнообразных отраслях литературы, несмотря на весь трагизм внешнего положения империи, характеризуется кипучею и плодотворною деятельностью лучших представителей культуры того времени, которые не раз дают случай проводить параллель с современными им течениями и интересами итальянского Возрождения, то такой же сильный и на первый взгляд несколько неожиданный подъем, если принять во внимание общее положение государства, нужно отметить при Палеологах и в сфере искусства.

Возрождение византийского искусства при Палеологах, в виде таких памятников, как росписи Кахриэ-джами, Мистры, Афона, Сербии и др., настолько было неожиданным и непонятным для ученого мира, что ученые для разъяснения вопроса об источниках новых форм искусства той эпохи прибегли к ряду гипотез. Первая „западная“ гипотеза, принимая во внимание западные влияния на различные стороны византийской жизни со времени четвертого крестового похода и сближая византийские памятники с итальянскими фресками треченто вообще и с тем, что Джотто в Италии жил именно в тот момент, когда появлялись первые произведения искусства восточного возрождения Палеологов, приходит к заключению о возможности влияния итальянских мастеров треченто на византийское искусство, чем и объясняет его новые формы в XIV веке. Однако, западная гипотеза должна быть признана мало вероятной потому, что теперь неоспоримо доказано обратное явление, т. е. влияние византийских образцов на итальянское искусство XIII века. Вторая „сирийская“ гипотеза, выставленная в начале XX века австрийским историком искусства Стжыговским, сводилась к тому, что лучшие произведения византийского искусства времени Палеологов являются лишь простыми копиями древних сирийских оригиналов, т. е. оригиналов искусства, которое действительно, в свое время (в IV—VII веках), дало немало новых форм, воспринятых

---

[1] Diehl. Figures byzantines, II, 348 (русск. пер., II, 389).

византийским искусством. Если согласиться с этой теорией, то ни о каком возрождении византийского искусства в XIV веке, ни об его оригинальности, ни о творческой фантазии мастеров речи быть не может, и все исключительно сведется к хорошим копиям с хороших древних образцов, к тому же точно неизвестных. Эта теория, которую Н. П. Кондаков называет „археологическою игрою“ [1]), нашла мало сторонников среди ученого мира. Что же касается самого Стжыговского, то он в ряде последующих работ, вплоть до последнего времени, ищет корней древне-христианского искусства в искусстве стран гораздо более дальнего востока, чем Сирия. Французский византинист Диль, отвергая обе вышеизложенные теории, видит корни возрождения искусства при Палеологах в том общем культурном подъеме, который столь характерен для их эпохи, и в пробуждении очень живого чувства эллинского патриотизма, а также в постепенном развитии тех новых путей в византийском искусстве, которые появились в Византии с XI века, т. е. со времени династии Комнинов. Поэтому „для того, кто внимательно смотрит на вещи, большое движение в искусстве XIV века не будет явлением внезапным и неожиданным: оно родилось из естественной эволюции искусства в среде замечательно деятельной и живучей; и если иностранные влияния могли частично помочь его блестящему расцвету, оно почерпнуло из себя самого, из глубоких корней, которыми оно погружалось в прошедшее, свои сильные и оригинальные свойства“ [2]). Позднее проф. Д. В. Айналов, отмечая, что решение вопроса, сделанное Дилем, не может считаться методологически верным и приемлемым, так как оно основано не на анализе художественных памятников, а косвенно выводится из данных о развитии литературы, науки и т. д., приходит к выводу, что вопрос о происхождении новых форм византийской живописи XIII—XIV столетий может получить решение только путем историко-сравнительного исследования их. Наблюдая свойства горного и архитектурного ландшафтов в мозаиках Кахриэ-джами в Константинополе и собора св. Марка в Венеции, Д. В. Айналов отмечает замечательное родство их форм с формами ландшафтной живописи начального итальянского возрождения и приходит к выводу, что византийская живопись XIV века не может быть признана самостоятельным явлением византийского искусства, а лишь отражением нового развития итальянской живописи, которая в свою очередь выросла на почве более раннего византийского искусства. „Одним из передаточных центров

---

[1]) Н. Кондаков. Македония. Археологическое путешествие. Спб., 1909, 280.
[2]) Diehl. Manuel d'art byzantin. Paris, 1910, 702.

этого обратного влияния искусства раннего возрождения на поздне-византийское является Венеция“ [1]).

Таковы главные теории о причинах возрождения византийского искусства при Палеологах, из эпохи которых дошло до нас много разнообразных памятников. Из монументальных сооружений можно отметить семь церквей в пелопоннесской Мистре, некоторые монастырские церкви Афона, много церквей в Македонии, которая принадлежала в XIV веке Сербии, и в собственной Сербии. Пышный расцвет мозаичной и фресковой живописи при Палеологах оставил нам удивительные памятники, будут ли то не раз уже упоминаемые знаменитые мозаики Кахриэ-джами в Константинополе, или фрески Мистры, Македонии, Сербии. На Афоне также встречаются мозаики и фрески конца XIII, XIV и XV веков, хотя цветущая эпоха афонского искусства относится уже к XVI веку и часто приводится в связь с деятельностью загадочного византийского художника, этого „Рафаэля“ или „Джотто византийской живописи“ [2]), Мануила Панселина из Фессалоники, время жизни которого в точности, впрочем, неизвестно. От той же эпохи Палеологов дошло до нас много икон и рукописей с миниатюрами. Для примера упомянем о знаменитой Мадридской рукописи XIV века византийского хрониста Скилицы, которая содержит до 600 любопытнейших миниатюр; среди последних для нас особенно интересны миниатюры (около двадцати), относящиеся к русской истории и иллюстрирующие прием русской великой княгини Ольги в Византии, войны греков с русскими, походы Святослава с его изображением, переговоры с князем Владимиром и т. д. О двух парижских рукописях,—одной XIV века с миниатюрой Иоанна Кантакузина, председательствующего на исихастском соборе, и другой начала XV века с миниатюрой Мануила II,—упоминание было сделано выше.

Искусство эпохи Палеологов с его отражениями в славянских странах вообще и в России в частности еще очень мало исследовано; материал еще далеко не сгруппирован, не освещен и даже не приведен в известность. Занимаясь сравнительным изучением иконописи XIII—XIV века, Н. П. Кондаков в 1909 г. заметил: „здесь вообще мы вступаем как бы в темный лес, в котором пути остаются неразведанными“ [3]). Новейший исследователь вопроса о византийской живописи XIV века Д. В. Айналов к этим словам Н. П. Кондакова прибавил: „все же в этом лесу некоторые пионеры уже проложили с разных сторон тропинки и сделали ценные положительные на-

[1]) Д. Айналов. Византийская живопись XIV столетия, 86; 89; 96.
[2]) Diehl. Manuel, 762—763.
[3]) Кондаков. Македония, 285.

блюдения" [1]). Уже позднее, в 1919 г., вышла книга известного французского историка искусства Г. Милле (Millet) о средневековых сербских церквах; при чем автор задается целью опровергнуть обычное мнение о том, что сербское искусство есть лишь простая ветвь искусства византийского; сербское искусство имеет свой оригинальный характер [2]).

Подводя итог нашему очерку культурно-просветительного движения при Палеологах, мы прежде всего должны будем признать такую его силу, напряженность и разнообразие, каких мы не встречали в более ранние времена, когда общее положение империи должно было, казалось, гораздо более благоприятствовать культурным проявлениям. Конечно, этот подъем не должен представляться чем-то неожиданным, не имеющим корней в прошлом. Корни его нужно видеть в культурном подъеме Византии в эпоху Комнинов, и связующим звеном между этими двумя эпохами, оторванными друг от друга роковым для Византии латинским господством, является культурная жизнь Никейской империи во главе с Никифором Влеммидом и просвещенными государями дома Ласкарей, которые среди всех трудностей внешней политической обстановки сумели приютить в Никее и развить лучшие умственные силы эпохи с тем, чтобы передать это наследие в восстановленную империю Палеологов. При них культурная жизнь бьет особенно сильным ключем в конце XIII и в XIV веке, после чего она, под угрозою турецкой опасности, начинает затихать в Константинополе, и лучшие умы XV века, как-то Виссарион Никейский и Гемист Плифон, переносят свою деятельность в Пелопоннес, в Мистру, в тот центр, напоминающий нам некоторые менее крупные итальянские центры возрождения, который казался еще в несколько большей безопасности от турецкого завоевания, чем Константинополь и Фессалоника.

При рассмотрении литературной и художественной деятельности наиболее выдающихся представителей того времени приходилось неоднократно сопоставлять византийские культурные интересы и запросы с аналогичными интересами и запросами эпохи раннего итальянского возрождения. Очевидно, как Италия, так и Византия переживали тогда время интенсивной культурной работы, которая имела много общих черт и одинаковое происхождение, выйдя из условий мирового переворота, совершенного крестовыми походами. Это была эпоха не итальянского и не византийского возрождения, а, если уж пользоваться условным термином возрождения в общем, широком, а не в частном, узком национальном смысле, то это была, если так можно выразиться, эпоха греко-итальянского

[1]) Айналов, 68.
[2]) G. Millet. L'ancien art serbe. Les églises. Paris, 1919, 9.

или вообще южно-европейского возрождения. Только позднее, в XV веке, на юго-востоке Европы этому подъему был положен предел турецким игом, а на западе, в Италии, общие условия сложились так, что культурная жизнь могла дальше развиваться и переброситься в другие страны. В виду всего вышеизложенного, не безынтересно будет хотя бы вкратце коснуться вопроса о Византии и Возрождении.

17. Византия и Возрождение.

Итальянское Возрождение (Renaissance, Rinascimento), по крайней мере, в одной части этого сложного культурного процесса, характеризуется, как известно, повышенным интересом к античной древности вообще и к греческой литературе и греческому языку в частности. Конечно, не в формальной реставрации древности заключалась сущность Ренессанса, как полагал в свое время Фойгт, что сводило бы все черты гуманистического направления к подражанию древности, к „процессу рецепции“, к отсутствию новых идей. Не в том значение культуры Ренессанса, что она „была и еще более хотела быть обновлением или реставрацией античной культуры“, как позднее писал Кертинг [1]). Возрождение, в данном случае итальянское, является понятием гораздо более широким, глубоким и жизненным, и ученые не мало потрудились, начиная с Буркгардта на Западе и у нас М. Корелина и А. Н. Веселовского, над определением сущности всего сложного процесса Возрождения; но рассмотрение этих взглядов завлекло бы нас далеко в сторону.

В настоящем случае наша задача познакомиться с тем влиянием, которое оказали на Возрождение средневековая греческая традиция вообще и византийские греки в частности. При чем мы должны исходить из той точки зрения, что не интерес к классической древности и ознакомление с нею вызвали Возрождение, а, наоборот, те жизненные условия итальянской жизни, которые вызвали и развили это культурное движение, были причиною того, что люди заинтересовались античной культурой. Не лишнее вспомнить, что у нас несколько десятков лет тому назад существовало мнение, перешедшее даже на страницы учебников средней школы и излагавшееся, в виде доказанного положения, о том, что итальянское Возрождение было вызвано греками, бежавшими туда из Византии перед турецкою опасностью, особенно же после падения Константинополя в 1453 г. Совершенно очевидно, что такая точка зрения не могла выдержать никакой критики хотя бы в силу

[1]) G. Körting. Die Anfänge der Renaissancelitteratur in Italien. 1884, 121.

элементарных хронологических соображений: известно, что Возрождение охватило всю Италию уже в первой половине XV века, а корифеи так называемого раннего итальянского гуманизма, Петрарка и Боккаччьо, жили еще в XIV веке. Для примера, идущего, впрочем, гораздо дальше, чем только-что упомянутое мнение, можно привести слова нашего известного славянофила первой половины XIX века И. В. Киреевского, который писал: „Когда со взятием Константинополя свежий неиспорченный воздух греческой мысли повеял с Востока на Запад, и мыслящий человек на Западе вздохнул легче и свободнее, то все здание схоластики мгновенно разрушилось“ [1]).

Из поставленных нами двух вопросов—о влиянии на Возрождение средневековой греческой традиции и византийских греков—мы остановимся сначала на втором и посмотрим, что собою представляли известные нам греки, имена которых связаны с эпохою раннего Возрождения, т. е. XIV и самого начала XV века.

Первым из них по времени должен быть назван уже известный нам по участию в исихастских спорах калабрийский грек из Южной Италии Варлаам, умерший около половины XIV века. Бернардо, принявший в Калабрии монашеское пострижение под именем Варлаама, пробывший некоторое время в Солуни и на Афоне и в Константиноподе, получивший от императора Андроника Младшего важную миссию на Запад для переговоров о возможности крестового похода против турок и о соединении церквей, вернувшийся после безрезультатного путешествия в Византию, где он и принял участие в религиозном движении исихастов, и закончивший свои дни снова на Западе, представляет собою фигуру, о которой нередко говорят первые гуманисты и о которой различно думают ученые XIX века. В Авиньоне с Варлаамом сблизился и стал у него учиться греческому языку, чтобы в подлинниках читать греческих авторов, Петрарка. Последний в одном из своих писем так выражался о Варлааме: „был еще мой учитель, который, возбудив во мне сладчайшую надежду, оставил меня на начатках учения (in ipso studiorum lacte), будучи похищен смертью“; в другом письме Петрарка писал: „Это (т. е. Варлаам) был человек, столько же обладавший прекрасным даром греческого словесного искусства, сколько лишенный этого дара в латинском языке; будучи богат идеями и отличаясь острым умом, он затруднялся в выражениях, спо-

[1]) И. Киреевский. Собрание сочинений. II, Москва, 1861, 252. Это мнение попало даже на страницы первого издания „Истории Византии“ Ю. Кулаковского. Киев, 1910, 12 (во втором издании этого уже нет).

собных передать его мысли" [1]); в третьем письме Петрарки мы читаем: „я всегда горел желанием изучать греческую литературу, и если бы фортуна не позавидовала моим начинаниям и смерть не лишила меня прекрасного учителя, теперь бы я был уже наверное не начинающий эллинист" [2]). Действительно, Петрарка никогда не достиг возможности читать в подлиннике греческую литературу.

Некоторое влияние Варлаама можно заметить и на произведениях Боккаччьо, который, например, в своем сочинении „Генеалогия богов" называет Варлаама человеком „с маленьким телом, но с огромными знаниями", какого у греков не было „уже много столетий", и безусловно доверяет ему во всем, что касается Греции [3]).

Доступные нам богословские и математические трактаты, записки и речи Варлаама не дают нам достаточных оснований для того, чтобы видеть у него родственные гуманистам черты. Его сочинения не были известны, по всей вероятности, Петрарке; а Боккаччьо прямо говорит, что он „ни одного сочинения его не видел" [4]). Нет данных также говорить о каком-либо широком образовании или о выдающейся начитанности этого калабрийского выходца-монаха; другими словами, в Варлааме не было того таланта, той культурной силы, которые бы могли оказывать глубокое и длительное влияние на более талантливых и более образованных, чем он сам, современных ему итальянцев, особенно же в лице таких корифеев, какими были Петрарка и Боккаччьо. Поэтому вряд ли возможно согласиться с тою переоценкою степени влияния Варлаама на Возрождение, которую мы встречаем иногда на страницах иностранной и русской литературы. Приведу для примера два суждения. Немецкий ученый (Кертинг) писал: „Грек Варлаам, своим поспешным удалением из Авиньона лишив Петрарку возможности основательнее ознакомиться с греческим языком и образованностью, тем самым разрушил гордое здание будущего и на целые столетия определил судьбу народов Европы. Малые причины, великие следствия" [5]). Русский ученый (Ф. И. Успенский) также писал: „Живое сознание идеи и важности эллинских занятий, какими были проникнуты деятели итальянского Возрождения, всецело должно быть приписано посредственным

[1]) Fr. Petrarcae Epistolae de rebus familiaribus, XXIV, 12 (ed. Fracassetti, Florentiae, 1863, III, 302); XVIII, 2 (Fracassetti, II, 474). См. Успенский. Очерки виз. образованности, 301—302. А. Веселовский. Боккаччьо. Его среда и сверстники. Собр. соч., V, 86.

[2]) Variarum epist. XXV (ed. Fracassetti, III, 369). См. Ф. Успенский, 303.

[3]) М. Корелин. Ранний итальянский гуманизм и его историография, 993.

[4]) De genealogia deorum, XII, 6, у М. Корелина, 993.

[5]) G. Körting. Petrarca's Leben und Werke. Leipzig, 1878, 154.

и непосредственным влияниям Варлаама. Итак, за ним остается большая заслуга в истории средневековой культуры... Оставаясь на почве реальных фактов, смело можем утверждать, что он соединял в себе лучшие качества тогдашней учености“ [1]).

Роль Варлаама в истории Возрождения была бесконечно скромнее, чем только-что сказано. Это был лишь учитель греческого языка, далеко несовершенный, могущий сообщить элементы грамматики и служить справочным лексиконом, „заключавшем в себе, по словам Корелина, весьма неточные сведения“ [2]). Поэтому наиболее правильной является оценка, сделанная А. Н. Веселовским, который писал: „Роль Варлаама в судьбе раннего итальянского гуманизма представляется внешней и случайной... Средневековой схоластик, противник платоновской философии, он мог поделиться со своими западными друзьями лишь знанием греческого языка и обрывками эрудиции, а его возвеличили в силу надежд и чаяний, в которых выразилась самостоятельная эволюция гуманизма и на которые он не был в состоянии ответить“ [3]).

Вторым греком, сыгравшим некоторую роль в эпоху раннего Возрождения, был умерший в шестидесятых годах XIV века ученик Варлаама, Леонтий Пилат, подобно своему учителю родом из Калабрии. Переезжая из Италии в Грецию и обратно, выдавая в Италии себя за грека из Солуни, а в Греции за итальянца и не уживаясь нигде, он пробыл три года во Флоренции с Боккаччьо, который учился у него греческому языку и добывал от него сведения для своей „Генеалогии богов“. О Леонтии говорят в своих сочинениях как Петрарка, так и Боккаччьо, рисуя оба в одинаковых чертах неуживчивый, грубый и дерзкий нрав и отталкивающую внешность этого, по словам Петрарки, „человека столь звериных нравов и странных обычаев“ [4]). Тот же Петрарка в одном из своих писем к Боккаччьо сообщает последнему, что Леонтий, покинув его после целого ряда дерзостей по адресу Италии и итальянцев, уже с дороги прислал ему письмо, „более длинное и безобразное, чем его борода и волосы, в котором он величает до небес столь ненавистную ему Италию, а Грецию и Византию, которые прежде так превозносил, хулит и порицает; при этом просит меня вызвать его к себе, и так заклинает и страстно молит, как не молил ап. Петр Христа, повелевающего водами“. Далее в этом же письме мы читаем такие интересные строки: „А теперь послушай и посмейся: просит он меня, между прочим, чтобы я рекомендовал его письменно константинопольскому императору,

---

[1]) Ф. Успенский. Очерки, 308.
[2]) М. Корелин, 998.
[3]) А. Веселовский. Собр. соч., V, 100—101.
[4]) См. А. Веселовский. Боккаччьо, II. Собр. соч., VI, 1919, 364.

которого я не знаю ни лично, ни по имени; но он желает того. потому и представляет себе, что (этот император) также благосклонен и милостив ко мне, как римский император; точно сходство титула отождествляет их, или потому, что греки называют Константинополь вторым Римом, осмеливаясь считать его не только равным древнему, но и превосходящим его по народонаселению и богатству“ [1]). Боккаччьо в своей „Генеалогии богов“ называет Леонтия человеком с виду страшным, некрасивым лицом, всегда погруженным в свои мысли, неотесанным и неприветливым, но зато в греческой литературе ученейшим, неисчерпаемым архивом греческих сказаний и басен [2]). Во время совместных занятий Боккаччьо с Леонтием последний сделал первый буквальный латинский перевод Гомера. Правда, что этот перевод был настолько неудовлетворителен, что уже ближайшие по времени гуманисты считали крайне желательным заменить его новым. В виду того, что Леонтий, по словам Боккаччьо, был обязан многими из своих познаний своему учителю Варлааму, Ф. И. Успенский замечает, что „значение этого последнего еще более должно вырости в наших глазах“ [3]).

Во всяком случае, вполне признавая значительное влияние Леонтия Пилата на Боккаччьо в смысле ознакомления его с греческим языком и литературой, мы должны сказать, что в общей истории Возрождения роль Пилата сводится к некоторому распространению в Италии знакомства с греческим языком и литературой при помощи уроков и переводов. Не забудем и того, что бессмертное значение Боккаччьо зиждется не на материалах, добытых им из знакомства с греческой литературой, а совершенно на иных основаниях.

Таким образом, роль выше разобранных двух ранних греков, которые, к тому же, были родом не из Византии, а из Южной Италии, в истории гуманистического движения сводится по преимуществу к простой передаче технических сведений по языку и литературе.

Я намеренно не раз отмечал, что Варлаам и Леонтий Пилат были родом из Калабрии, т. е. из южной Италии, где греческий язык и греческая традиция продолжали жить в течение всех средних веков. Если даже не иметь в виду античной „Великой Греции“ в южной Италии, эллинские основы которой были уже давно, может быть не вполне, поглощены Римом, то уже в VI веке завоевания Юстиниана ввели в Италию вообще и в южную Италию в частности немало греческих элементов, и завоевавшие вскоре после этого большую часть Италии ланго-

---

1) См. А. Веселовский, VI, 362—363.
2) См. А. Веселовский, VI, 351—352.
3) Ф. Успенский. Очерки, 308.

барды сами вошли в круг греческого влияния и стали некоторым образом носителями греческой науки. Для нас особенно важно проследить вкратце эволюцию эллинизма в южной Италии и Сицилии, греческое население которых в несколько приемов увеличивалось значительными притоками. В VII веке заметна сильная греческая эмиграция в Сицилию и южную Италию из византийских областей, завоеванных и опустошенных персами и арабами. В VIII веке большое число греческих монахов прибыло в Италию, спасаясь от преследования императоров-иконоборцев. Наконец, в IX—X веках греческие беглецы из Сицилии, завоевываемой арабами, наводнили южную Италию. Это был, вероятно, главный источник эллинизации византийской южной Италии, так как византийская культура последней начинает расцветать, только лишь с X века, „как будто если бы она была лишь продолжением и наследством греческой культуры Сицилии“ [1]). Таким образом, пишет А. Н. Веселовский, „образовались в южной Италии густо населенные греческие этнические острова, и народность и общество, соединенные одним языком и вероисповеданием и культурной традицией, выразителями которой были монастыри. Расцвет этой культуры обнимает период от второй половины IX до второй половины X века; но он продолжается и позже, в эпоху норманнов... Основания важнейших греческих обителей в южной Италии относится к XII веку. Их история—это история южно-итальянского эллинизма. У них был свой героический период, период анахоретов - пещерников, предпочитавших созерцание грамотности, и период устроенных общежитий со школами писцов, библиотеками и литературною деятельностью“ [2]). Греческая средневековая южная Италия дала ряд писателей, которые посвящали свой труд не только житийной литературе, но и церковной поэзии, а также „блюли предания науки“ [3]). Во второй половине XIII века Рожер Бекон писал папе об Италии, „в которой духовенство и народ были чистыми греками во многих местах“ [4]). Один старый французский хроникер утверждает для того же времени, что в Калабрии и Апулии крестьяне говорили только по-гречески [5]). В XIV веке Петрарка в одном из своих писем рекомендует некоего юношу, отправлявшегося по его совету в Калабрию: он хотел было прямо поехать в Константинополь, „но, узнав, что Греция, когда-то изобиловавшая

[1]) P. Batiffol. L'abbaye de Rossano. Paris, 1891, IX.
[2]) А. Веселовский, V, 22.
[3]) А. Веселовский, V, 23.
[4]) nec multum esset pro tanta utilitate ire in Italiam, in qua clerus et populus sunt pure Graeci in multis locis. Fr. Rogeri Bacon Compendium studii philosophiae, cap. VI. F. R. Bacon. Opera quaedam hactenus inedita. London, 1859, 434.
[5]) А. Веселовский, V, 24.

великими талантами, ныне ими обеднела, поверил моим словам..; услышав от меня, что в Калабрии в наши времена было несколько людей, ученейших в греческой литературе, ...он решился направиться туда“ [1]).

Итак, для первоначального технического ознакомления с греческим языком и с начатками греческой литературы итальянцам XIV века незачем было обращаться в Византию; у них источник для этого был рядом, в южной Италии, которая и дала Италии Варлаама и Леонтия Пилата.

Действительное влияние Византии на Италию начинается с конца XIV века и продолжается в течение XV века, когда туда приезжают настоящие византийские гуманисты, какими являются Мануил Хрисолор и особенно Гемист Плифон и Виссарион Никейский.

Родившийся около половины XIV века в Константинополе Мануил Хрисолор уже у себя на родине пользовался славою выдающегося преподавателя, ритора и философа. Молодой итальянский гуманист Гуарино отправился в Константинополь со специальною целью послушать Хрисолора и, научившись у него греческому языку, приступил к изучению греческих авторов. Приехав в Италию по поручению императора с политическою миссией, Хрисолор, слава которого дошла уже до Италии, был восторженно там встречен, и итальянские гуманистические центры наперерыв друг перед другом приглашали к себе приезжего ученого. В продолжение нескольких лет он преподавал во Флорентийском университете, где его слушала целая плеяда тогдашних гуманистов. Переехав, по просьбе пребывавшего тогда в Италии императора Мануила II, на короткое время в Милан, он после этого был профессором в Павии. Проведя некоторое время в Византии, Хрисолор вернулся в Италию, сделал, по поручению императора, большое путешествие в Англию, Францию и, может быть, в Испанию, затем сблизился с папской курией. Будучи послан папою в Германию для переговоров о предстоящем соборе, он, когда собор состоялся в Констанце, приехал туда и там умер в 1415 г. Хрисолор, очевидно, имел главное значение благодаря своей преподавательской деятельности и уменью передать слушателям свои обширные познания в греческой литературе. Оставленные им сочинения в виде богословско-церковных трактатов, греческой грамматики, некоторых переводов, напр., дословного перевода Платона, и писем не позволяют нам видеть в Хрисолоре большого литературного таланта. Но влияние его на гуманистов было громадное, и они окружают личность византийского профессора необычайными похвалами и искренним восторгом. Гуарино сравнивает его с солнцем, озарившим Ита-

1) De rebus senilibus, XI, 9.

лию, погруженную в глубокий мрак; он желал бы, чтобы благодарная Италия воздвигла ему на его пути триумфальные арки. Его называют „князем греческого красноречия и философии“ [1]). К числу его учеников принадлежали самые крупные деятели нового направления. Один французский историк Возрождения (Monnier), вспоминая отзывы гуманистов о Варлааме и Пилате, пишет: „Хрисолор—не тупая башка, не вшивая борода, не грубый калабриец, готовый дико хохотать над тонкими остротами Теренция; это—настоящий грек. Он—из Византии; он—благородного происхождения; он—ученый; кроме греческого языка он знает и латинский язык; он—важен, мягок, религиозен и благоразумен; он как будто рожден для добродетели и для славы; он знаком с последним словом науки о высоких предметах; словом, это—учитель. Это первый греческий профессор, который, возобновляя традиции, занял кафедру в Италии“ [2]).

Гораздо шире и глубже влияли на Италию в XV веке знаменитые представители эпохи византийского Возрождения, Гемист Плифон и Виссарион Никейский. О первом из них, как возбудителе идеи основания Платоновской академии во Флоренции и возродителе платоновской философии на Западе, речь была выше. Второй же из них представляет собою первостепенную величину в культурном движении того времени.

Виссарион родился в самом начале XV века в Трапезунте, где и получил первоначальное образование. Будучи отправлен для дальнейшего усовершенствования в Константинополь, он там вошел в изучение греческих поэтов, ораторов и философов, а встреча с итальянским гуманистом Филельфо, слушавшим тогда также лекции на берегах Босфора, познакомила Виссариона с гуманистическим движением в Италии и с проявившимся в то время там глубоким интересом к памятникам античной литературы и искусства. Уже монахом Виссарион после этого продолжал свои занятия в Пелопоннесе, в культурной Мистре, под руководством самого знаменитого Плифона. В качестве архиепископа Никеи он сопровождал императора на Ферраро-Флорентийский собор и имел сильное влияние на ход его переговоров, постепенно склоняясь на сторону унии. „Я не считаю справедливым, писал Виссарион во время собора, разделяться с латинянами вопреки всяким разумным основаниям“ [3]). Во время своего пребывания в Италии, попав в обстановку кипучей жизни Возрождения и сам по таланту и образованию не уступая итальянским гуманистам, он завязал с ними широкие

---

[1]) См. Ph. Monnier. Le Quattrocento. Essai sur l'histoire littéraire du XV siècle italien. II, Paris, 1901, 6 (русск. пер. Ф. Монье. Спб., 1904, 252—253). М. Корелин, 1002.

[2]) Monnier, II, 4 (р. пер., 251).

[3]) Bessarionis Cardinalis Oratio dogmatica pro unione. Migne. P. Gr., 161, col. 612.

сношения, а, благодаря взглядам своим на вопрос об унии, сблизился с папской курией. По возвращении в Константинополь Виссарион быстро убедился, в виду несочувствия громадной массы греческого населения, в невозможности провести дело унии на Востоке так, как ему хотелось бы. Получив известие о назначении его кардиналом римской церкви, чувствуя ложность своего положения на родине и уступая желанию снова попасть в Италию, в этот центр гуманизма, он покинул Византию и переселился в Италию.

В Риме дом Виссариона сделался центром гуманистического общения. Друзьями его были наиболее выдающиеся представители гуманизма, как напр., Поджио и Валла. Последний называл Виссариона, имея в виду его превосходное знание обоих древних языков, „лучшим греком из латинян и лучшим латинянином из греков" (latinorum graecissimus, graecorum latinissimus[1]). Усердно покупая книги или заставляя их для себя переписывать, Виссарион составил у себя дома превосходную библиотеку, в состав которой вошли как произведения отцов восточной и западной церкви и вообще богословской мысли, так и сочинения гуманистической литературы. В конце жизни он подарил свое богатейшее для того времени книгохранилище городу Венеции, где она и явилась одним из главных оснований знаменитой теперь библиотеки св. Марка, на входной двери которой до сих пор можно видеть нарисованный портрет Виссариона.

Была еще одна идея, которая сильно его занимала: это—идея крестового похода против турок. Получив известие о падении Константинополя, Виссарион сейчас же написал венецианскому дожу письмо, где указывал на угрожающую Европе со стороны турок опасность и во имя этого призывал вооружиться против них[2]). Иных оснований Европа могла в то время и не понять. Виссарион умер в 1472 г. в Равенне, откуда тело его было перевезено для торжественного погребения в Рим.

Литературная деятельность Виссариона протекала в Италии. Кроме многочисленных сочинений богословского характера, об унии, „Догматической речи", опровержения Марка Евгеника, в области полемики, эксегетики, Виссарион оставил гораздо более характерные для него, как гуманиста, переводы классических авторов, Димосфена, Ксенофонта, метафизики Аристотеля. Являясь сторонником Платона, Виссарион в своем сочинении „Против клеветника Платона" (In calumniatorem Platonis) сумел удержаться в границах некоторого беспристрастия, чего

---

[1]) H. Vast. Le cardinal Bessarion. Paris, 1878, заглавный лист. Rocholl. Bessarion. Studie zur Geschichte der Renaissance. Leipzig, 1904, 105.

[2]) См. А. Садов. Виссарион Никейский. Спб., 1883, 276.

нельзя было сказать о других представителях аристотелизма и платонизма.

Виссарион представлял собою „лучше, чем кто-либо другой из крупных людей его времени, пример слияния греческого гения с гением латинским, из чего и вытекает Возрождение“ [1]. „Виссарион жил, пишет его французский биограф (Henri Vast), на рубеже двух эпох. Это—грек, сделавшийся латинянином, кардинал, покровительствующий ученым, богослов-схоластик, ломающий копья в пользу платонизма, усердный почитатель древности, содействовавший более, чем кто-либо, зарождению современности (l'âge moderne). Он связан со средними веками своим идеалом, который он старается осуществить в христианском единении и крестовом походе; и вместе с тем он господствует над своим веком, он его с жаром толкает на новые пути прогресса и Возрождения“ [2]. Один из современников Виссариона, Михаил Апостолий или Апостолис, делает из него, в своем увлечении личностью и талантом знаменитого современника, как бы полу-бога. В своей надгробной речи Виссариону он писал: „(Виссарион) был отображением божественной и истинной мудрости“ [3].

Многие произведения Виссариона еще не изданы. Современная нам Италия, чтя его память, издает даже католический журнал, преследующий цели соединения церквей, который носит название „Виссарион“ (Bessarione).

Но Византия внесла свою лепту в историю Возрождения не только насаждением знаний греческого языка и литературы, путем уроков и лекций, не только деятельностью таких талантов, открывавших Италии новые горизонты, какими были Плифон и Виссарион. Византия дала Западу громадное число драгоценных греческих рукописей, которые содержали лучших представителей античной литературы, не говоря уже о текстах византийского времени и отцов греческой церкви.

Итальянские гуманисты, во главе с известным библиофилом Поджио, объехали Италию и Западную Европу и собрали к тридцатым годам XV века, т. е. к эпохе Флорентийского собора, почти все произведения латинских классиков, какие мы теперь знаем. Со времени же появления в Италии Мануила Хрисолора, возбудившего восторженное поклонение древней Элладе, в Италии появилось определенное стремление к приобретению греческих книг, для чего необходимо было использовать византийские книжные сокровища. Возвратившиеся из Византии итальянцы, которые ездили туда учиться греческой му-

[1] Vast, IX.
[2] Vast, XI.
[3] M. Apostoli Laudatio funebris Bessarionis. Migne. P. Gr., 161. col. CXL.

дрости, привозили с собой и греческие книги. Первым из них был слушатель Хрисолора в Константинополе Гуарино, который привез в Италию несколько книг. Но, чем Поджио был для собирания памятников римской литературы, тем для греческой литературы сделался Джованни Ауриспа, который, отправившись в Византию, привез из Константинополя, Пелопоннеса и островов не менее 238 томов, т. е., другими словами, целую библиотеку, которая заключала в себе лучших классических писателей.

По мере того, как условия жизни в Византии становились тяжелее и опаснее в связи с турецкими завоеваниями, греки, усиленно переселяясь на Запад, привозили с собой и памятники своей литературы. Подобное накопление в Италии сокровищ классического мира, совершившееся благодаря Византии, создало на Западе исключительно благоприятные условия для ознакомления с далеким прошлым Эллады и сокровищами ее вечной культуры. Передавая их на Запад и спасая тем от турецкого разгрома, Византия сделала великое просветительное дело для грядущих судеб человечества.

ЛИТЕРАТУРА ВОПРОСА.

Сочинения общего характера по истории Византии см. у А. А. Васильева. Византия и крестоносцы. Птб., 1923, 118. Общих сочинений по истории эпохи Палеологов, принадлежащих перу русских ученых, нет. Π. Καλλίγας. Μελέται βυζαντινῆς ἱστορίας ἀπὸ τῆς πρώτης μέχρι τῆς τελευταίας ἁλώσεως (1205—1453). Афины, 1894, 245—775 (хороший очерк, главным образом, внешней истории времени Палеологов). Полных монографий по отдельным царствованиям Палеологов нет. Работы монографического характера по отдельным царствованиям: V. Parisot. Cantacuzène homme d'état et historien ou examen critique comparatif des Mémoires de l'empereur Cantacuzène et des sources contemporaines et notamment des 30 livres dont 14 inédits de l'Histoire byzantine de Nicéph. Grégoras qui controlent les Mémoires de Cantacuzène. Paris, 1845 (старая, но солидная и интересная, хотя и с тенденцией в пользу Кантакузина работа, дающая и общее представление об эпохе). Berger de Xivrey. Mémoire sur la vie et les ouvrages de l'empereur Manuel Paléologue. Mémoires de l'Institut de France. Académie des inscriptions et belles-lettres. XIX, deuxième partie. Paris, 1853 (превосходная работа о личности и литературной деятельности Мануила II, дающая также прекрасное общее представление о его эпохе). Политические отношения эпохи: Норманны (королевство обеих Сицилий).. W. Norden. Das Papsttum und Byzanz. Die Trennung der beiden Mächte und das Problem ihrer Wiedervereinigung bis zum Untergange des byzantinischen Reichs (1453). Berlin, 1903, 399—655 (по вопросу о норманно-византийских отношениях много важного и нового). Славяне. Иречек. История Болгар. Пер. Бруна и Палаузова. Одесса, 1878, 358—481 (болгаро-византийские отношения). Т. Флоринский. Южные славяне и Византия во второй четверти XIV века. Вып. I—II. Спб., 1882 (хороший обзор внешних отношений империи в эпоху Андроника III, Иоанна Кантакузина и Стефана Душана). C. Jireček. Geschichte der Serben. I, Gotha, 1911 (283—442; до 1371 г.); II (1), Gotha, 1918. Албанцы. Fallmerayer. Geschichte der Halbinsel Morea. II. Stuttgart, 1836 (тенденциозно). В. Макушев. Исторические разыскания о славянах в Албании в средние века. Варшава,

1871. J. C. Jireček. Albanien in der Vergangenheit. Oesterreichische Monatsschrift für den Orient. 1914, Nr. 1—2. Турки. E. Pears. The Destruction of the Greek Empire and the story of the capture of Constantinople by the Turks. London, 1903 (очерк истории Палеологов в отношении их к туркам). N. Jorga. Geschichte des Osmanischen Reichs. I (bis 1451); II (bis 1538). Gotha, 1908—1909 (история византийско-турецких отношений). Новейшее сочинение о взятии Константинополя турками в 1453 г. G. Schlumberger. Le siège, la prise et le sac de Constantinople par les Turcs en 1453. Paris, 1915; там же литература вопроса, 365—369. См. по этому вопросу также: П. Д. Погодин. Обзор источников по истории осады и взятия Византии турками в 1453 г. Журн. Мин. Нар. Просв., 264 (1889), 205—258. Очерки по истори Византии, под редакцией В. Н. Бенешевича. IV. Птг., 1915, 64. Церковная история: Belin. Histoire de la Latinité de Constantinople. 2-e éd. Paris, 1894, 91—109 (краткий, поверхностный очерк истории католической церкви в Византии при Палеологах). А. Лебедев. Исторические очерки состояния византийско-восточной церкви от конца XI до половины XV века. Изд. второе. Москва, 1902. Его же. История греко-восточной церкви под властию турок. Изд. второе. Спб., 1904. (обе книги очень содержательны). W. Norden (см. выше; важный труд). И. Е. Троицкий. Арсений, патриарх Никейский и Константинопольский, и арсениты. Спб., 1873; первоначально напечатано в Христианском Чтении (прекрасное изображение жизни восточной церкви во второй половине XIII века, т. е. при Михаиле VIII и Андронике II). Г. Παπαμιχαήλ. Ὁ ἅγιος Γρηγόριος Παλαμᾶς ἀρχιεπίσκοπος Θεσσαλονίκης. Александрия, 1911 (интересный труд по истории религиозно-мистического движения исихастов XIV века); по поводу этого сочинения содержательный и подробный отчет И. И. Соколова. Св. Григорий Палама, архиепископ фессалоникский, его труды и учение об исихии. Журн. Мин. Нар. Просв., апрель—июль 1913 г. и отд. оттиск. O. Tafrali. Thessalonique au quatorzième siècle. Paris, 1913, 170—203 (исихастский спор). Литературу о Флорентийской унии см. у P. Pierling. La Russie et le Saint-Siège. I, 2-e éd., Paris, 1906, 442—450. Культура: Ch. Diehl. L'empire byzantin sous les Paléologues. Etudes byzantines. Paris, 1905. 217—240 (краткий содержательный очерк). Ф. Успенский. Очерки по истории византийской образованности. Спб., 1892, 246—388 (много нового и свежего материала по вопросу об исихастском движении и об отношении Византии к Возрождению); сюда же содержательный отзыв на эту книгу П. В. Безобразова в Виз. Временнике, III (1896), 125—150. K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897 (сведения о писателях). А. Лебедев (см. выше). Д. В. Айналов. Византийская живопись XIV столетия. Зап. класс. отд.

Р. Арх. Общ., IX (1917), 62—230 (важная работа). Монографии об отдельных писателях: Иоанн Кантакузин. Parisot (см. выше). Мануил II. Berger de Xivrey (см. выше). Георгий Франдзи. Г. Дестунис. Опыт биографии Георгия Франдзия. Жур. Мин. Нар. Просв., 287 (1893), 427—497. Дука. Е. Черноусов. Дука, один из историков конца Византии. Виз. Временник, XXI (1914), 3—4, 171—221. Лаоник Халкондил. K. Güterbock. Laonikos Chalkondyles. Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht. IV (1910), Breslau, 72—102. W. Miller. The Last Athenian Historian: Laonikos Chalkondyles. The Journal of Hellenic Studies. XLII (1922), 36—49. Виссарион Никейский. H. Vast. Le cardinal Bessarion (1403—1472). Etude sur la chrétienté et la renaissance vers le milieu du XV siècle. Paris, 1878. А. Садов. Виссарион Никейский. Его деятельность на Ферраро-Флорентийском соборе, богословские сочинения и значение в истории гуманизма. Спб., 1883. R. Rocholl. Bessarion. Studie zur Geschichte der Renaissance. Leipzig, 1904. Григорий Палама. Παπαμιχαήλ и И. И. Соколов (см. выше). Николай Кавасила. W. Gass. Die Mystik des Nikolaus Kabasilas vom Leben in Christo. Greisswald, 1849. П. Аникиев. К вопросу о православно-христианской мистике. Православно-русское Слово. 1903, авг., № 13, 200—217. Гемист Плифон. C. Alexandre. Pléthon. Traité de lois. Paris, 1858. F. Schultze. Geschichte der Philosophie der Renaissance. I. Georgios Gemistos Plethon und seine reformatorischen Bestrebungen. Jena, 1874. H. F. Tozer. A Byzantine Reformer (Gemistus Plethon). The Journal of Hellenic Studies. VII (1886), 353—380. Мазари. H. F. Tozer. Byzantine Satire. The Journal of Hellenic Studies. II (1881), 233 — 270. M. Treu. Mazaris und Holobolos. Byz. Zeitsch., I (1892), 86—97. Арменопуло. L. Siciliano Villanueva. Diritto bizantino. Enciclopedia Giuridica Italiana. IV, parte V, fasc. 451, p. 72. Л. А. Кассо. Византийское право в Бессарабии. Москва, 1907, 42—49. Морейская хроника. J. Schmitt. Die Chronik von Morea. Eine Untersuchung über das Verhältnis ihrer Handschriften und Versionen. München, 1889 и Его же Введение к изданию хроники. The Chronicle of Morea. London, 1904. J. Longnon. Livre de la conqueste de la Princée de l'Amorée. Chronique de Morée. Paris, 1911. Роман „Ливистр и Родамна". Ch. Diehl. Figures byzantines. II, Paris. 1908, 337—353 (есть русск. перевод). Общие указания на искусство в эпоху Палеологов, не считая более новых названных в тексте работ Д. В. Айналова, Ф. И. Шмита и Г. Милле́ (Millet), можно найти в руководствах Ch. Diehl. Manuel d'art byzantin. Paris, 1910, и O. M. Dalton. Byzantine art and archaeology. Oxford, 1911.

Цена [illegible]

СКЛАД ИЗДАНИЙ:
Магазины „ACADEMIA“
ЛЕНИНГРАД. Пр. Володарского, 40. Тел. 138-98
МОСКВА. 1) Тверская, 29. Тел. 64-38. 2) Моховая, 26